

Федор Иванович Тютчев
Стихотворения

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ФЕДОР ТЮТЧЕВ

Стихотворения

Текст предоставлен правообладателем. http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3955325
«Тютчев Ф. И. Стихотворения»: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58650-9

Аннотация

Ф. И. Тютчев – выдающийся представитель русской философской лирики XIX века, великий русский поэт, стихотворениями которого восхищался А. С. Пушкин.

Тютчев, не будучи поэтом «по профессии», писал на грани озарения, с сердцем, «полным тревоги», и оттого книга его стихотворений, по известному надписанию Фета, «томов премногих тяжелей». Лирика Тютчева проникнута страстной, напряженной мыслью, острым чувством трагизма жизни, отражает сложность и противоречивость действительности, часто в образах природы. Любовной лирике поэта свойственны исповедальность, осмысление любви как фатальной силы, ведущей к опустошению и гибели. Настоящее издание достаточно полно представляет поэтическое наследие Ф. И. Тютчева: в книгу вошли почти все стихотворения поэта – 365 из 404 известных.

Федор Тютчев Стихотворения

Предисловие (1803–1873)

«Его ум и его сердце были, по-видимому, постоянно заняты: ум витал в области отвлеченных, философских или исторических помыслов; сердце искало живых ощущений и тревожений; но прежде всего и во всем он был поэт, хотя собственно стихов он оставил по себе сравнительно и не очень много».

И.С. Аксаков, «Биография Федора Ивановича Тютчева» (1886)

Поэзия и политика были главными увлечениями Тютчева. Поэт он был, как выразился первый его биограф И.С. Аксаков, «по призванию, которое было могущественнее его самого, но не по профессии», и стихи «не писал, а только записывал». Они являлись под впечатлением минуты, переживаемой со всем напряжением ума и сердца. Взмах ресниц, вспышка зарницы или полет мотылька в стихах Тютчева причастны к «жизни божески-всемирной» – к стихиям природы и тайнам истории. Он был одарен свойством видеть мир целиком – с «шевелившимся» на дне его хаосом и «небом серафимских лиц» над ним, с его «минутами роковыми» и тишиной воскресных дней. И Россия, по словам того же Аксакова, «представлялась ему не в подробностях и частностях, а в своем целом объеме, в своем общем значении, – не с точки зрения нынешнего дня, а с точки зрения мировой истории». Поэтому и политические статьи Тютчева, как и его стихи, в которых речь идет о всемирном предназначении и будущем России, до сих пор не потеряли своей убедительности, хотя, по всей видимости, его прогнозы – возможно, чересчур дальновидные – и не сбылись. В них чувствуется вдохновение прорицателя, правда, отталкивающегося порой от каких-то уж слишком сиюминутных обстоятельств, а то и от спиритических сеансов – модной одно время светской новинки:

Стоим мы слепо пред Судьбою,
Не нам сорвать с нее покров...
Я не свое тебе открою,
Но бред пророческий духов...

(«На новый 1855 год»)

И.С. Тургенев обращал внимание на «соответственность таланта Тютчева с жизнью

автора». Действительно, сочинявший и мысливший словно бы по наитию, на грани озарения, с сердцем, «полным тревоги», Тютчев мало был приспособлен к обыденной жизни в семье, на службе, среди литераторов. «Он совершенно вне всяких законов и правил, – записала однажды в своем дневнике дочь поэта. – Он поражает воображение, но в нем есть что-то жуткое и беспокойное». Неудивительно, что, самоотверженно любимый несколькими женщинами, он причинял им страдание, а в стихах с особенной силой выразил трагическую сторону любви. Тонкий знаток европейской политики, к тому же долго прослуживший в дипломатическом ведомстве, он почти не проявил себя как практический деятель. Наконец, «один из лучших лириков, существовавших на земле» (по выражению знавшего цену этим словам А.А. Фета), Тютчев так и не сделал того, что называется литературной карьерой. До 50-летнего возраста он как поэт был почти никому не известен, да и потом число ценителей его поэзии еще долго оставалось невелико. В двух прижизненных сборниках, вышедших почти без участия автора в 1854 и 1868 гг., в общей сложности было менее двухсот стихотворений, причем в основном довольно коротких. Количество известных сейчас стихотворений Тютчева вдвое больше, но и этого для профессионального литератора, прожившего долгую жизнь, было бы «не очень много». Зато такая умеренная плодовитость, как и отсутствие прочных связей с литературными кругами, хорошо гармонировали с романтически-независимым духом его творчества.

Есть свидетельства, что Тютчев не заботился о сохранности своих стихов, и некоторые из них, вероятно, теперь навсегда утрачены, но все сохранившееся обладает исключительной весомостью. По известному надписанию Фета на книжке стихотворений Тютчева (1883), она получилась «томов премногих тяжелей»:

Вот наш патент на благородство –
Его вручает нам поэт:
Здесь – духа мощного господство,
Здесь – утонченной жизни цвет.

В сыртах не встретишь Геликона,
На льдинах лавр не расцветет,
У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.

Но муза, правду соблюдая,
Глядит, – а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

«Патент на благородство», как видно, выдается нам за явленную в поэзии Тютчева «утонченную жизнь» «мощного духа» – сочетание, в общем-то, необыкновенное и отчасти парадоксальное, но верно характеризующее одну из ярких особенностей этой поэзии.

1

Федор Иванович Тютчев родился 23 ноября (5 декабря н. ст.) 1803 г. в селе Овстуг Брянского уезда Орловской губернии. Он был вторым ребенком в семье своего отца, отставного гвардейского офицера и помещика среднего достатка, и принадлежал к старинному дворянскому роду, известному со времен князя Дмитрия Донского, при котором служил боярин Захарий Тютчев.

Детство поэта прошло в Овстуге и, по большей части, в Москве, где до Отечественной войны 1812 г. и потом, уже после изгнания французов, подолгу жили его родители. Среди тех, с кем они водили знакомство, был В.А. Жуковский. Как-то, уже в 1818 г., юный Тютчев с отцом посетили его в келье Чудова монастыря в Кремле, где он остановился, и в этот момент колокольный звон возвестил о рождении будущего императора Александра II. Это совпадение произвело сильное впечатление на Тютчева: более чем через полвека он вспомнит о нем в

одном из своих предсмертных стихотворений – «17-ое апреля 1818» («На первой днѣй моих заре...»).

В лучших традициях русского дворянства в семье Тютчевых европейская образованность сочеталась с православным благочестием. Воспитателем и учителем к девятилетнему Федору пригласили начинающего поэта и переводчика Семена Егоровича Раича (1790 или 1792–1855), выпускника семинарии и родного брата будущего киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова). Раич, поклонник классической поэзии древних, рано привил вкус к ней и Тютчеву и впоследствии вспоминал: «Необыкновенные дарования и страсть к просвещению милого воспитанника изумляли и утешали меня; года через три он уже был не учеником, а товарищем моим, – так быстро развивался его любознательный и восприимчивый ум! <...> Он был посвящен уже в таинства поэзии и сам соp атоге занимался ею; по тринадцатому году он переводил уже оды Горация с замечательным успехом».

Одно из подражаний Тютчева Горацию было прочитано на заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете (ОЛРС) 22 февраля 1818 г.¹, а 30 марта его юный автор был принят в Общество со званием «сотрудника» (в один день с Раичем). Менее чем через год состоялось и первое выступление Тютчева в печати – в августе 1819 г. в «Трудах ОЛРС» было опубликовано «Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду».

В ноябре 1819 г. Тютчев поступил на словесное отделение Московского университета, где уже два года к тому времени посещал профессорские лекции в качестве вольнослушателя. Здесь он обрел своего второго наставника в поэзии – профессора словесности Алексея Федоровича Мерзлякова (1778–1830), поэта, критика и теоретика литературы. Он тоже был сторонником испытанного временем классического искусства и, среди прочего, занимался с учащимися разборами русских авторов XVIII в. От него Тютчеву передалось то предпочтение, которое он, в отличие от многих своих сверстников, отдавал духовным и торжественным одам М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина перед новейшей элегической и «легкой» поэзией, обращенной к жизни частного человека. Только этих двоих из русских поэтов он называет в своей большой дидактической оде «Урания», которая была прочитана на торжественном университетском собрании 6 июля 1820 г. Это самое значительное из юношеских произведений Тютчева. В нем выразилась его приверженность к предметам возвышенным и ученым и соответствующей им высокой стилистике. Тема, продиктованная жанром официального стихотворения во славу наук и университета (такие, в частности, сочинял Мерзляков), в «Урании» получила отчасти религиозное освещение: судьбу наук и искусств в истории человечества юный поэт поставил в связь с путями истинного богопочитания на земле. Принципиальную убежденность в назначении поэзии облагораживать человеческие души автор «Урании» еще раз выразил в примерно тогда же сделанном поэтическом «выговоре» А.С. Пушкину за его либеральную оду «Вольность»:

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

¹ Текст этого стихотворения считается утраченным, известно только его название: «Вельможа. Подражание Горацию». Г.И. Чулков предполагал, что это сохранившаяся юношеская ода Тютчева «На Новый 1816 год», но не исключено также, что это был первый вариант далее упоминаемого «Послания Горация к Меценату», в котором Тютчев распространил речь о добродетелях государственного мужа.

(«К оде Пушкина на Вольность», 1820)

В те годы, когда юный Пушкин в Петербурге вращался в кругу будущих декабристов, юного Тютчева в Москве занимали вопросы эстетические и философские, в свете которых понятен этот его отклик: он сочувствует вольнолюбивому пафосу автора «Вольности», но предлагает ему послужить высшей цели – смягчению «жестоких сердец». Алкею, представляющему мятежную гражданскую поэзию, Тютчев словно бы противопоставляет образ неназванного Орфея, смягчавшего игрою на лире сердца воинственных и грубых «лесных людей»². Так на пушкинскую оду могли бы отреагировать В.А. Жуковский и Н.М. Карамзин, творчество которых было общим для Тютчева и Пушкина нравственным ориентиром.

Нельзя сказать, что Тютчева совсем не затронули волновавшие тогда молодежь либеральные идеи, но они его скорее отталкивали – и не в последнюю очередь как произведенные духом «современности». Неприятие последней поэт с пафосом высказал в полемическом послании «А.Н. М<уравьеву>» (1821): «Нет веры к вымыслам чудесным, / Рассудок все опустошил...» Это первое натурфилософское стихотворение Тютчева, и речь в нем идет о восприятии природы древними людьми и современниками автора. Но и в области политической мысли он позднее всегда будет апеллировать к вере и осуждать прикрывающийся разумными соображениями произвол человеческого «я». Так что неудивителен с юности исповедуемый Тютчевым безукоризненный монархизм – символ доверия вековым установлениям. Незадолго до восстания декабристов в 1825 г., будучи уже дипломатическим чиновником и находясь в России в отпуске, Тютчев приедет из Москвы в Петербург и в самый день восстания на Сенатской площади 14 декабря будет неподалеку от места событий, но его в итоге не коснется и тень подозрения. На обнародование приговора декабристам в 1826 г. он, уже из-за границы, откликнется с исключительной суровостью – и вполне искреннею, поскольку до смерти поэта почти никто не видел этого стихотворения:

Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена –
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.

(«14-ое декабря 1825»)

Университет Тютчев окончил в два года (вместо обычных трех) и в декабре 1821 г. был выпущен кандидатом словесных наук. Вскоре он переехал в Петербург и поступил на службу в Коллегию иностранных дел, а уже в июне 1822 г., при посредничестве своего родственника графа А.И. Остермана-Толстого, отправился в Мюнхен, столицу Баварского королевства, куда был причислен к русской дипломатической миссии «сверх штата». Едва ли он тогда думал, что на «чужой стороне» ему предстоит провести двадцать два лучших года жизни.

2

Мюнхен в период службы в нем Тютчева претендовал на статус культурного и политического центра Германии. Баварский король Людвиг I, взойшедший на престол в 1825 г., пожелал образовать из своей столицы «вторые Афины» и отчасти преуспел в своих начинаниях, привлекая в город известных художников, архитекторов и ученых. В 1826 г. в Мюнхен был перенесен один из старинных немецких университетов. В 1827 г. в нем начал читать лекции Фридрих Шеллинг – наиболее почитавшийся в московском окружении Тютчева немецкий

² Образ Орфея занимает важное место в программном стихотворении Н.М. Карамзина «Поэзия» (1792). Сам Пушкин, как известно, позднее будет видеть свою заслугу в том, что «чувства добрые» он «лирой пробуждал», но и от «Свободы», восславленной им в его «жестокий век», не отречется («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», 1836).

философ. В 1828 г. в Мюнхене поселился Генрих Гейне – восходящая европейская знаменитость. С Шеллингом у Тютчева установились хорошие личные отношения, так что он не раз выступал посредником между философом и приезжавшими к нему за наукой русскими путешественниками. С близким себе по возрасту Гейне Тютчев завязал дружеские отношения: немецкий поэт в письмах того периода именовал его не иначе как «мой друг» и даже «мой лучший друг». Первые переводы из Гейне на русский язык принадлежат именно Тютчеву. Всего он перевел 10 его стихотворений, причем первые переводы были сделаны еще до их знакомства, а последний – уже незадолго до смерти Тютчева.

Вообще, ко второй половине 1820-х гг. относится большинство тютчевских переводов, и среди них не только неизбежные для проживающего в Германии русского поэта той поры Гете и Шиллер, но и, например, отрывки из драм Шекспира, Ж. Расина, В. Гюго. Для Тютчева это были своего рода поэтические упражнения, но всякий раз он избирал нечто близкое себе по тематике. Сам он более всего ценил свои переводы из «Фауста» Гете и, когда в 1831 г. по ошибке сжег многие свои стихотворения, особенно сожалел о полностью переведенном им первом акте второй части «Фауста».

В тот же период Тютчев сложился как оригинальный поэт, но на родине об этом догадывались только его друзья, поскольку в печати появлялись лишь отдельные стихотворения и, как правило, без полной подписи. Раич в издаваемом им журнале «Галатей» в 1829–1830 гг. поместил более 15 новых стихотворений Тютчева, но практически никто их не заметил и не оценил по достоинству. Та же судьба постигла и другую, гораздо более весомую публикацию в пушкинском «Современнике» в 1836 г. Она состоялась по инициативе И.С. Гагарина, сослуживца Тютчева и поклонника его поэзии, который, приехав в Россию, удивился, что здесь его друг как поэт никому не известен. Он сумел получить от Тютчева списки его стихотворений (в том числе уже публиковавшихся) и показал их Жуковскому и П.А. Вяземскому, которые, в свою очередь, передали их Пушкину, а он уже отобрал из них 24 стихотворения для своего журнала. Они появились в 1836 г. в третьем и четвертом томах «Современника» под общим заглавием «Стихотворения, присланные из Германии» и за подписью «Ф.Т.»³. Эта публикация в свое время также не стала заметным событием – возможно, из-за гибели Пушкина, заслонившей собою все последние литературные новинки. Но главным образом, в этом видимом отсутствии общественной реакции на стихотворения Тютчева сказались его отчужденность от отечественных литературных кругов, объясняемая как житейскими обстоятельствами, так и нежеланием поэта прославиться в качестве профессионального литератора. М.П. Погодин, его университетский приятель, живший как раз литературным трудом, встретившись с Тютчевым в один из его приездов в Россию еще в 1820-х гг., с неудовольствием отметил, что «от него пахнет двором». Иными словами, бывшему однокашнику он показался вполне упоенным своими успехами в свете и при дворе.

Между тем к своей дипломатической карьере Тютчев относился довольно беспечно. Гораздо большее место в его жизни занимали сердечные увлечения, с удивительным постоянством обращавшиеся в драмы со скандальным оттенком. Лишь первое из известных увлечений поэта – Амалией Лёрхенфельд (1808–1888), внебрачной дочерью баварского дипломата и двоюродной сестрой великой княгини Александры Федоровны (в скором будущем императрицы, жены Николая I) – было мимолетно и ничем не омрачено. В 1825 г. она вышла замуж за сослуживца Тютчева по мюнхенской дипломатической миссии барона А.С. Крюденера. Эта романтическая влюбленность памятником по себе оставила лишь смутное семейное предание, связавшее с нею два редких у Тютчева по-пушкински умиротворенных стихотворения «Я помню время золотое...» (1836) и «Я встретил вас – и все былое...» (1870).

В 1826 г. Тютчев по страстной влюбленности женился на вдове русского дипломата

³ Одно из отобранных Пушкиным стихотворений – «Два демона ему служили...» (позднее вошло в цикл «Наполеон») – было запрещено цензурой, но в общей сложности их появилось все-таки 24 (по перепутанной нумерации – 23). В 1837 г. в шестом томе «Современника», изданном после гибели Пушкина в пользу его семейства, появилось еще четыре стихотворения Тютчева под тем же заглавием – «Стихотворения, присланные из Германии» и с продолжением пушкинской нумерации.

Элеоноре Петерсон (урожденная графиня Ботмер, 1800–1838). Брак был заключен по лютеранскому обряду, незаконному в глазах Православной Церкви и русского правительства. Православное венчание дипломатического чиновника за границей требовало продолжительных хлопот, и Тютчев озаботился этим лишь накануне рождения дочери и после назначения его вторым секретарем посольства. Обвенчались они в начале 1829 г. в греческой православной церкви, незадолго до того открывшейся в Мюнхене. Вскоре Элеонора Федоровна, уже имевшая от первого брака четырех детей, родила Тютчеву трех дочерей – Анну (в замужестве Аксакова, 1829–1889), Дарью (1834–1903) и Екатерину (1835–1882).

Брак, казалось, был вполне счастлив, но в 1833 г. поэт познакомился с замужней баронессой Эрнестиной Дёрнберг (урожденная баронесса Пфеффель, 1810–1894), в том же году она овдовела, а еще через некоторое время между ними завязался бурный роман, стоивший тяжких потрясений первой жене поэта. В 1837 г. вместе с семьей Тютчев приезжает в Россию, где получает назначение на должность первого секретаря русского посольства в Турине, столице Сардинского королевства, и вскоре, оставив семью в Петербурге, отбывает к месту службы. В Италии в конце 1837 г. он вновь встречается с Эрнестиной, полагая, что это их последняя встреча, но за нею только последовали новые свидания в разных городах Европы (эти перипетии отразились в ряде стихотворений 1830-х гг.: «Еще земли печален вид...», «1-ое декабря 1837», «С какою негою, с какой тоской влюбленной...», «Итальянская villa» и др.). А между тем, в мае 1838 г. пароход «Николай I», на котором жена Тютчева возвращалась с детьми к мужу, как сообщали тогда газеты, «сгорел в море» у берегов Любека (среди его пассажиров был юный И.С. Тургенев, описавший позднее это событие в очерке «Пожар на море»). Элеонора Федоровна сумела спасти детей, но во время пожара она простудилась и в августе того же года умерла. Тютчев, проведя ночь у ее гроба, по свидетельству знавших его, «поседел в несколько часов».

В октябре 1838 г. он писал Жуковскому: «Есть ужасные годы в существовании человеческом... пережить все, чем мы жили – жили в продолжение целых двенадцати лет... Что обыкновеннее этой судьбы – и что ужаснее? Все пережить и все-таки жить... Есть слова, которые мы всю нашу жизнь употребляем, не понимая... и вдруг поймем... и в одном слове, как в провале, как в пропасти, все обрушится». Это одно из немногих писем Тютчева, написанных по-русски (обычно письма он писал на французском языке). Понадобился родной язык, чтобы передать боль постигшей его утраты. Позднее слова из этого письма перейдут в стихотворение о смерти уже другой женщины: «О Господи!.. и это *пережить* ... / И сердце на клочки не разорвалось...» («Весь день она лежала в забытьи...», 1864). А пока он на десять лет почти вовсе перестанет писать стихи (с 1839 по 1848 г. – меньше десятка стихотворений), и одно из первых после длительного перерыва будет посвящено памяти первой жены:

Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный, –
Как ночью на небе звезда...

(«Еще томлюсь тоской желаний...», 1848)

Жуковский же, встретившись с Тютчевым вскоре после получения процитированного письма, записал в своем дневнике с недоумением: «Он горюет о жене, которая умерла мученической смертью, а говорят, что он влюблен в Минхене». Это тоже была правда. Уже в марте 1839 г. Тютчев получил разрешение на брак с Эрнестиной Дёрнберг. Однако, не имея возможности венчаться с нею в Италии, он просил еще и об отпуске и, так и не получив его, самовольно оставил посольство и на несколько месяцев уехал в Швейцарию, где в июле 1839 г. они венчались по двум обрядам – православному и (что требовалось для детей Эрнестины от первого мужа) католическому. От этого второго брака Тютчева также родились дети – дочь Мария (в замужестве Бирилева, 1840–1872) и сыновья Дмитрий (1841–1870) и Иван (1846–1909).

В результате своего проступка Тютчев в том же году был снят с должности секретаря

посольства в Турине, попросил об отставке и вернулся в Мюнхен. В 1841 г. он был официально уволен со службы и в наказание за новые самовольные отлучки лишен придворного звания камергера. До 1844 г. он еще жил в Мюнхене, но, тяготясь своим неопределенным положением, все-таки принял решение вернуться на родину. «Хоть я и не привык жить в России, – писал он родителям, – но думаю, что невозможно быть более привязанным к своей стране, нежели я, более постоянно озабоченным тем, что до нее относится. И я заранее радуюсь тому, что снова окажусь там».

3

В конце сентября 1844 г. Тютчев с семьей вернулся в Россию и через полгода, в марте 1845 г., был вновь зачислен на службу в Министерство иностранных дел. Этому предшествовала публикация в 1844 г. написанной Тютчевым по-французски политической статьи «Россия и Германия»⁴, в которой император Николай I, по его словам, «нашел свои мысли». В высшем петербургском обществе Тютчев был принят с восторгом как знаток европейской политики и блестящий остро слов. Когда, по обыкновению

рассеянный и погруженный в себя, он появлялся в свете и начинал говорить, присутствующие старались не пропустить очередного афоризма. Князь П.А. Вяземский, главный соперник Тютчева в светском остро словии, близко сошедший с ним в эти годы, говорил, что из его высказываний следовало бы составить «Тютчевяну» – и вышла бы «прелестная, свежая, живая современная антология» (спустя полвека после смерти поэта, в 1922 г., сборник с таким названием действительно составит и издаст Г.И. Чулков). Это были, однако, в основном не легкие шутки, а саркастические или гневные замечания на злобу дня – чаще всего о тупости российского правительства и кознях западных держав. Всякая сиюминутная мелочь в его словах обретала значительность исторического предзнаменования, причем отточенность тютчевских формулировок поражала не меньше, чем парадоксальность и смелость его суждений.

Дело было не только в живости ума поэта и дипломата, но и в том, что у него к этому времени сложилась стройная система взглядов на историю и политику. К концу 1840-х гг. он даже отчасти изложил ее письменно – в оставшемся незавершенным трактате «Россия и Запад». Как отдельные главы в него должны были войти изданные на французском языке статьи Тютчева – «Россия и Германия» (уже упоминавшаяся), «Россия и Революция» (1849) и «Папство и римский вопрос» (1850). В общих чертах свою систему он изложил и в особой докладной записке, поданной им Николаю I в июне 1845 г. (впрочем, никто эту записку и не подумал рассматривать как руководство к действию).

По Тютчеву, в мире есть только одна законная Империя, и в настоящий момент это православная самодержавная Россия, преемница христианской Восточной Римской империи, Византии. «Тело» ее – это славянство, которое призван объединить под своим началом русский царь, а «душа» – Восточная Православная Церковь, которая есть Церковь единственная и всемирная. Западная Европа, некогда отпавшая от церковного единства, соблазнилась его призраком в подчинении папскому престолу. В результате она веками страдала от бесчисленных конфликтов и разделений, преодоление которых возможно было лишь на основе насилия, поскольку, отвергая освободивший человечество закон Христа, люди неминуемо возвращаются к рабству. Современная западная цивилизация уже открыто поставила на первое место культ силы и человеческого «я» и тем обнаружила свою антихристианскую сущность. Эта цивилизация обречена на самоуничтожение, поскольку принципом ее существования является Революция, отвергающая всякий авторитет и несовместимая с принципом Власти. Поэтому потерпел поражение Наполеон, пытавшийся заменить театральными имперскими декорациями то, от чего Запад отрекся задолго до Французской революции, – законную Власть, действительно санкционированную свыше. Восторжествовавший на Западе культ

⁴ Статья вышла отдельной брошюрой в Мюнхене под заглавием «Lettre a Monsieur le D-r Gustave Kolb, rédacteur de la Gazette Universelle» («Письмо господину д-ру Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты»).

материальных интересов и беззастенчивый эгоизм в личных и государственных отношениях ведут к торжеству грубой силы и концу времен. Его предзнаменование – это волна больших и маленьких революций, прокатившаяся по всей Европе в 1848–1849 гг. Встать на пути Революции и спасти Запад и саму себя от неизбежной катастрофы может лишь Россия как единственная в мире законная Империя. Под скипетром русского царя должны объединиться все славянские народы, а затем и весь православный Восток, после чего и католический Рим вернется в лоно истинной Церкви. Столицами этой чаемой Тютчевым христианской империи, простирающейся «от Нила до Невы, от Эльбы до Китая», станут Москва, Константинополь и Рим (стихотворение «Русская география», 1848 или 1849). Скреплять ее будет не сила, а единство истинной веры, свободное подчинение власти, предписанное христианам, и взаимная любовь между людьми. Об этом же говорится в позднейшем восьмистишии «Два единства» (1870).

Таким образом, по Тютчеву, в мире остались лишь две силы – Россия и Революция, и от исхода борьбы между ними зависит его судьба. В одном стихотворении они олицетворяются в образах утеса и моря, пытающегося подмыть его основание («Море и утес», 1848). Отсюда же страстный призыв поэта к России: «Мужайся, стой, крепись и одолей!» («Ужасный сон отяготел над нами...», 1863). Это не мечты об имперской экспансии и даже не политическая теория, а религиозная историософия, от которой можно отмахнуться, но с которой бессмысленно спорить. Это предмет веры, как сама Россия, уподобленная Тютчевым Ноеву ковчегу в известном четверостишии «Умом Россию не понять...» (1866).

Однако тютчевская историософия, как и следовало ожидать, совершенно разошлась с современной политической реальностью. Словно в насмешку над историческими прозрениями поэта, в 1853 г. грянула Крымская война, которую сам он как-то назвал «войной кретинов с негодяями». Антихристианский Запад в союзе с мусульманскою Османской империей, угнетательницей православных народов, вновь воздвигся на христианскую Россию. При начале осады Севастополя Тютчев взывал к ней:

Ложь воплотилась в булат;
 Каким-то Божьим попушеньем
 Не целый мир, но целый ад
 Тебе грозит ниспроверженьем...

Все богохульные умы,
 Все богомерзкие народы
 Со дна воздвиглись царства тьмы
 Во имя света и свободы!

Тебе они готовят плен,
 Тебе пророчат посрамленье, –
 Ты – лучших, будущих времен
 Глагол, и жизнь, и просвещение!

(«Теперь тебе не до стихов...», 1854)

И Запад все-таки победил. Для России война закончилась сокрушительным поражением. Тютчев винил в этом правящую верхушку, слепую, на его взгляд, и чуждую самой России. «Если бы я не был так нищ, – писал он жене незадолго до сдачи Севастополя, – с каким наслаждением я тут же швырнул бы им в лицо содержание, которое они мне выплачивают, и открыто порвал бы с эти скопищем кретинов, которые, наперекор всему и на развалинах мира, рухнувшего под тяжестью их глупости, осуждены жить и умереть в полнейшей безнаказанности своего кретинизма».

И еще: «Бывают мгновения, когда я задыхаюсь от своего бессильного ясновидения, как заживо погребенный, который внезапно приходит в себя».

4

Тютчев вернулся к стихам под впечатлением от европейских событий в самом конце 1840-х гг. И, по замечательному совпадению, тогда же состоялось настоящее открытие его поэзии, честь которого принадлежит Н.А. Некрасову. В статье «Русские второстепенные поэты» (1850) он перепечатал все тютчевские стихи, когда-то появившиеся в пушкинском «Современнике», и сопроводил их восторженными комментариями. Некрасов не знал, кто скрывается за инициалами «Ф.Т.», но решительно отнес этого автора «к русским первостепенным поэтическим талантам», наряду с Пушкиным и Лермонтовым.

Авторство стихов скоро выяснилось, и в 1854 г. Некрасов в том же «Современнике» поместил 92 стихотворения Тютчева (среди них множество совсем новых), а сразу вслед за этим издал первый его отдельный сборник. Готовил издание И.С. Тургенев, ставший страстным поклонником поэта. По его словам, Тютчев мог бы сказать о себе, что «он создал речи, которым не суждено умереть». Это были речи возвышенные и не до конца понятные, но обладавшие неотразимым поэтическим обаянием. Человек в них, «как бог», «шагал по высям творенья». В них были пиры богов, на которые допущены только изгнанник домашних очагов и тот, «кто посетил сей мир в его минуты роковые», и непреклонные человеческие сердца, на чью безнадежную борьбу олимпийские боги взирают с завистью. Были «пылающие бездны» и «светлость осенних вечеров», «грохот летних бурь» и «слезы людские» – «безвестные», «незримые» и «неисчислимы». Была жизнь русской женщины, проходящая «в краю безвестном, безмянном, на незамеченной земле», и судьба самого этого «края долготерпенья» – родной земли, которую всю «в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя».

В одночасье Тютчев стал любимым поэтом едва ли не всех выдающихся русских литераторов своего времени. На этой любви сходились не сходявшиеся больше ни в чем Н.А. Добролюбов и А.А. Фет, Н.Г. Чернышевский и Л.Н. Толстой, как-то сказавший, что без стихов Тютчева вообще «нельзя жить». Но сам поэт едва ли мог наслаждаться внезапно обрушившимся на него литературным признанием. Ему, как и «слову русскому» в дни Севастопольской обороны, было «не до стихов». «Ум» его был занят осмыслением поражения в войне и построением дальнейших прогнозов, а «сердце» было погружено в новые «треволнения».

В 1850 г. завязался роман Тютчева с 24-летней Еленой Александровной Денисьевой (1826–1864), племянницей директрисы Смольного института благородных девиц, где воспитывались дочери поэта. Это была единственная русская женщина в его жизни – и самая роковая, «последняя любовь».

Тайна их встреч в нарочно нанятой квартире скоро была разоблачена. От Денисьевой отрекся отец, тетка была с позором изгнана из института. При живой жене и детях от двух браков Тютчев открыто зажил с ней как с законной супругой. Это продолжалось четырнадцать лет, в течение которых родилось трое детей, которых Тютчев официально усыновлял (пережил отца только Федор Федорович Тютчев (1860–1916), ставший впоследствии известным военным писателем). Скандальность положения усугублялась тем, что с действительно законной женой – Эрнестиной Федоровной – он все это время и не думал разводиться, сохраняя к ней не только привязанность, но едва ли не все прежние чувства (были и обращенные к ней стихи – «Не знаю я, коснется ль благодать...», 1851; и др.).

На фактическое двоеженство известного своим экстравагантным поведением поэта и близкого ко двору высокопоставленного чиновника (с 1858 г. Тютчев занимал должность председателя Комитета иностранной цензуры) в свете смотрели сквозь пальцы, но Денисьева от «хорошего общества» была безвозвратно отлучена. Тютчева она любила со всей страстью отчаявшейся женщины, но их «семейная» жизнь, конечно, была тяжела и наполнена нешуточными страданиями. Эта любовь была «слияньем» двух «родных душ» и их «поединком роковым». Самые мучительные любовные стихотворения Тютчева принадлежат именно к так называемому «денисьевскому» циклу, условно выделяемому исследователями. В общей сложности к нему относятся не менее 15 стихотворений, объединенных образом возлюбленной – измученной, погибающей и, наконец, погибшей по вине поэта. В отличие от почти одновременно создававшегося «панаевского» цикла любовной лирики Некрасова, у Тютчева

полностью отсутствуют низменные бытовые подробности и связный сюжет, по которому можно было бы проследить историю его отношений с Денисьевой. Стихотворения цикла объединяет обнаженность трагизма и неотвратимость этих отношений и безоговорочное признание того, что возлюбленная поэта – большая страдальца, чем он сам. Это не столько любовная драма, сколько трагедия совести. Самоосуждение и сознание невозможности что-либо изменить – сквозные мотивы этого цикла:

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

(«Не говори: меня он, как и прежде, любит...», 1850)

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

(«О, как убийственно мы любим...», 1851)

Смерть Денисьевой от чахотки 4 августа 1864 г. потрясла Тютчева. Он, видимо, в действительности, а не только в стихах винил во всем только себя. Воспоминанию о смерти возлюбленной посвящена едва ли не треть стихотворений «денисьевского» цикла – «Весь день она лежала в забытьи...», «Есть и в моем страдальческом застое...», «15 июля 1865 г.» («Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...»), «Накануне годовщины 4 августа 1864 года», «23 ноября 1865 г.» («Нет дня, чтобы душа не ныла...») и др.

Сразу же, в августе 1864 г., Тютчев уезжает за границу к находившейся там семье. Осень и зиму 1864 г. он проводит в Женеве и Ницце, но почти во всех написанных там стихотворениях звучит тема смерти любимого существа, что позволяет также отнести их «денисьевскому» циклу:

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет – и не может...
Нет ни полета, ни размаху –
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

(«О, этот Юг, о, эта Ницца!..»)

Здесь сердце так бы все забыло,
Забыло б муку всю свою,
Когда бы там – в родном краю –
Одной могилой меньше было...

(«Утихла биза... Легче дышит...»)

В 1868 г. вышел второй сборник стихотворений Тютчева, подготовленный И.С. Аксаковым, мужем старшей дочери поэта Анны, но бывшего энтузиазма он даже среди литераторов не вызвал. Короткая поэтическая эпоха 1850-х гг. закончилась, и стихи снова вышли из моды (воскрешение интереса к поэзии Тютчева произойдет только на рубеже XIX –

XX вв.). И, кроме того что в новом сборнике резко увеличилась доля стихов политического содержания, которые не могли вызвать сочувствие читателей, не сочувствовавших политическим взглядам поэта, многие из них могли показаться слишком официальными и необязательными относительно повода их сочинения. Между тем именно в них в первую очередь и выразилось новое направление его поэзии, которое один близкий Тютчеву критик, Н.В. Сушков, еще в 1854 г. охарактеризовал как «религиозно-политическое» и «православно-патриотическое». В 1860-х гг. это были стихотворения к юбилеям М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина, П.А. Вяземского, А.М. Горчакова и др., а также ряд программных стихотворений, приуроченных к торжествам в Славянском благотворительном комитете («Гус на костре» и мн. др.). В них Тютчев не только высказал свои душевные убеждения, но и по-новому возродил традиции дидактической поэзии и официальной торжественной оды XVIII в., которые так импонировали ему в юности.

В последние годы жизни Тютчева постигла череда утрат. По возвращении его из-за границы в 1865 г. один за другим умерли двое рожденных от Денисьевой детей и мать поэта, в 1870 г. – единственный брат Николай и сын Дмитрий, в 1872 г. – дочь Мария. В одну из горьких минут, за год до собственной кончины, поэт посвятил жене такое четверостишие:

Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

Но и стоя «на роковой очереди» у смерти, Тютчев не изменил себе и избежал «малодушных укоризн» «на изменяющую жизнь», не утратив способности видеть в ней сразу преходящее и вечное:

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса...
<...>
И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.

(«А.В. Плетневой», 1870)

Жгучего интереса к политике он не утратил – даже в предсмертной болезни и на смертном одре, когда слово уже плохо слушалось поэта. Последним его прижизненным выступлением в печати стал саркастический и глубокомысленный стихотворный отклик на позорный плен и смерть Наполеона III. Наблюдая, как торжествует спаянная «железом и кровью» объединенная Бисмарком Германия и как «все гуще сходят тени на одичалый мир земной» («Памяти М.К. Политковской», 1872), Тютчев продолжал надеяться, что Россия одолеет Революцию.

Русские войска тогда с победами проходили Среднюю Азию, и последним вопросом, который задал ненадолго пришедший в сознание поэт собравшимся у его постели, был вопрос о политике: «Какие получены подробности о взятии Хивы?»

В.Л. Коровин

Стихотворения

* * *

Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб,
Добро иль зло творю – о том не рассуждаю,
Я много отдаю, но мало получаю,
И в имя же свое собой повелеваю,
И если бить хочу кого,
То бью себя я самого.

1810-е

Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду

Приди, желанный гость, краса моя и радость!
Приди, – тебя здесь ждет и кубок круговой,
И розовый венок, и песней нежных сладость!
Возженны не лъстеца рукой,
Душистый анемон и крины
Лиют на брашны аромат,
И полные плодов корзины
Твой вкус и зренья усладят.
Приди, муж правоты, народа покровитель,
Отчизны верный сын и строгий друг царев,
Питомец счастливый кастальских чистых дев,
Приди в мою смиренную обитель!
Пусть велелепные столпы,
Громады храмин позлащенны
Прельщают алчный взор несмысленной толпы;
Оставь на время град, в заботах погруженный,
Склонись под тень дубрав; здесь ждет тебя покой.
Под кровом сельского Пената,
Где все красуется, все дышит простотой,
Где чужд холодный блеск и пурпура и злата, –
Там сладок кубок круговой!
Чело, наморщенное думой,
Теряет здесь свой вид угрюмый;
В обители отцов все льет отраду нам!
Уже небесный лев тяжелою стопую
В пределах зноя стал – и пламенной стезею
Течет по светлым небесам!..
В священной рощице Сильвана,
Где мгла таинственна с прохладой слиянна,
Где брезжит сквозь листов дрожащий, тихий свет,
Игривый ручеек едва-едва течет
И шепчет в сумраке с прибрежной осокою;
Здесь в знойные часы, пред рощею густою,
Спит стадо и пастух под сению прохлад,
И в розовых кустах зефиры легки спят.
А ты, Фемиды жрец, защитник беззащитных,
Проводишь дни свои под бременем забот;
И счастье сограждан – благий, достойный плод
Твоих стараний неусыпных! –

Для них желал бы ты познать судьбы предел;
Но строгий властелин земли, небес и ада
Глубокой, вечной тьмой грядущее одел.
Благоговейте, персти чада! –
Как! прах земной объять небесное посмеет?
Дерзнет ли разорвать таинственный покров?
Быстрейший самый ум, смутясь, оцепенеет,
И буйный сей мудрец – посмешище богов! –
Мы можем, странствуя в тернистой сей пустыне,
Сорвать один цветок, ловить летящий миг;
Грядущее не нам – судьбине;
Так предадим его на произвол благих! –
Что время? Быстрый ток, который в долах мирных,
В брегах, украшенных обильной муравой,
Катит кристалл валов сапфирных;
И по серебру зыбей свет солнца золотой
Играет и скользит; но час – и бурный вскоре,
Забыв свои брега, забыв свой мирный ход,
Теряется в обширном море,
В безбрежной пустоте необозримых вод!
Но час – и вдруг нависших бурь громады
Извергли дождь из черных недр;
Поток возвысился, ревет, расторг преграды,
И роет волны ярый ветер!..
Блажен, стократ блажен, кто может в умиленье,
Возревши на Вождя светил,
Текущего почить в Нептуновы владенья,
Кто может, радостный, сказать себе: я жил!
Пусть завтра тучею свинцовой
Всесильный бог громов вокруг ризю багровой
Эфир сгущенный облечет,
Иль снова в небесах рассыплет солнца свет, –
Для смертных все равно; и что крылаты годы
С печального лица земли
В хранилище времен с собою увлекли,
Не пременит того и сам Отец природы.
Сей мир – игралище Фортуны злой.
Она кичливый взор на шар земной бросает
И всей вселенной потрясает
По прихоти слепой!..
Неверная, меня сегодня осенила;
Богатства, почести обильно мне лиет,
Но завтра вдруг простерла крыла,
К другим склоняет свой полет!
Я презрен, – не ропщу, – и, горестный свидетель
И жертва роковой игры,
Ей отдаю ее дары
И облакаюсь в добродетель!..
Пусть бурями увитый Нот
Пучины сланные крутит и воздымает,
И черные холмы морских кипящих вод
С громовой тучею сливает,
И бранных кораблей
Рвет снасти, все крушит в свирепости своей!..

Отчизны мирныя покрытый небесами,
Не буду я богов обременять мольбами;
Но дружба и любовь среди житейских волн
Безбедно приведут в пристанище мой челн.

<Февраль 1819>

Урания

Открылось! – Не мечта ль? Свет новый! Нова сила
Мой дух восторженный, как пламень, облекла!
Кто, отроку, мне дал парение орла! –
Се муз бесценный дар – се вдохновенья крыла!
Несусь, – и дольный мир исчез передо мной, –
Сей мир, туманною и тесной
Волнений и сует обвитый пеленой, –
Исчез! – Как солнца луч златой.
Коснулся вежд эфир небесный...
И свеял прах земной...
Я зрю превыспренних селения чудесны...
Отсель – отверзимся таинственным вратам –
Благоволением судьбины
Текут к нам дщери Мнемозины,
Честь, радость и краса народам и векам!..

Безбрежное море лежит под стопами,
И в светлой лазури спокойных валов
С горящими небо пылает звездами,
Как в чистом сердце – лик богов;
Как тихий трепет – ожиданье;
Окрест священное молчанье.

И се! Как луна из-за облак, встает
Урании остров из серебряной пены;
Разлился вокруг немерцающий свет,
Богинь улыбкою рожденный...
Несутся свыше звуки лир;
В очарованьях тонет мир!..

Эфирного тени сложив покрывала
И пояс волшебный всеильных харит,
Здесь образ Урания свой восприяла,
И звездный венец на богине горит!
Что нас на земле мечтою пленяло,
Как Истина, то нам и здесь предстоит!

Токмо здесь под ясным небосклоном
Прояснится жизни мрачный ток;
Токмо здесь, забытый Аквилонем,
Льется он, и светел и глубок!
Токмо здесь прекрасен жизни гений,
Здесь, где вечны розы чистых наслаждений,

Вечно юн Поэзии венок!..

Как Фарос для душ и умов освященных,
Высоко воздвигнут Небесныя храм; –
И Мудрость приветствует горним плененных
Вкусить от трапезы питательной там.
Окрест благодатной в зарях златоцветных,
На тронах высоких, в сиянье богов,
Сидят велелепно спасители смертных,
Создатели блага, устройства, градов;
Се Мир вечно-юный, златыми цепями
Связавший семейства, народы, царей;
Суд правый с недвижимыми вечно весами;
Страх божий, хранитель святых алтарей;
И ты, Благосердие, скорби отрада!

Ты, Верность, на якорь склоненна челом,
Любовь ко отчизне – отчизны ограда,
И хладная Доблесть с горящим мечом;
Ты, с светлыми вечно очами, Терпенье,
И Труд, неуклонный твой врач и клевет...
Так вышние силы свой держат совет!..

Средь них, вокруг них в святом благоговеньи
Свершает по холмам облаковидных гор

В кругах таинственных теченье
Наук и знаний светлый хор...
Урания одна, как солнце меж звездами,
Хранит Гармонию и правит их путями:
По манию ее могущего жезла
Из края в край течет благое просвещение;
Где прежде мрачна ночь была,
Там светозарна дня явленье;

Как звезд река, по небосклону вокруг
Простершись, оно вселенну обнимает
И блага жизни изливает
На Запад, на Восток, на Север и на Юг...
Откройся предо мной, протекших лет вселенна!
Урания, вещай, где первый был твой храм,
Твой трон и твой народ, учитель всем векам? –
Восток таинственный! – Чреда твоя свершенна!..
Твой ранний день протек! Из ближних Солнце врат
Рожденья своего обителью надменно
Исходит и течет, царь томный и сомненный...
Где Вавилоны здесь, где Фивы? – где мой град?
Где славный Персеполь? – где Мемнон, мой глашатай?
Их нет! – Лучи его теряются в степях,
Где скорбно встретит их ловец или оратай,
Бесплодно роющий во пламенных песках;
Или, стыдливые, скользят они печально
По мшистым ребрам пирамид...
Сокройся, бренного величья мрачный вид!..

И солнце в путь стремится дальний:
Эгея на берегах приветственной главой
К нему склонился лавр; и на холмах Эллады
Его алтарь обвил зеленый мирт Паллады;
Его во гимнах звал Певец к себе слепой,
Кони и всадники, вожди и колесницы,
Оставивших Олимп собрание богов;
Удары гибельны Ареевой десницы,
И сладки песни пастухов; –
Рим встал, – и Марсов гром и песни сладкогласны
Стократ на Тибровых раздалися холмах;
И лебедь Мантуи, взрыв Трои пепл злосчастный,
Вознесся и разлил свет вечный на морях!..
Но что сретае взор? – Куда, куда ты скрылась,
Небесная! – Бежит, как бледный в мгле призрак,
Денница света закатилась,
Везде хаос и мрак!
«Нет! вечен свет наук; его не обнимает
Бунтующая мгла; его нетленен плод
И не умрет!..» –
Рекла Урания и скиптром помавает,
И бледную, изъязвленную главу
Италия от склеп железных освобождает,
Рвет узы лютых змей, на выю ставши льву!..
Всего начало здесь!.. Земля благословенна,
Долины, недра гор, источники, леса
И ты, Везувий сам! ты, бездна раскаленна,
Природы грозная ужасная краса!
Все возвратили вы, что в ярости несытой
Неистовый Сатурн укрыть от нас хотел!
Эллады, Рима цвет из пепела исшел!
И солнце потекло вновь в путь свой даровитый!..
Феррарскому Орлу ни грозных боев ряд,
Ни чарования, ни прелести томимы,
Ни полчищ тысячи, ни злобствующий ад
Превыспренних путей нигде не воспретят:
На пламенных крылах принес он в храм Солимы
Победу и венец; –
Там нимфы Тага, там валы Гвадалквивира
Во сретенье текут тебе, младой Певец,
Принесший песни к нам с берегов другого мира; –
Но кто сии два гения стоят?
Как светоносны серафимы,
Хранители Эдемских врат
И тайн жрецы непостижимых? –
Един с Британских вод, другой с Альпийских гор,
Друг другу подают чудотворящи длани;
Земного чуждые, возносят к небу взор
В огне божественных мечтаний!..
Почто горит лицо морских пучин?
Куда восторженны бегут Тамизы воды?
Что в трепете святом вы, Альпы, Апеннин!..
Благоговей, земля! Склоните слух, народы!
Певцы бессмертные вещают бога вам:

Един, как громов сын, гремит средь вас паденье;
Другой, как благодать, благовестит спасенье
И путь, ведущий к небесам.
И се! среди снегов Полунощи глубокой,
Под блеском хладных зорь, под свистом льдистых вьюг,
Восстал от Холмогор, – как сильный кедр, высокой,
Встает, возносится и все объемлет вокруг
Своими крепкими ветвями;
Подъемлясь к облакам, глава его блеснит
Бессмертными плодами.
И тамо, где металл блистательный сокрыт,
Там роет землю он глубокими корнями, –
Так Росский Пиндар встал! – взнес руку к небесам,
Да воспретит пылающим громам;
Минервы копией бьет недра он земные –
И истекли сокровища златые;
Он повелительный простер на море взор –
И свет его горит, как Поллюкс и Кастор!..

Певец, на гроб отца, царя-героя,
Он лавры свежие склонил
И дни бесценные блаженства и покоя
Елизаветы озарил!

Тогда, разлившись, свет от северных сияний
Дал отблеск на крутых Аракса берегах;
И гении туда простерли взор и длани,
И Фивы новые зарделися в лучах...
Там, там, в стране денницы,
Возник Певец Фелицы!..

Таинственник судеб прорек
Царя-героя в колыбели...
Он с нами днесь! Он с неба к нам притек,
Соборы гениев с ним царственных слетели;
Престол его обстали вокруг;
Над ним почиет божий дух!
И музы радостно воспели
Тебя, о царь сердец, на троне Человек!

Твоей всеильною рукою
Закрылись Януса врата!
Ты оградил нас тишиною,
Ты слава наша, красота!
Смиренно к твоему склоняся престолу,
Перуны спят горé и долу.
И здесь, где все – от благости твоей,
Здесь паки гений просвещенья,
Блестая светом обновленья,
Блажит своих веселье дней! –
Здесь клятвы он дает священны,
Что, постоянный, неизменный,
В своей блестящей высоте,
Монарха следуя заветам и примеру,

Взнесется, опершись на Веру,
К своей божественной мете.

<Июль 1820>

* * *

Неверные преодолев пучины,
Достиг пловец желанных берегов;
И в пристани, окончив бег пустынный,
С веселостью знакомится он вновь!..
Ужель тогда челнок свой многомогущий,
Восторженный, цветами не увьет?..
Под блеском их и зеленью роскошной
Следов не скроет мрачных бурь и вод?..

И ты рассек с отважностью и славой
Моря обширные своим рулем, –
И днесь, о друг, спокойно, величаво
Влетаешь в пристань с верным торжеством.
Скорей на брег – и дружеству на лоно
Склони, певец, склони главу свою –
Да ветвию от древа Аполлона
Его Питомца я увью!..

14 сентября 1820

К оде Пушкина на вольность

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея –
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседробящею струей,
Как пламень божий, ниспадали
На чела бледные царей.

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою

Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

1820?

Весна
(Посвящается друзьям)

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухает нам! –
Творенью пир дает природа,
Свиданья пир дает сынам!..

Дух жизни, силы и свободы
Возносит, обвевает нас!..
И радость в душу пролилась,
Как отзыв торжества природы,
Как бога животворный глас!..

Где вы, Гармонии сыны?..
Сюда!.. и смелыми перстами
Коснитесь дремлющей струны,
Нагретой яркими лучами
Любви восторга и весны!..

Как в полном, пламенном расцвете,
При первом утра юном свете,
Блистают розы и горят;
Как зефир в радостном полете
Их разливают аромат, –

Так, разливайся, жизни сладость,
Певцы!.. за вами по следам!..
Так по́рхай наша, други, младость
По светлым счастья цветам!..
Вам, вам сей бедный дар
признательной любви,
Цветок простой, не благовонный,

Но вы, наставники мои,
Вы примете его с улыбкой благосклонной.
Так слабое дитя, любви своей в залог,
Приносит матери на лоно
В лугу им сорванный цветок!..

<1821>, <1828>

Н. М<уравьеву>

Нет веры к вымыслам чудесным,
Рассудок все опустошил

И, покорив законам тесным
И воздух, и моря, и сушу,
Как пленников – их обнажил;
Ту жизнь до дна он иссушил,
Что в дерево вливала душу,
Давала тело бестелесным!..

Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно, без очков!..
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о други, не таков.

О раб ученой суеты
И скованный своей наукой!
Напрасно, критик, гонишь ты
Их златокрылые мечты;
Поверь – сам опыт в том порукой, –
Чертог волшебный добрых фей
И в сновиденье – веселей,
Чем наяву – томиться скукой
В убогой хижине твоей!..

13 декабря 1821

Одиночество <Из Ламартина >

Как часто, бросив взор с утесистой вершины,
Сажусь задумчивый в тени древес густой,
И развиваются передо мной
Разнообразные вечерние картины!
Здесь пенится река, долины красота,
И тщетно в мрачну даль за ней стремится око;
Там дремлющая зыбь лазурного пруда
Светлеет в тишине глубокой.
По темной зелени дерев
Зари последний луч еще приметно бродит,
Луна медлительно с полуночи восходит
На колеснице облаков,
И с колокольни одинокой
Разнесся благовест протяжный и глухой;
Прохожий слушает, – и колокол далекий
С последним шумом дня сливает голос свой.
Прекрасен мир! Но восхищенью
В иссохшем сердце места нет!..
По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,
И мертвого согреть бессилен солнца свет.
С холма на холм скользит мой взор унылый
И гаснет медленно в ужасной пустоте;
Но, ах, где встречу то, что б взор остановило?
И счастья нет, при всей природы красоте!..

И вы, мои поля, и рощи, и долины,
 Вы мертвы! И от вас дух жизни улетел!
 И что мне в вас теперь, бездушные картины!..
 Нет в мире одного – и мир весь опустел!
 Встает ли день, ночные ль сходят тени, –
 И мрак и свет противны мне...
 Моя судьба не знает изменений –
 И горесть вечная в душевной глубине!
 Но долго ль страннику томиться в заточенье?
 Когда на лучший мир покину дольний прах,
 Тот мир, где нет сирот, где вере исполненье,
 Где солнца истины в нетленных небесах?..
 Тогда, быть может, прояснится
 Надежд таинственных спасительный предмет,
 К чему душа и здесь еще стремится,
 И токмо там, в отчизне, обоймет...
 Как светло сонмы звезд пылают надо мною,
 Живые мысли божества!
 Какая ночь сгустилась над землею,
 И как земля, в виду небес, мертва!..
 Встают гроза и вихрь и лист крутят пустынный!
 И мне, и мне, как мертвому листу,
 Пора из жизненной долины, –
 Умчите ж, бурные, умчите сироту!..

1820 – 1821, <март 1822>

Гектор и Андромаха (Из Шиллера)

Андромаха

Снова ль, Гектор, мчишься в бурю брани,
 Где с булатом в неприступной длани
 Мстительный свирепствует Пелид?..
 Кто же призрит Гекторова сына,
 Кто научит долгу властелина,
 Страх к богам в младенце поселит?..

Гектор

Мне ль томиться в тягостном покое?..
 Сердце жаждет прохладенья в бое,
 Мести жаждет за Пергам!..
 Древняя отцов моих обитель!
 Я паду!.. но, родины спаситель,
 Снизу весел к Стиксовым брегам...

Андромаха

Суждено ль мне в сих чертогах славы
 Видеть меч твой праздный и заржавый? –
 Осужден ли весь Приамов род?..
 Скоро там, где нет любви и света, –

Там, где льется сумрачная Лета,
Скоро в ней любовь твоя умрет!..

Гектор

Все души надежды, все порывы, –
Все поглотят воды молчаливы, –
Но не Гектора любовь!..
Слышишь?.. Мчатся... Пламя пышет боя!..
Час ударил!.. Сын, супруга, Троя!..
Бесконечна Гектора любовь!..

<1822>

* * *

На камень жизни роковой
Природою заброшен,
Младенец пылкий и живой
Играл – неосторожен,
Но Муза сирого взяла
Под свой покров надежный,
Поэзии разостлала
Ковер под ним роскошный.
Как скоро Музы под крылом
Его созрели годы –
Поэт, избытком чувств влеком,
Предстал во храм Свободы, –
Но мрачных жертв не приносил,
Служа ее кумиру, –
Он горсть цветов ей посвятил
И пламенную лиру.
Еще другое божество
Он чтит в молодые лета –
Амур резвился вокруг него
И дани брал с поэта.
Ему на память стрелку дал,
И в сладкие досуги
Он ею повесть начертал
Орфеевой супруги.
И в мире сем, как в царстве снов,
Поэт живет, мечтая, –
Он так достиг земных венцов
И так достигнет рая...
Ум скор и сметлив, верен глаз,
Воображенье – быстро...
А спорил в жизни только раз –
На диспуте магистра.

1822 или 1827?

Послание к А. В. Шереметеву

Насилу добрый гений твой,
Мой брат по крови и по лени,
Увел тебя под кров родной
От всех маневров и учений,
Казарм, тревог и заточений,
От жизни мирно-боевой.
В кругу своих, в халате, дома,
И с службой согласив покой,
Ты праздный меч повесил свой
В саду героя-агронома.
Но что ж? Ты мог ли на просторе
Мечте любимой изменить?
Ты знаешь, друг, что праздность – горе,
Коль не с кем нам ее делить.
Прими ж мой дружеский совет
(Оракул говорил стихами
И убеждал, бывало, свет):
Между московскими красами
Найти легко, сомненья нет,
Красавицу в пятнадцать лет,
С умом, душою и с душами.
Оставь на время плуг Толстого,
Забудь химеры и чины,
Женись и в полном смысле слова
Будь адъютант своей жены.
Тогда предамся вдохновенью,
Разбудит Музу Гименей,
Своей пожертвую я ленью,
Лишь ты свою преодолей!

Январь 1823

Песнь радости (Из Шиллера)

Радость, первенец творенья,
Дщерь великого Отца,
Мы, как жертву прославленья,
Предаем тебе сердца!
Все, что делит прихоть света,
Твой алтарь сближает вновь,
И душа, тобой согрета,
Пьет в лучах твоих любовь!

Хор

В круг единый, божьи чада!
Ваш отец глядит на вас!
Свят его призывный глас,
И верна его награда!

Кто небес провидел сладость,

Кто любил на сей земли,
В милом взоре черпал радость, –
Радость нашу раздели.
Все, чье сердце сердцу друга
В братской вторило груди;
Кто ж не мог любить – из круга
Прочь с слезами отойди!..

Хор

Душ родство! о, луч небесный!
Всодержащее звено!
К небесам ведет оно,
Где витает Неизвестный!

У грудей благой природы
Все, что дышит, Радость пьет!
Все созданья, все народы
За собой она влечет;
Нам друзей дала в несчастье –
Гроздий сок, венки харит,
Насекомым – сладострастье,
Ангел – богу предстоит.

Хор

Что, сердца, благовестите?
Иль творец сказался вам?
Здесь лишь тени – солнце там, –
Выше звезд его ищите!..

Душу божьего творенья
Радость вечная поит,
Тайной силою броженья
Кубок жизни пламенит;
Травку выманила к свету,
В солнцы – хаос развила
И в пространствах – звездочету
Неподвластных – разлила!

Хор

Как миры катятся следом
За вседвижущим перстом,
К нашей цели потечем –
Бодро, как герой к победам!

В ярком истины зеркале
Образ твой очам блеснит;
В горьком опыта фиале
Твой алмаз на дне горит.
Ты, как облак прохладенья,
Нам предходишь средь трудов,
Светишь утром возрожденья

Сквозь расселины гробов!

Хор

Верьте правящей деснице! –
Наши скорби, слезы, вздох
В ней хранятся как залог
И искупятся сторицей!

Кто постигнет провиденье?
Кто явит стези его?
В сердце сыщем откровенье,
Сердце скажет божество!
Прочь вражда с земного круга!
Породнись душа с душой!
Жертвой мести – купим друга,
Пурпур – вретница ценой.

Хор

Мы врагам своим простили,
В книге жизни нет долгов;
Там, в святилище миров,
Судит *Бог*, как мы судили!..

Радость грозды наливает,
Радость кубки пламенит,
Сердце дикого смягчает,
Грудь отчаянья живит!
В искрах к небу брызжет пена,
Сердце чувствует полней;
Други, братья, – на колена!
Всеблагодару кубок сей!..

Хор

Ты, чья мысль духов родила,
Ты, чей взор миры зажег!
Пьем тебе, Великий Бог!
Жизнь миров и душ, светило!

Слабым – братскую услугу,
Добрым – братскую любовь,
Верность клятв – врагу и другу,
Долгу в дань – всю сердца кровь!
Гражданина голос смелый
На совет к земным богам;
Торжествуй, Святое Дело, –
Вечный стыд его врагам.

Хор

Нашу длань к Твоей, Отец,
Простираем в бесконечность!

Нашим клятвам даруй вечность,
 Наши клятвы – гимн сердец!

Февраль 1823

Друзьям при посылке «Песни радости» – из Шиллера

Что пел божественный, друзья,
 В порыве пламенном свободы
 И в полном чувстве Бытия,
 Когда на пиршество Природы
 Певец, любимый сын ея,
 Сзывал в единый круг народы;
 И с восхищенной душой,
 Во взорах – луч животворящий,
 Из чаши Гения кипящей
 Он пил за здоровье людей; –

И мне ли петь сей Гимн веселый,
 От близких сердцу вдалеке,
 В неразделяемой тоске, –
 Мне ль Радость петь на лире онемелой?
 Веселье в ней не сыщется звука,
 Его игривая струна
 Слезами скорби смочена, –
 И порвала ее Разлука!

Но вам, друзья, знакомо вдохновенье!
 На краткий миг в сердечном упоенье
 Я жребий свой невольно забывал
 (Минутное, но сладкое забвенье!),
 К протекшему душою улетаю
 И Радость пел – пока о вас мечтал.

1823 или 1824

Слезы

*O lacrimarum fons...*⁵
Gray

Люблю, друзья, ласкать очами
 Иль пурпур искрометных вин,
 Или плодов между листьями
 Благоухающий рубин.
 Люблю смотреть, когда созданье
 Как бы погружено в весне,
 И мир заснул в благоуханье
 И улыбается во сне!..

⁵ О источник слез... (лат.)

Люблю, когда лицо прекрасной
Весенний воздух пламенит,
То кудрей шелк взвевает сладострастный,
То в ямочки впивается ланит!

Но что все прелести пафосския царицы,
И гроздий сок, и запах роз
Перед тобой, святой источник слез,
Роса божественной денницы!..

Небесный луч играет в них
И, преломясь о капли огневые,
Рисует радуги живые
На тучах жизни громовых.

И только смертного зениц
Ты, ангел слез, дотронешься крылами –
Туман рассеется слезами
И небо серафимских лиц
Вдруг разовьется пред очами.

21 июля 1823

К Н.

Твой милый взор, невинной страсти полный,
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог – увы! – умиловать их –
Он служит им укрою безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодаянье;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне:
Он нужен ей, как небо и дыханье.

Таков горé – духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.

23 ноября 1824

С чужой стороны (Из Гейне)

На севере мрачном, на дикой скале

Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет, одинока...

1823 или 1824

* * *

(Из Гейне)

Друг, откройся предо мною –
Ты не призрак ли какой,
Как выводит их порою
Мозг поэта огневой!..

Нет, не верю: этих щечек,
Этих глазок милый свет,
Этот ангельский роточек –
Не создаст сего поэт.

Василиски и вампиры,
Конь крылат и змий зубаст –
Вот мечты его кумиры,
Их творить поэт горазд.

Но тебя, твой стан эфирный,
Сих ланит волшебный цвет,
Этот взор лукаво-смирный –
Не создаст сего поэт.

1823 или 1824

К Нисе

Ниса, Ниса, Бог с тобою!
Ты презрела дружный глас,
Ты поклонников толпою
Оградилась от нас.

Равнодушно и беспечно,
Легковерное дитя,
Нашу дань любви сердечной
Ты отвергнула шутя.

Нашу верность променяла
На неверный блеск, пустой, –
Наших чувств тебе, знать, мало, –

Ниса, Ниса, Бог с тобой!

<1825>

**Песнь скандинавских воинов
<Из Гердера >**

Хладен, светел,
День проснулся –
Ранний петел
Встрепенулся, –
Дружина, воспрянь!
Вставайте, о други!
Бодрей, бодрей
На пир мечей,
На брань!..

Пред нами наш вождь!
Мужайтесь, о други,
И вслед за могучим
Ударим грозой!..
Вихрем помчимся
Сквозь тучи и гром
К солнцу победы
Вслед за орлом!..

Где битва мрачнее, воители чаще,
Где срослися щиты, где сплелися мечи,
Туда он ударит – перун вседробящий –
И след огнезвездный и кровью горящий
Пророет дружине в железной ночи.

За ним, за ним – в ряды врагов,
Смелей, друзья, за ним!..
Как груды скал, как море льдов –
Прорвем их и стесним!..

Хладен, светел,
День проснулся –
Ранний петел
Встрепенулся, –
Дружина, воспрянь!..

Не кубок кипящий душистого меда
Румяное утро героям вручит;
Не сладостных жен любовь и беседа
Вам душу согреет и жизнь оживит;
Но вас, обновленных прохладой сна, –
Кровавая битвы подымет волна!..

Дружина, воспрянь!..
Смерть иль победа!..
На брань!..

<1825>

Проблеск

Слышал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшись, потух!

Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!

Но ах, не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, –
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон,
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, –

И отягченною главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

<1825>

**Саконтала
(Из Гёте)**

Что юный год дает цветам –

Их девственный румянец;
Что зрелый год дает плодам –
Их царственный багрянец;
Что нежит взор и веселит,
Как перл, в морях цветущий;
Что греет душу и живит,
Как нектар всемогущий:
Весь цвет сокровищниц мечты,
Весь полный цвет творенья,
И, словом, небо красоты
В лучах воображенья, –
Все, все Поэзия слила
В тебе одной – *Саконтала́*.

<1826>

Вечер

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шорох стаи журавлиной, –
И в шуме листьев замер он.

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, –
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень!..

Около 1826, <1829>

14-ое декабря 1825

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, –
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена –
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железнаядохнула –
И не осталось и следов.

<Вторая половина 1826>

**В альбом друзьям
(Из Байрона)**

Как медлит путника вниманье
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
Руки знакомой начертанье!..
Чрез много, много лет оно
Напомнит им о прежнем друге:
«Его уж нету в вашем круге;
Но сердце здесь погребено!..»

<1826>

* * *

(Из Гейне)

Как порою светлый месяц
Выплывает из-за туч, –
Так, один, в ночи былого
Светит мне отрадный луч.

Все на палубе сидели,
Вдоль по Рейну неслись,
Зеленеющие бреги
Перед нами раздались.

И у ног прелестной дамы
Я в раздумии сидел,
И на милом, бледном лике
Тихий вечер пламенел.

Дети пели, в бубны били,
Шуму не было конца,
И лазурней стало небо,
И просторнее сердца.

Сновиденьем пролетали
Горы, замки на горах –
И светились, отражаясь,
В милых спутницы очах.

<Между 1827 и 1829>

Cache-cache⁶

Вот арфа ее в обычайном углу,

⁶ игра в прятки (франц.).

Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?

О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась Сильфида моя?
Волшебную близость, как бы благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

Не арфы ль твоей мне послышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

<1828>

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный –
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

<1828>, <1854>

К N. N.

Ты любишь, ты притворствовать умеешь, –
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей?
Ты мне ответ даешь – и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной.

Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет: он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с твоих молодых ланит –
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! в палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть в тени, как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

<1829>

Летний вечер

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды.

<1829>

* * *

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

И доносились порой
Все звуки жизни благодатной –
И все в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный и невнятный.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье;
Не знаю, долгод ли был сон,
Но странно было пробужденье...

Затих повсюду шум и гам,
И воцарилось молчанье –
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлеч, незримый, в царство теней.

<1829>, 1851

Утро в горах

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

<1829>

Зальцбург(?)

Снежные горы

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, –
И задымилась гора
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи,
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи.

И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, –

Горé, как божества родные,
Над издыхающей землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

<1829>

Зальцбург

Полдень

Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво катится река,
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет –
И Сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

<1829>

Могила Наполеона

Душой весны природа ожила,
И блещет все в торжественном покое:
Лазурь небес, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!
Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, средь общей тишины,
Чуть зыблются дыханием волны
На мраморе, весною разогретом...

Давно ль умолк Перун его побед,
 И гул от них стоит доселе в мире...

 И ум людей великой тенью полн,
 А тень его, одна, на бреге диком,
 Чужда всему, внимает шуму волн
 И тешится морских пернатых криком.

<1829>, <1854>

* * *

<Из Мандзони >

Высокого предчувствия
 Порывы и томленье,
 Души, господства жаждущей,
 Кипящее стремленье
 И замыслов событие
 Несбыточных, как сон, —

Все испытал он! — счастье,
 Победу, заточенье,
 И все судьбы пристрастие,
 И все ожесточенье! —
 Два раза брошен был во прах
 И два раза на трон!..

Явился: два столетия
 В борении жестоком,
 Его узрев, смирились вдруг,
 Как пред всеильным роком.
 Он повелел умолкнуть им
 И сел меж них судьей!

Исчез — и в ссылке довершил
 Свой век невероятный —
 Предмет безмерной зависти
 И жалости безмерной,
 Предмет вражды неистовой,
 Преданности слепой!..

Как над главою тонущих
 Растет громадой пенной
 Сперва игравший ими вал —
 И берег вожделенный
 Вотще очам трепещущим
 Казавший свысока, —

Так память над душой его,
 Скопившись, тяготела!..
 Как часто высказать себя
 Душа сия хотела,

И, обомлев, на лист начатый
Вдруг падала рука!

Как часто пред кончиной дня –
Дня безотрадной муки, –
Потупив молнии очей,
Крестом сложивши руки,
Стоял он – и минувшее
Овладевало им!..

Он зрел в уме: подвижные
Шатры, равнины боев,
Рядов пехоты длинный блеск,
Потоки конных строев –
Железный мир и дышащий
Велением одним!..

О, под толиким бременем
В нем сердце истомилось
И дух упал... Но сильная
К нему рука спустилась –
И к небу, милосердая,
Его приподняла!..

<1829>

Видение

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат Боги снах!

<1829>

Олегов щит

1

«Аллах! пролей на нас твой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза гяуров лицемерных!
Пророк твой – Магомет!..»

2

«О наша крепость и оплот!
Великий Бог! веди нас ныне,
Как некогда ты вел в пустыне
Свой избранный народ!..»

Глухая полночь! Все молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула –
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит.

1828?, <1829>

Императору Николаю I <С немецкого >

О Николай, *народов победитель*,
Ты имя оправдал свое! Ты победил!
Ты, Господом воздвигнутый воитель,
Неистовство врагов его смирил...
Настал конец жестоких испытаний,
Настал конец неизреченных мук.
Ликуйте, христиане!
Ваш Бог, Бог милости и браней,
Исторг кровавый скиптр из нечестивых рук.

Тебе, тебе, послу его велений –
Кому сам Бог вручил свой страшный меч, –
Известь народ его из смертной тени
И вековую цепь навек рассечь.
Над избранной, о царь, твоей главою
Как солнце просияла благодать!
Бледнея пред тобою,
Луна покрылась тьмою –
Владычеству Корана не восстать...

Твой гневный глас послыша в отдаленье,
Содроглися Османовы врата:
Твоей руки одно лишь мановенье –
И в прах падут к подножию Креста.
Сверши свой труд, сверши людей спасенье.
Реки: «Да будет свет» – и будет свет!
Довольно крови, слез пролитых,
Довольно жен, детей избитых,
Довольно над Христом ругался Магомет!..

Твоя душа мирской не жаждет славы,
Не на земное устремлен твой взор.
Но Тот, о царь, кем держатся державы,
Врагам твоим изрек их приговор...
Он Сам от них лицо свое отводит,

Их злую власть давно подмыла кровь,
Над их главою ангел смерти бродит,
Стамбул исходит –
Константинополь воскресает вновь...

Октябрь 1829

Последний катаклизм

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!

<Не позднее 1829>

Бессонница

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг –
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих;

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак, на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали;

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

<1829>

Байрон

(Отрывок)
<из Цедлица >

1

Войди со мной – пуста сия обитель,
Сего жилища одичали боги,
Давно остыл алтарь их – и без смены
На страже здесь молчанье. На пороге
Не встретит нас с приветствием служитель,
На голос наш откликнутся лишь стены.
Зачем, о сын Камены
Любимейший, – ты, наделенный даром
Неугасимо-пламенного слова,
Зачем бежал ты собственного крова,
Зачем ты изменил отцовским ларам?
Ах, и куда, безвременно почивший,
Умчал тебя сей вихрь, тебя носивший!..

2

Так некогда здесь был жилец могучий,
Здесь песнями дышал он – и дыханье
Не ветерка в черемухе душистой
Казалось игривое журчанье, –
Нет, песнь его грозней гремящей тучи,
Как божий гнев, то мрачный, то огнистый,
Неслась по тверди мгlistой, –
Вдруг над зеленой нивой или садом
Невыцветшим заклепы расторгала
И мрак, и лед, и пламень извергала,
Огнем палила, бороздила градом, –
Местами лишь, где туча разрывалась,
Лазурь небес прелестно улыбалась!

3

Духов, гласят, неистовое пенье
Внимающих безумьем поражало, –
Так и его, как неземная сила,
Все пропасти душевные взрывало,
На самом дне будило преступленье,
Дыханье замирало, сердце ныло,
И нечто грудь теснило,
Как бы кругом воздушный слой, редя,
Земную кровь сосал из нашей жилы,
И нам, в борьбе, недоставало силы
Стряхнуть с себя господство чародея,

Пока он сам, как бы для посмеянья,
Своим жезлом не рушил обаянья!

4

И мудрено ль, что память о высоком
Невольной грустью душу осенила!..
Не лебедем ты создан был судьбою,
Купающим в волне румяной крыла,
Когда закат пылает над потоком
И он плывет, любуясь сам собою,
Между двойной зарею, –
Ты был орел – и со скалы родимой,
Где свил гнездо – и в нем, как в колыбели,
Тебя качали бури и метели,
Во глубь небес нырял, неутомимый,
Над морем и землей парил высоко,
Но трупов лишь твое искало око!..

5

Злосчастный дух! Как в зареве пожара
Твое кроваво-тусклое зеркало,
Блестящее в роскошном, свежем цвете,
И мир и жизнь так дико отражало!..
С печатью на челе святого дара
И скиптром власти в неземном совете
Любил ты в мутном свете
Земную жизнь виденьями тревожить!..
В тебе самом, как бы в иносказанье,
Для нас воскресло грозное преданье, –
Но распознать наш взор тебя не может –
Титан ли ты, чье сердце снедью врана,
Иль сам ты вран, терзающий титана!..

6

Своих отцов покинул он обитель,
Где тени их скитаются безмолвны,
Где милые остались залого, –
И как весь день метет крылами волны
Морская птица, скал пустынных житель, –
Так и ему по жизненной дороге
Пройти судили боги,
Нигде не встретив мирной, светлой кущи! –
И тщетно он, в борьбе с людьми, с собою,
Рвался схватить земное счастье с бою.

Над ним был Рок, враждебный, всемогущий!
Всходил за ним на снежные вершины,
Спускался в дол, переплывал пучины!..

7

То мчится бард, беглец родного края,
На встречу солнца, по стихии бурной,
Где Лиссабон, на жарком небе рдея,
Златым венцом объял залив лазурный, –
Там, где земля горит, благоухая,
И где плоды, на пыльных ветвях зрея,
Душистей и свежее, –
Тебя потом он огласил приветом,
Страна любви, геройства, приключений,
Где и поднесь их сладкопевный гений
Как бы волшебным обвеваешь светом
Узорчатой Альгамбры колоннады
Иль рощи благовонные Гренады!

8

То совершитель тризны благочестной,
Теней погибших окруженный роем,
Равнину ту обходит он с тоскою,
Где жребий мира выпал славным боем,
Где был судим сей страшный суд железный!..
Сия земля, клейменная судьбою,
Под чуткою стопою
Дрожит еще невольно и поныне,
Как тундра крови, – здесь, в мученьях страшных,
Притоптаны ряды сердец отважных,
И слою лег их пепел по равнине, –
Враждебные, они затихли вместе,
Те с жаждою, те в упоенье мести!..

9

Но дале бард – и видит пред собою
Грозноносящий вечно-юный Рейн, –
И там и сям, на выси виноградной
Мелькает замок, и поднесь обвеян

Волшебной былью, мглисто-золотою!..
И вот, вдали, сияющий и хладный,
Возник титан громадный – Швейцария!..
Там мир как за оградой;

Звучит рожок, поют вольней потоки,
В горах, как в чаше, озера глубоки,
Свет на холмах, в долинах тень с прохладой
И надо всем вершины ледяные,
То бледные, то огненно-живые!..

10

Потом с высот, где, разлучаясь, воды
В широкие, полдневные равнины,
Как бы на пир, стремят свое течение,
Отколь не раз, как льдистые лавины,
Полночные срывались народы, –
В Италию, родимое владенье,
Он сводит вдохновенье –
Небесный дух сей край чудес обходит,
Высокий лавр и темный мирт колышет,
Под сводами чертогов светлых дышит,
С цветущих персей запах роз уводит
И шевелит прозрачной пеленою
Над дремлющей в руинах стариною!..

11

Но на Восток цветущий и пустынный
Влекло певца всеильное пристрастье,
В любимый край его воображенья!..
Сей мир насильства, лени, сладострастья
Он зрел еще перед его кончиной –
Где обнялись в роскошном запустенье
И жизнь и разрушенье
И дружески цвели в вечернем свете
Вершины гор, где жил разбой веселый,
Там, за скалой, пирата парус белый,
Здесь рог луны, горящий на мечети,
И чистые остатки Парфенона
На девственном румянце небосклона.

12

Но ты расторг союз сего творенья,
Дух вольности, бессмертная стихия!
И бой вспылал Отчаяния с Силой!..
Кровь полилась, как воды ключевые,
В ночи земля пила их без зазренья,
Лишь зарево, как светоч над могилой,
Горé над ней светило, –

И скоро ли – то провиденье знает –
Взойдет заря и бурный мрак развеет!..
Но юный день с любовью да светлеет
На месте том, где дух певца витает,
Где в сумраке болезненной надежды
Сомкнула смерть его земные вежды!..

13

Певец угас пред жертвенником брани!..
Но песнь его нигде не умолкала, –
Хоть из груди, истерзанной страстями,
Она нередко кровью вытекала,
Волшебный жезл не выпадал из длани,
Но двигал он лишь адскими властями!..
В распре с небесами
Высокая Божественность мученья
Была ему загадкою враждебной –
И, упиваясь чашею врачебной,
Отравы жаждал он, не исцеленья, –
Вперенные в подземный ужас очи
Он отвращал от звездной славы Ночи!..

14

Таков он был, могучий, величавый,
Восторженный хулитель Мирозданья!..
Но зависти ль удел его достоин?..
Родительским добром существованья
Он приобрел даруемое славой!
Но был ли он, сим демоном присвоен,
Иль счастлив, иль спокоен?
Сиянье звезд, Денницы луч веселый
Души его, где вихри бушевали,
Лишь изредка угрюмость провевали.
Он стихнул днесь, вулкан перегорелый
И позднее бессмертия светило
С ночных небес глядит в него уныло!..

<1829>

Вопросы (Из Гейне)

Над морем, диким полуночным морем
Муж-юноша стоит –
В груди тоска, в уме сомненья –

И, сумрачный, он вопрошает волны:
 «О, разрешите мне загадку жизни,
 Мучительно-старинную загадку,
 Над коей сотни, тысячи голов –
 В египетских, халдейских шапках,
 Гиероглифами ушитых,
 В чалмах, и митрах, и скуфьях,
 И с париками и обритых –
 Тьмы бедных человеческих голов
 Кружились, и сохли, и потели, –
 Скажите мне, что значит человек?
 Откуда он, куда идет,
 И кто живет над звездным сводом?»
 По-прежнему шумят и ропщут волны,
 И дует ветер, и гонит тучи,
 И звезды светят холодно и ясно –
 Глупец стоит – и ждет ответа!

<Между 1827 и 1830>

* * *

За нашим веком мы идем,
 Как шла Креуза за Энеем:
 Пройдем немного – ослабеем,
 Убавим шагу – отстаем.

Между 1827 и 1830

Приветствие духа (Из Гёте)

На старой башне, у реки,
 Дух рыцаря стоит
 И, лишь завидит челноки,
 Приветом их дарит:
 «Кипела кровь, и в сей груди,
 Кулак был из свинца,
 И богатырский мозг в кости,
 И кубок до конца!
 Пробушевал полжизни я,
 Другую проволоку:
 А ты плыви, плыви, ладья,
 Куда несет поток!»

<Между 1827 и 1829>

* * *

(Из Гётева «Западно-восточного дивана»)

Запад, Норд и Юг в крушенье,
Троны, царства в разрушенье, —
На Восток укройся дальный
Воздух пить патриархальный!..
В играх, песнях, пиrowанье
Обнови существованье!..

Там проникну, в сокровенных,
До истоков потаенных
Первородных поколений,
Гласу Божиих велений
Непосредственно внимавших
И ума не надрывавших,

Память праотцев святивших,
Иноземию претивших,
Где во всем хранилась мера,
Мысль — тесна, пространна вера,
Слово — в силе и почтенье,
Как живое откровенье!..

То у пастырей под кущей,
То в оазисе цветущей
С караваном отдохну я,
Ароматами торгую:
Из пустыни в поселенья
Исслежу все направленья.

Песни Гафица святыя
Усладят стези крутыя:
Их вожатый голосистый,
Распевая в тверди чистой,
В позднем небе звезды будит
И шаги верблюдов нудит.

То упьюся в банях ленью,
Верен Гафица ученью:
Дева-друг фату бросает,
Амвру с кудрей отрясает, —
И поэта сладкопевность
В девах райских будит ревность!..

И сие высокомерье
Не вменяйте в суеверье;
Знайте: все слова поэта
Легким роем, жадным света,
У дверей стучатся Рая,
Дар бессмертья вымоляя!

Между 1827 и 1830

(Гёте)**I**

Кто с хлебом слез своих не ел,
Кто в жизни целыми ночами
На ложе, плача, не сидел,
Тот незнаком с небесными властями.

Они нас в бытие манят –
Заводят слабость в преступленья
И после муками казнят:
Нет на Земли проступка без отмщенья!

II

Кто хочет миру чуждым быть,
Тот скоро будет чужд, –
Ах, людям есть кого любить,
Что им до наших нужд!

Так! что вам до меня?
Что вам беда моя?
Она лишь про меня, –
С ней не расстанусь я!

Как крадется к милой любовник тайком:
«Откликнись, друг милый, одна ль?»

Так бродит ночью и днем
Кругом меня тоска,
Кругом меня печаль!..
Ах, разве лишь в гробу
От них укрыться мне –
В гробу, в земле сырой –
Там бросят и оне!

Между 1827 и 1830

**Певец
(Из Гёте)**

«Что там за звуки пред крыльцом,
За гласы пред вратами?..
В высоком тереме моем
Раздайся песнь пред нами!..
Король сказал, и паж бежит,
Вернулся паж, король гласит:

«Скорей впустите старца!..»

«Хвала вам, витязи, и честь,
Вам, дамы, обожанья!..
Как звезды в небе перечесь!
Кто знает их названья!..
Хоть взор манит сей рай чудес,
Закройся взор – не время здесь
Вас праздно тешить, очи!»

Седой певец глаза смежил
И в струны грянул живо –
У смелых взор смелей горит,
У жен – поник стыдливо.
Пленился царь его игрой
И шлет за цепью золотой –
Почтить певца седого!..

«Златой мне цепи не давай,
Награды сей не стою,

Ее ты рыцарям отдай,
Бесстрашным среди бою;
Отдай ее своим дьякам,
Прибавь к их прочим тяготам
Сие златое бремя!..

На божьей воле я пою,
Как птичка в поднебесье,
Не чая мзды за песнь свою –
Мне песнь сама возмездье!..
Просил бы милости одной,
Вели мне кубок золотой
Вином наполнить светлым!»

Он кубок взял и осушил
И слово молвил с жаром:
«Тот дом Сам Бог благословил,
Где это – скудным даром!..
Свою вам милость Он пошли
И вас утешь на сей земли,
Как я утешен вами!..»

<1830>

* * *

(Из Гейне)

Закралась в сердце грусть – и смутно
Я вспомянул о старине:
Тогда все было так уютно
И люди жили как во сне.

А нынче мир весь как распался:
Все кверху дном, все сбились с ног,
Господь-бог на небе скончался
И в аде Сатана издох.

Живут как нехотя на свете,
Везде брюзга, везде раскол, —
Не будь крохи любви в предмете,
Давно б из мира вон ушел.

Между 1826 и 1830

Кораблекрушение (Из Гейне)

Надежда и любовь – все, все погибло!..
И сам я, бледный, обнаженный труп,
Изверженный сердитым морем,
Лежу на берегу,
На диком, голом берегу!..
Передо мной – пустыня водяная,
За мной лежат и горе и беда,
А надо мной бредут лениво тучи,
Уродливые дщери неба!
Они в туманные сосуды
Морскую черпают волну,
И с ношей вдаль, усталые, влекутся,
И снова выливают в море!..
Нерадостный и бесконечный труд!
И суетный, как жизнь моя!..
Волна шумит, морская птица стонет!
Минувшее повеяло мне в душу –
Былые сны, потухшие виденья
Мучительно-отрадны встают!
Живет на севере жена!
Прелестный образ, царственно-прекрасный!
Ее, как пальма, стройный стан
Обхвачен белой сладострастной тканью;
Кудрей роскошных темная волна,
Как ночь богов блаженных, льется
С увенчанной косами головы
И в легких кольцах тихо веет
Вкруг бледного, умильного лица,
И из умильно-бледного лица
Отверсто-пламенное око
Как черное сияет солнце!..
О черно-пламенное солнце,
О, сколько, сколько раз в лучах твоих
Я пил восторга дикий пламень,
И пил, и млел, и трепетал, –
И с кротостью небесно-голубиной
Твои уста улыбка обвевала,
И гордо-милые уста

Дышали тихими, как лунный свет, речами
 И сладкими, как запах роз...
 И Дух во мне, оживши, воскресился
 И к Солнцу, как орел, парил!..
 Молчите, птицы, не шумите, волны,
 Все, все погибло – счастье и надежда,
 Надежда и любовь!.. Я здесь один, –
 На дикий берег заброшенный грозой,
 Лежу простерт – и рдеющим лицом
 Сырой песок морской пучины рою!

Между 1827 и 1830

* * *

<Из «Путевых картин» Гейне >

«Прекрасный будет день», – сказал товарищ,
 Взглянув на небо из окна повозки. –
 Так, день прекрасный будет, – повторило
 За ним мое молящееся сердце
 И вздрогнуло от грусти и блаженства!..
 Прекрасный будет день! Свободы солнце
 Живей и жарче будет греть, чем ныне
 Аристокрация светил ночных!
 И расцветет счастливейшее племя,
 Зачатое в объятьях произвольных, –
 Не на одре железном принужденья,
 Под строгим, под таможенным надзором
 Духовных приставов, – и в сих душах
 Вольнорожденных вспыхнет смело
 Чистейший огонь идей и чувствований –
 Для нас, рабов природных, непостижный!

Ах, и для них равно непостижима
 Та будет ночь, в которой их отцы
 Всю жизнь насквозь томились безотрадно
 И бой вели отчаянный, жестокий,
 Противу гнусных сов и ларв подземных,
 Чудовищных Ерева порождений!..
 Злосчастные бойцы, все силы духа,
 Всю сердца кровь в бою мы истощили –
 И бледных, преждевременно одряхших,
 Нас озарит победы поздний день!..
 Младого солнца свежее бессмертье
 Не оживит сердец изнеможенных,
 Ланит потухших снова не зажжет!
 Мы скроемся пред ним, как бледный месяц!

Так думал я и вышел из повозки
 И с утренней усердною молитвой
 Ступил на прах, бессмертьем освященный!..

Как под высоким триумфальным сводом

Громадных облаков всходило солнце,
Победоносно, смело и светло,
Прекрасный день природе возвещая.
Но мне при виде сем так грустно было,
Как месяцу, еще заметной тенью
Бледневшему на небе. – Бедный месяц!
В глухую полночь, одиноко, сиро,
Он совершил свой горемычный путь,
Когда весь мир дремал – и пировали
Одни лишь совы, призраки, разбой;
И днесь пред юным днем, грядущим в славе,
С звучащими веселием лучами
И пурпурной разлитой зарей,
Он прочь бежит... еще одно воззренье
На пышное всемирное светило –
И легким паром с неба улетит.

Не знаю я и не ищу предвидеть,
Что мне готовит Муза! Лавр поэта
Почтит иль нет мой памятник надгробный?
Поэзия Душе моей была
Младенчески-Божественной игрушкой –
И суд чужой меня тревожил мало.
Но меч, друзья, на гроб мой положите!
Я воин был! я ратник был свободы
И верою и правдой ей служил
Всю жизнь мою в ее священной брани!

Конец 1829 или 1830

* * *

<Из «Федры» Расина >

Едва мы вышли из Трезенских врат,
Он сел на колесницу, окруженный
Своею, как он сам, безмолвной стражей.
Микенскою дорогой ехал он,
Отдав коням в раздумии бразды.
Сии живые, пламенные кони,
Столь гордые в обычном их пылу,
Днесь, с головой поникшей, мрачны, тихи,
Казалось, согласовались с ним.
Вдруг из морских пучин исшедший крик
Смутил кругом воздушное молчанье,
И в ту ж минуту страшный некий голос
Из-под земли отвечает стенаньем.
В груди у всех оледенела кровь,
И дыбом стала чутких тварей грива.
Но вот, белея над равниной влажной,
Подъялся вал, как снежная гора, –
Возрос, приблизился, о брег расшибся
И выкинул чудовищного зверя.
Чело его ополчено рогами,

Хребет покрыт желтистой чешуей.
Ужасный Вол, неистовый Дракон,
В бесчисленных изгибах вышел он.
Брег, зыблясь, стонет от его рыканья;
День, негодуя, светит на него,
Земля подвиглась; вал, его извергший,
Как бы объятый страхом, хлынул вспять.
Все скрылося, ища спасенья в бегстве, –
Лишь Ипполит, героя истый сын,
Лишь Ипполит, боязни недоступный,
Остановил коней, схватил копье
И, меткою направив сталь рукою,
Глубокой язвой зверя поразил.
Взревело чудо, боль копья почуя,
Беснуясь, пало под ноги коням
И, роя землю, из кровавой пасти
Их обдало и смрадом и огнем!
Страх обуял коней – они помчались,
Не слушаясь ни гласа, ни вожжей, –
Напрасно с ними борется возница,
Они летят, багря удила пеной:
Бог некий, говорят, своим трезубцем
Их подстрекал в дымящиеся бедра...
Летят по камням, дебрям... ось трещит
И лопнула... Бесстрашный Ипполит
С изломанной, разбитой колесницы
На землю пал, опутанный вожжами, –
Прости слезам моим!.. сей вид плачевный
Бессмертных слез причиной будет мне!
Я зрел, увы! как сына твоего
Влекли, в крови, им вскормленные кони!
Он кличет их... но их пугает клик –
Бегут, летят с истерзанным возницей.
За ним вослед стремлюся я со стражей, –
Кровь свежая стезю нам указывает.
На камнях кровь... на терниях колючих
Клоки волос кровавые повисли...
Наш дикий вопль равнину оглашает!
Но наконец неистовых коней
Смирился пыл... они остановились
Вблизи тех мест, где прадедов твоих
Прах царственный в гробах почиет древних!..
Я прибежал, зову... с усиьем тяжким
Он, вежды приподняв, мне подал руку:
«Всевышних власть мой век во цвете губит.
Друг, не оставь Ариции моей!
Когда ж настанет день, что мой Родитель,
Рассеяв мрак ужасной клеветы,
В невинности сыновней убедится,
О, в утешенье сетующей тени,
Да облегчит он узнице своей
Удел ее!.. Да возвратит он ей...»
При сих словах Героя жизнь угасла,
И на руках моих, его державших,

Остался труп, свирепо искаженный,
Как знаменье богов ужасной кары,
Не распознаемый и для отцовских глаз!

<Конец 1820-х гг.>

Заветный кубок (Из Гёте)

Был царь, как мало их ныне, –
По смерти он верен был:
От милой, при кончине,
Он кубок получил.

Ценил его высоко
И часто осушал, –
В нем сердце сильно билось,
Лишь кубок в руки брал.

Когда ж сей мир покинуть
Пришел его черед,
Он делит все наследство, –
Но кубка не дает.

И в замок, что над морем,
Друзей своих созвал
И с ними на прощанье,
Там сидя, пировал.

В последний раз упился
Он влагой огневой,
Над бездной наклонился
И в море – кубок свой...

На дно пал кубок морское, –
Он пал, пропал из глаз,
Забилось ретивое,
Царь пил в последний раз!..

<1830>

Ночные мысли (Из Гёте)

Вы мне жалки, звезды-горемыки!
Так прекрасны, так светло горите,
Мореходцу светите охотно,
Без возмездья от богов и смертных!
Вы не знаете любви – и ввек не знали!
Неудержно вас уводят Оры
Сквозь ночную беспредельность неба.

О! какой вы путь уже свершили
С той поры, как я в объятьях милой
Вас и полночь сладко забываю!

Конец 1820-х, <1832>

* * *

<Из «Фауста» Гёте >

I

Звучит, как древле, пред тобою
Светило дня в строю планет
И предначертанной стезею,
Гремя, свершает свой полет!
Ему дивятся Серафимы,
Но кто досель его постиг?
Как в первый день, непостижимы
Дела, Всевышний, рук твоих!

И быстро, с быстротой чудесной,
Кругом вратится шар земной,
Меня тихий Свет небесный
С глубокой ночи темнотой.
Морская хлябь гремит валами
И роет каменный свой брег,
И бездну вод с ее скалами
Земли уносит быстрый бег!

И беспрерывно бури воют,
И землю с края в край метут,
И зыбь гнетут, и воздух роют,
И цепь таинственную вьют.

Вспылал предтеча-истребитель,
Сорвавшись с тучи, грянул гром,
Но мы во свете, Вседержитель,
Твой хвалим день и мир поем.
Тебе дивятся Серафимы!
Тебе гремит небес хвала!
Как в первый день, непостижимы,
Господь! руки твоей Дела!

II

«Кто звал меня?» –
«О страшный вид!» –
«Ты сильным и упрямым чаром
Мой круг волшебный грыз не даром –
И днесь...» –

«Твой взор меня мертвит!» –
 «Не ты ль молил, как иступленный,
 Да узришь лик и глас услышишь мой?
 Склонился я на клич упорный твой
 И, се предстал! Какой же страх презренный,
 Вдруг овладел, титан, твоей душой?..
 Та ль эта грудь, чья творческая сила
 Мир целый создала, взлелеяла, взрастила
 И в упоении отваги неземной,
 С неутомимым напряженьем
 До нас, духов, возвыситься рвалась?
 Ты ль это, Фауст? И твой ли был то глас,
 Теснившийся ко мне с отчаянным моленьем?
 Ты, Фауст? Сей бедный, беспомощный прах,
 Проникнутый насквозь моим вдохновеньем,
 Во всех души своей дрожащий глубинах?..» –
 «Не удручай сим пламенным презреньем
 Главы моей! Не склонишь ты ея!
 Так, Фауст Я, дух, как ты! твой равный Я!..» –
 «Событий бурю и вал судеб
 Вращаю я,

Воздвигаю я,
 Вею здесь, вею там, и высок и глубок!
 Смерть и Рождение, Воля и Рок,
 Волны в боренье,
 Стихии во пренье,
 Жизнь в измененье –
 Вечный, единый поток!..
 Так шумит на стану моем ткань роковая,
 И богу прядется риза живая!» –
 «Каким сродством неодолимым,
 Бессмертный Дух! влечешь меня к себе!» –
 «Лишь естеством, тобою постижимым,
 Подобен ты – не мне!..»

III

Чего вы от меня хотите,
 Чего в пыли вы ищете моей,
 Святые гласы, там звучите,
 Там, где сердца и чище и нежней.
 Я слышу весть – но веры нет для ней!
 О Вера, Вера, мать чудес родная,
 Дерзну ли взор туда поднять,
 Откуда весть летит благая!
 Ах, но к нему с младенчества привычный,
 Сей звук родимый, звук владычный, –
 Он к бытию манит меня опять!
 Небес, бывало, лобызанье
 Срывалось на меня в воскресной тишине,
 Святых колоколов я слышал содроганье

В моей душевной глубине,
И сладостью живой была молитва мне!
Порыв души в союзе с небесами
Меня в леса и доли уводил –
И, обливаясь теплыми слезами,
Я новый мир себе творил.

Про игры юности веселой,
Про светлую весну благовестил сей глас –
Ах, и в торжественный сей час
Воспоминанье их мне душу одолело!
Звучите ж, гласы, вторься, гимн святой!
Слеза бежит! Земля, я снова твой!

IV

Зачем губить в унынии пустом
Сего часа благое достоянье?
Смотри, как хижины с их зеленью кругом
Осыпало вечернее сиянье.
День пережит, – и к небесам иным
Светило дня несет животворенье.
О, где крыло, чтоб взвиться вслед за ним,
Прильнуть к его лучам, следить его теченье?
У ног моих лежит прекрасный мир
И, вечно вечеряющий, смеется...
Все выси в зареве, во всех долинах мир,
Сребристый ключ в златые реки льется.
Над цепью диких гор, лесистых стран
Полет богоподобный веет,
И уж вдали открылся и светлеет
С заливами своими океан.
Но светлый бог главу в пучины клонит,
И вдруг крыла таинственная мощь
Вновь ожила и вслед за уходящим гонит,
И вновь душа в потоках света тонет.
Передо мною день, за мною ночь.
В ногах равнина вод, и небо над главою.
Прелестный сон!.. и суетный – прости!..
К крылам души, парящим над землею,
Не скоро нам телесные найти.
Но сей порыв, сие и ввыспрь и вдале стремленье,
Оно природное внушенье,
У всех людей оно в груди...

И оживает в нас порою,
Когда весной, над нашей головою,
Из облаков песнь жавронка звенит,
Когда над крутизной лесистой
Орел, ширяся, парит,
Поверх озер иль степи чистой
Журавль на родину спешит.

V

Державный Дух! ты дал мне, дал мне все,
О чем молил я! Не вотще ко мне
Склонил в лучах сияющий свой лик!
Дал всю природу во владенье мне
И вразумил ее любить. Ты дал мне
Не гостем праздно-изумленным быть
На пиршестве у ней, но допустил
Во глубину груди ее проникнуть,
Как в сердце друга! Земнородных строй
Провел передо мной и научил –
В дуброве ль, в воздухе иль в лоне вод –
В них братии познавать и их любить!
Когда ж в бору скрипит и свищет буря,
Ель-великан дерев соседних с треском
Крушит в паденье ветви, глухо гул
Встает окрест и, зыблясь, стонет холм,
Ты в мирную ведешь меня пещеру,
И самого меня являешь ты
Очам души моей – и мир ее,
Чудесный мир, разоблачаешь мне!

Подыметя ль, всеулажда, месяц
В сиянье кротком, и ко мне летят
С утеса гор, с увлажненного бора,
Сребристые веков минувших тени
И строгую утеху созерцанья
Таинственным влияньем умиляют!

<1829 – 1830>

* * *

(Из Шекспира)

I

Любовники, безумцы и поэты
Из одного воображенья слиты!..
Тот зрит бесов, каких и в аде нет
(Безумец то есть); сей, равно безумный,
Любовник страстный видит, очарован,
Елены красоту в цыганке смуглой.
Поэта око, в светлом исступленьи,
Круговращаясь, блещет и скользит
На Землю с Неба, на Небо с Земли –
И, лишь создаст воображеньи виды
Существ неведомых, поэта жезл

Их претворяет в лица и дает
Теням воздушным местность и название!..

II Песня

Заревел голодный лев,
И на месяц волк завыл;
День с трудом преодолев,
Бедный пахарь опочил.

Угли гаснут на костре,
Дико филин прокричал
И больному на одре
Скорый саван провещал.

Все кладбища, сей порой,
Из зияющих гробов,
В сумрак месяца сырой
Высылают мертвецов!..

Конец 1820-х, <1832>

* * *

Ты зрел его в кругу большого света –
То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум,
Таков поэт – и ты презрел поэта!

На месяц взглянь: весь день, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог, –
Настала ночь – и, светозарный Бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

<1830>

* * *

В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече –
Душа моя! о, не вини меня!..

Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный,
Наступит ночь – и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

<1830>

Лебедь

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.

Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего –
И чистой, как ты сам, одею
Тебя стихией Божество.

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон –
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.

Конец 1820-х или 1838?

* * *

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь – и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

<1830>

Конь морской

О рьяный Конь, о Конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смиренный, ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле;
Тебя он прядать научил,

Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,
 В своей надменной силе,
 Густую гриву растрепав
 И весь в пару и мыле,
 К брегам направив бурный бег,
 С веселым ржаньем мчишься,
 Копыта кинешь в звонкий брег
 И – в брызги разлетишься!..

Июль – август 1829?, <1836>

* * *

<Из «Эрнани» В. Гюго >

Великий Карл, прости! – Великий, незабвенный,
 Не сим бы голосом тревожить эти стены –
 И твой бессмертный прах смущать, о исполин,
 Жужжанием страстей, живущих миг один!
 Сей европейский мир, руки твоей созданье,
 Как он велик, сей мир! Какое обладанье!..
 С двумя избранными вождями над собой –
 И весь багрянородный сонм – под их стопой!..
 Все прочие державы, власти и владенья –
 Дары наследия, случайности рожденья, –
 Но папу, кесаря сам Бог земле дает,
 И Промысл через них нас случаем блюдет.
 Так соглашает он устройство и свободу!
 Вы все, позорищем служащие народу,
 Вы, курфюрсты, вы, кардиналы, сейм, синклит, –
 Вы все ничто! Господь решит, Господь велит!..
 Родись в народе мысль, зачатая веками,
 Сперва растет в тени и шевелит сердцами –
 Вдруг воплотилась и увлекла народ!..
 Князья куют ей цепь и зажимают рот,
 Но день ее настал, – и смело, величаво
 Она вступила в сейм, явилась средь конклава,
 И, с скипетром в руках иль митрой на челе,
 Пригнула все главы венчаные к земле...
 Так папа с кесарем всеильны – все земное
 Лишь ими и чрез них. Как таинство живое
 Явило небо их земле, – и целый мир –
 Народы и цари – им отдан был на пир!..
 Их воля строит мир и зданье замыкает,
 Творит и рушит. – Сей решит, тот рассекает.
 Сей Истина, тот Сила – в них самих
 Верховный их закон, другого нет для них!
 Когда из алтаря они исходят оба –
 Тот в пурпуре, а сей в одежде белой гроба –
 Мир, цепenea, зрит в сиянье торжества
 Сию чету, сии две полы божества!..
 И быть одним из них, одним! О, посрамленье

Не быть им!.. и в груди питать сие стремленье!
О, как, как счастлив был почивший в сем гробу
Герой! Какую бог послал ему судьбу!
Какой удел! и что ж? Его сия могила.
Так вот куда идет – увы! – все то, что было
Законодатель, вождь, правитель и герой,
Гигант, все времена превысивший главой!
Как тот, кто в жизни был Европы всей владыкой,
Чье титуло было кесарь, имя Карл Великий,
Из славимых имен славнейшее поднесь,
Велик – велик, как мир, – а все вместилося здесь!
Ищи ж владычества и взвесь пригоршни пыли
Того, кто все имел, чью власть как божью чтили.
Наполни грохотом всю землю, строй, возвысь
Свой столп до облаков, все выше, высь на высь –
Хотя б бессмертных звезд твоя коснулась слава,
Но вот ее предел!.. О царство, о держава,
О, что вы? все равно – не власти ль жажду я?
Мне тайный глас сулит: твоя она – моя –
О, если бы моя! Свершится ль предвещанье? –
Стоять на высоте и замыкать создание,
На высоте – один – меж небом и землей
И видеть целый мир в уступах под собой:
Сперва цари, потом – на степенях различных –
Старейшины домов удельных и владычных,
Там доги, герцоги, церковные князья,
Там рыцарских чинов священная семья,
Там духовенство, рать, – а там, в дали туманной,
На самом дне – народ, несчетный, неустанный,
Пучина, вал морской, терзающий свой брег,
Стозвучный гул, крик, вопль, порою горький смех,
Таинственная жизнь, бессмертное движенье,
Где, что ни брось во глубь, и все они в броженье –
Зерцало грозное для совести царей,
Жерло, где гибнет трон, всплывает мавзоль!
О, сколько тайн для нас в твоих пределах темных!
О, сколько царств на дне – как остовы огромных
Судов, свободную теснивших глубину,
Но тыдохнул на них – и груз пошел ко дну!
И мой весь этот мир, и я схвачу без страха
Мироуправленье жезл! Кто я? Исчадь праха!

1830

* * *

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, –

Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,

Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

Июль – август 1829?, <1836>

Двум сестрам

Обеих вас я видел вместе –
И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж прелесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!

И все, как в зеркале волшебном,
Все обозначилось вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!

<1830>

* * *

Как над горячею золой⁷
Дымится свиток и сгорает,
И огонь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирает,

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом;
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..

О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле,
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы – и погас!

<1830>

Странник

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..

⁷ За исключением Чайковского, никто из великих композиторов – современников Тютчева при жизни поэта не создал вокальных произведений на его слова. Один Чайковский положил на музыку в 1865 г. стихотворение Тютчева «Как над горячею золой...» и его перевод из Гёте «Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...».

Сей дивный мир, их рук создание,
С разнообразием своим,
Лежит развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье...

Через веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, –
Ему отверста вся земля,
Он видит все и славит Бога!..

<1830>

* * *

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит, –
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...

Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

<1830>

По дороге из Мюнхена в Россию

Безумие

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, –
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет...

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрынет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье⁸,
Что слышит ток подземных вод,

⁸ Речь идет о так называемых *водоискателях*, умеющих чутко «ток подземных вод». По всей вероятности, Тютчев подозревал, что и он подвержен этому, с точки зрения нормальных людей, «безумию», поскольку понимал, слышал и видел в природе то, чего напрочь не замечали окружающие.

И колыбельное их пенье,
И шумный из Земли исход!..

<1830>

Успокоение

Гроза прошла – еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалась,
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.

<1830>

Цицерон

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал – и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так!.. но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавый!..

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был –
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Июль 1829?, <1830>

Silentium!⁹

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, –

⁹ молчание! (лат.)

Любуйся ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, –
Питайся ими – и молчи.

Лишь жить в себе самом умей –
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум –
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи –
Внимай их пенью – и молчи!..

<1830>

* * *

Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня все было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная Земля –
Все на душу раздумье наводило.

Я вспомнил о былом печальной сей земли –
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы, – мыслил я, – пришли издалека,
Вы, сверстники сего былого!..»

Так! вам одним лишь удалось
Дойти до нас с берегов другого света.
О, если б про него хоть на один вопрос
Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной, –
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
Про них и днем молчание хранит...

*Начало октября 1830
По дороге из Петербурга в Мюнхен*

* * *

Песок сыпучий по колени...
Мы едем – поздно – меркнет день,

И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий –
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста!

*Начало октября 1830
По дороге из Петербурга в Мюнхен*

Осенний вечер

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье – и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

Октябрь 1830

Листья

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.

Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Все красное лето
Мы были в красе,
Играли с лучами,
Купались в росе!..

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром

Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

Сентябрь – октябрь 1830

Альпы

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.
Властью некой обаянны,
До восшествия Зари
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари!..

Но Восток лишь заалееет,
Чарам гибельным конец –
Первый в небе просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блестит в венцах из золота
Вся воскресшая Семья!..

1830

Mal'aria¹⁰

Люблю сей Божий гнев! Люблю сие, незримо
Во всем разлитое, таинственное Зло –
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,
И в радужных лучах, и в самом небе Рима.
Все та ж высокая, безоблачная твердь,
Все так же грудь твоя легко и сладко дышит,
Все тот же теплый ветер верхи дерев колышет,
Все тот же запах роз, и это все есть Смерть!..

¹⁰ зараженный воздух (*итал.*).

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цвета и голоса,
Предвестники для нас последнего часа
И усладители последней нашей муки.
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою свой образ прикрывает,
Да утаит от них приход ужасный свой!

1830

* * *

Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздыхалась грудь ее волною,
Алели щеки, как заря,
Все жарче рдея и горя!
И вдруг, как солнце молодое,
Любви признание золотое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я!..

1830

* * *

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет, и звук немеет
В оцепененье ледяном, –
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всеильный хлад не может:
Она все льется – и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя, –
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот –
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот.

Не позднее 1835

* * *

О чем ты воешь, ветер ночной?
 О чем так сетуешь безумно?..
 Что значит странный голос твой,
 То глухо жалобный, то шумно?
 Понятным сердцу языком
 Твердишь о непонятной муке –
 И роешь и взрываешь в нем
 Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой
 Про древний хаос, про родимый!
 Как жадно мир души ночной
 Внимает повести любимой!
 Из смертной рвется он груди,
 Он с беспредельным жаждет слиться!..
 О, бурь заснувших не буди –
 Под ними Хаос шевелится!..

Первая половина 1830-х

Весенние воды

Еще в полях белеет снег,
 А воды уж весной шумят –
 Бегут и будят сонный брег,
 Бегут и блещут и гласят...

Они гласят во все концы:
 «Весна идет, весна идет!
 Мы молодой весны гонцы,
 Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
 И тихих, теплых, майских дней
 Румяный, светлый хоровод
 Толпится весело за ней.

<1830>

* * *

В душном воздухе молчанье¹¹,
 Как предчувствие грозы,
 Жарче роз благоуханье,
 Звонче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей
 Глухо прокатился гром;

¹¹ Стихотворение посвящено Эрнестине фон Дёрнберг.

Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Жизни некий преизбыток
В знойном воздухе разлит,
Как божественный напиток,
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?..

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

Первая половина 1830-х

* * *

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...

Первая половина 1830-х

* * *

Вечер мгlistый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час,
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..

Первая половина 1830-х

* * *

И гроб опущен уж в могилу,
И все столпилось вокруг...
Толкуются, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух...

И над могилою раскрытой,
В возгласии, где гроб стоит,
Ученый пастор, сановитый,
Речь погребальную гласит...

Вещает брэнность человечью,
Грехопаденъе, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

Первая половина 1830-х

* * *

Восток белел. Ладья катилась¹²,
Ветрило весело звучало, –
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...

Восток алел. Она молилась,
С чела откинув покрывало,
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликовало...

Восток вспылал. Она склонилась,
Блестящая поникла выя –
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...

Первая половина 1830-х

* * *

¹² Обращено к Эрнестине фон Дёрнберг.

Как птичка, раннею зарей
Мир, пробудившись, встрепенулся...
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся!
Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек!
Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

Первая половина 1830-х

* * *

Душа моя, Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных, –

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

Первая половина 1830-х

* * *

Над виноградными холмами
Плывут золотые облака.
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины

Круглообразный светлый Храм.

Там, в горнем неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течет.
Туда, взлетая, звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна –
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных Тишина.

Первая половина 1830-х

* * *

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я.
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?..

Весь день, в бездействии глубоком,
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить;
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели¹³
Или на светлую мечту?

Первая половина 1830-х

* * *

Как дочь родную на закланье
Агамемнон богам принес,
Прося попутных бурь дыханья
У негодующих небес, –
Так мы над горестной Варшавой
Удар свершили роковой,
Да купим сей ценой кровавой
России целость и покой!

Но прочь от нас венец бесславья,
Сплетенный рабскою рукой!

¹³ Синель – сирень.

Не за коран самодержавья
Кровь русская лилась рекой!
Нет! нас одушевляло в бое
Не чревобесие меча,
Не зверство янычар ручное
И не покорность палача!

Другая мысль, другая вера
У русских билася в груди!
Грозой спасительной примера
Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.

Сие-то высшее сознанье
Вело наш доблестный народ –
Путей небесных оправданье
Он смело на себя берет.

Он чует над своей главою
Звезду в незримой высоте
И неуклонно за звездою
Спешит к таинственной мете!

Ты ж, братскою стрелой пронзенный,
Судеб свершая приговор,
Ты пал, орел одноплеменный,
На очистительный костер!
Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, зародится в нем.

1831

* * *

«Все бешеной буря, все злее и злей,
Ты крепче прижмися к груди моей». –
«О милый, милый, небес не гневи,
Ах, время ли думать о грешной любви!» –
«Мне сладок сей бури порывистый глас,
На ложе любви он баюкает нас». –
«О, вспомни про море, про бедных пловцов,
Господь милосердый, будь бедным покров!» –
«Пусть там, на раздолье, гуляет волна,
В сей мирный приют не ворвется она». –
«О милый, умолкни, о милый, молчи,
Ты знаешь, кто на море в этой ночи?!»
И голос стнящий дрожал на устах,
И оба, недвижны, молчали впотьмах.

Гроза приутихла, ветер затих,
Лишь маятник слышен часов стенных, –
Но оба, недвижны, молчали впотьмах,
Над ними лежал таинственный страх...
Вдруг с треском ужасным рассыпался гром
И дрогнул в основах потрясшийся дом.
Вопль детский раздался, отчаян и дик,
И кинулась мать на младенческий крик.
Но в детский покой лишь вбежала она,
Вдруг грянулась об пол, всех чувств лишена.
Под молнийным блеском, раздвинувшим мглу,
Тень мужа над люлькой сидела в углу!

Первая половина 1830-х

**Весеннее успокоение
(Из Уланда)**

О, не кладите меня
В землю сырую:
Скройте, заройте меня
В траву густую!

Пускай дыханье ветерка
Шевелит травую,
Свирель поет издалека,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною...

<1832>

* * *

На древе человечества высоком
Ты лучшим был его листом¹⁴,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!

С его великою душою
Созвучней всех на нем ты трепетал!
Пророчески беседовал с грозой
Иль весело с зефирами играл!

Не поздний вихрь, не бурный ливень летний
Тебя сорвал с родимого сучка:
Был многих краше, многих долголетней,
И сам собою пал, как из венка!

¹⁴ Посвящено памяти Гёте, который скончался 22 марта 1832 года.

1832

Problème¹⁵

С горы скатившись, камень лег в долине.
 Как он упал? никто не знает ныне –
 Сорвался ль он с вершины сам собой,
 Иль был низринут волею *чужой* ?
 Столетье за столетьем пронеслося:
 Никто еще не разрешил вопроса...

*15 января 1833, 2 апреля 1857***Сон на море**

И море и буря качали наш челн;
 Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
 Две беспредельности были во мне,
 И мной своевольно играли оне.
 Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
 Окликались ветры и пели валы.
 Я в хаосе звуков лежал оглушен,
 Но над хаосом звуков носился мой сон.
 Болезненно-яркий, волшебнo-немой,
 Он веял легко над гремящею тьмой.
 В лучах огневицы развил он свой мир –
 Земля зеленела, светился эфир,
 Сады-лабиринфы, чертоги, столпы,
 И сонмы кипели безмолвной толпы.
 Я много узнал мне неведомых лиц,
 Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
 По высям творенья, как бог, я шагал,
 И мир подо мною недвижимый сиял.
 Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
 Мне слышался грохот пучины морской,
 И в тихую область видений и снов
 Врывалась пена ревущих валов.

Июль-август 1829?, <1835>

* * *

<Из Беранже >

Пришлось кончить жизнь в овраге:
 Я слаб и стар – нет сил терпеть!
 «Пьет, верно», – скажут о бродяге, –
 Лишь бы не вздумали жалеть!

15 проблема (*франц.*).

Те, уходя, пожмут плечами,
Те бросят гривну бедняку!
Счастливый путь, друзья! Бог с вами!
Я и без вас мой кончить век могу!

Насилу годы одолели,
Знать, люди с голода не мрут.
Авось, – я думал, – на постели
Они хоть умереть дадут.
Но их больницы и остроги –
Все полно! Силой не войдешь!
Ты вскормлен на большой дороге –
Где жил и рос <?>, старик, там и умрешь.

Я к мастерам ходил сначала,
Хотел кормиться ремеслом.
«С нас и самих работы мало!
Бери суму да бей челом».
К вам, богачи, я потащился,
Грыз кости с вашего стола,
Со псами вашими делился, –
Но я, бедняк, вам не желаю зла.

Я мог бы красть, я – Ир убогой,
Но стыд мне руки оковал;
Лишь иногда большой дорогой
Я дикий плод с дерев сбивал...
За то, что нищ был, между вами
Век осужден на сиротство...
Не раз сидел я за замками,
Но солнца свет – кто продал вам его?

Что мне до вас и вашей славы,
Торговли, вольностей, побед?
Вы все передо мной неправы –
Для нищего отчизны нет!
Когда пришлец вооруженный
Наш пышный город полонил,
Глупец, я плакал, раздраженный,
Я клял врага, а враг меня кормил!

Зачем меня не раздавили,
Как ядовитый гад какой?
Или зачем не научили –
Увы! – полезной быть пчелой!
Из ваших, смертные, объятий
Я был извержен с первых <лет>,
Я в вас благословил бы братий, –
Днесь при смерти бродяга вас клянет!

<Между 1833 и 1836>

* * *

(Из Гейне)

В которую из двух влюбиться
Моей судьбой мне суждено?
Прекрасна дочь и мать прекрасна,
Различно милы, но равно.

Неопытно-младые члены
Как сладко ум тревожат мой! –
Но гениальных взоров прелесть
Всесильна над моей душой.

В раздумье, хлопая ушами,
Стою, как Буриданов друг
Меж двух стогов стоял, глаза:
Который лакомей из двух?..

Между 1834 и апрелем 1836

Арфа скальда

О арфа скальда! Долго ты спала
В тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоём углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне
Как бред души, встревоженной во сне.

Какой он жизнью на тебядохнул?
Иль старину тебе он вспомянул –
Как по ночам здесь сладострастных дев
Давно минувший вторился напев,
Иль в сих цветущих и поднесь садах
Их легких ног скользил незримый шаг?

21 апреля 1834

* * *

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой –
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, –

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,

В последний раз вы молитесь теперь.

16 сентября 1834

* * *

Из края в край, из града в град¹⁶
Судьба, как вихрь, людей метет,
И рад ли ты или не рад,
Что нужды ей?.. Вперед, вперед!

Знакомый звук нам ветер принес:
Любви последнее прости...
За нами много, много слез,
Туман, безвестность впереди!..

«О, оглянися, о, постой,
Куда бежать, зачем бежать?..
Любовь осталась за тобой,
Где ж в мире лучшего сыскать?

Любовь осталась за тобой,
В слезах, с отчаяньем в груди...
О, сжался над своей тоской,
Свое блаженство пощади!

Блаженство стольких, стольких дней
Себе на память приведи...
Все милое душе твоей
Ты покидаешь на пути!..»

Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час.
Усопших образ тем страшней,
Чем в жизни был милей для нас.

Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей метет,
И рад ли ты или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!

Между 1834 и 1836

* * *

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,

¹⁶ По-видимому, посвящено Эрнестине фон Дёрнберг.

Как сладко светит месяц золотой!..

Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музыки дальней слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит...

На мир дневной спустилася завеса;
Изнемогло движенье, труд уснул...
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный, еженочный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

Первая половина 1830-х

* * *

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул –
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул.
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Все во мне, и я во всем!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства – мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

Первая половина 1830-х

* * *

Какое дикое ущелье!
Ко мне навстречу ключ бежит –
Он в дол спешит на новоселье...
Я лезу вверх, где ель стоит.

Вот взобрался я на вершину,
Сижу здесь, радостен и тих...
Ты к людям, ключ, спешишь в долину –
Попробуй, каково у них!

Первая половина 1830-х

* * *

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Все выше, дале вьется он,
И вот ушел за небосклон.

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земле!..

Первая половина 1830-х

* * *

Я помню время золотое¹⁷,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, молодая фея,
На мшистый опершись гранит, —

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

¹⁷ Посвящено баронессе Амалии Крюденер, она же, по второму мужу, графиня Адлерберг.

Между 1834 и 1836

* * *

Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи...

Там-то, бают, в стары годы,
По лазуревым ночам,
Фей вились хороводы
Под водой и по водам;

Месяц слушал, волны пели,
И, навесясь с гор крутых,
Замки рыцарей глядели
С сладким ужасом на них.

И лучами неземными,
Заключен и одинок,
Перемигивался с ними
С древней башни огонек.

Звезды в небе им внимали,
Проходя за строем строй,
И беседу продолжали
Тихомолком меж собой.

В панцирь дедовский закован,
Воин-сторож на стене
Слышал, тайно очарован,
Дальний гул, как бы во сне.

Чуть дремотой забывался,
Гул ясел и грохотал...
Он с молитвой просыпался
И дозор свой продолжал.

Все прошло, все взяли годы –
Поддался и ты судьбе,
О Дунай, и пароходы
Нынче рыщут по тебе.

Первая половина 1830-х

* * *

Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
Сквозь слез гляжу...

С тоскою мыслю о былом
И слов в унынии моем
Не нахожу.

Былое – было ли когда?
Что ныне – будет ли всегда?..
Оно пройдет –
Пройдет оно, как все прошло,
И канет в темное жерло
За годом год.

За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
Сей злак земной!..
Он быстро, быстро вянет – так,
Но с новым летом новый злак
И лист иной.

И снова будет все, что есть,
И снова розы будут цвести,
И терны тож...
Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
Не расцветешь!

Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоской,
То знает Бог!..
Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
Последний вздох.

Первая половина 1830-х

* * *

Зима недаром злится,
Прошла ее пора –
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И все засуетилось,
Все нудит Зиму вон –
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,

Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

Первая половина 1830-х

Фонтан

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной –
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистошимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Первая половина 1830-х

* * *

Яркий снег сиял в долине, –
Снег растаял и ушел;
Вешний злак блестит в долине, –
Злак увянет и уйдет.

Но который век белеет
Там, на высях снеговых?
А заря и ныне сеет
Розы свежие на них!..

Первая половина 1830-х

* * *

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик...

В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

.....
.....
.....
.....

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

.....
.....
.....
.....

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах!
Для них и солнцы, зная, не дышат
И жизни нет в морских волнах!

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Увы, души в нем не встревожит
И голос матери самой!

Первая половина 1830-х

* * *

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебель колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редящего сна
Весну послышала она,
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,

Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

Первая половина 1830-х

* * *

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе –

Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
И смысла нет в мольбе!

<1836>

* * *

Люблю глаза твои, мой друг¹⁸,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподынешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильней очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.

<1836>

* * *

Вчера, в мечтах обворожённых¹⁹,
С последним месяца лучом
На веждах, томно озаренных,
Ты поздним позабылась сном.

Утихло вокруг тебя молчанье,

¹⁸ Обращено к Эрнестине фон Дёрнберг.

¹⁹ Обращено к Эрнестине фон Дёрнберг.

И тень нахмурилась темней,
И груди ровное дыханье
Струилось в воздухе слышней...

Но сквозь воздушный завес окон
Недолго лился мрак ночной,
И твой, взвеваясь, сонный локон
Играл с незримою мечтой.

Вот тихоструйно, тиховейно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мгlisto-лилейно
Вдруг что-то по́рхнуло в окно.

Вот невидимкой пробежало
По темно-брезжущим коврам,
Вот, ухватясь за одеяло,
Взбираться стало по краям –

Вот, словно змейка извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента развеаясь,
Меж пологамы развилось...

Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным, громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих!

1836

29-ое января 1837

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он вышею рукою
В «цареубийцы» заклеямен.

Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
Назло людскому суесловью
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной кровью.

И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил –

И осененный опочил
 Хоругвью горести народной.
 Вражду твою пусть Тот рассудит,
 Кто слышит пролитую кровь...
 Тебя ж, как первую любовь,
 России сердце не забудет!..

*Июнь 1837
 Петербург*

1-ое декабря 1837

Так здесь-то суждено нам было
 Сказать последнее прости...
 Прости всему, чем сердце жило,
 Что, жизнь твою убив, ее испепелило
 В твоей измученной груди!..

Прости... Чрез много, много лет
 Ты будешь помнить с содроганьем
 Сей край, сей берег с его полуденным сияньем,
 Где вечный блеск и долгий цвет,
 Где поздних, бледных роз дыханьем
 Декабрьский воздух разогрет.

*Конец 1837
 Генуя*

* * *

С какою негою, с какой тоской влюбленной²⁰
 Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
 Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
 Небесной молнии огнем!

Вдруг от избытка чувств, от полноты сердечной,
 Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...
 Но скоро добрый сон, младенчески-беспечный,
 Сходил на шелк твоих ресниц –

И на руки к нему глава твоя склонялась,
 И, матери нежней, тебя лелеял он...
 Стон замирал в устах... дыханье уравнилось –
 И тих и сладок был твой сон.

А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
 Что будущность для нас обоих берегла...
 Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась,

²⁰ Обращено к Эрнестине фон Дёрнберг.

Иль в сон иной бы перешла.

1836 или конец 1837?

* * *

Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,
Я зрел тебя лицом к лицу –
И ты, как бог разоблаченный,
Доступен был мне, пришлецу?..
Давно ль – хотя без восхищенья,
Но новых чувств недаром полн –
И я заслушивался пеня
Великих Средиземных волн!

И песнь их, как во *время оно* ,
Полна гармонии была,
Когда из их родного лона
Киприда светлая всплыла...
Они все те же и поныне –
Все так же блещут и звучат;
По их лазоревой равнине
Святые призраки скользят.

Но я, я с вами распростился –
Я вновь на Север увлечен...
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон...
Здесь воздух колет. Снег обильный
На высотах и в глубине –
И холод, чародей всесильный,
Один здесь царствует вполне.

Но там, за этим царством вьюги,
Там, там, на рубеже земли,
На золотом, на светлом Юге,
Еще я вижу вас вдали:

Вы блещете еще прекрасней,
Еще лазурней и свежей –
И говор ваш еще согласней
Доходит до души моей!

Декабрь 1837 или январь 1838
Турин

Итальянская villa²¹

²¹ вилла (*итал.*).

И распротясь с тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь, –
Блаженной тенью, тенью элисейской,
Она заснула в добрый час.

И вот, уж века два тому иль боле,
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоле,
На волю неба предалась она.

Но небо здесь к земле так благосклонно!..
И много лет и теплых южных зим
Провеяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим.

По-прежнему в углу фонтан лепечет,
Под потолком гуляет ветерок,
И ласточка влетает и щебечет...
И спит она... и сон ее глубок!..

И мы вошли... все было так спокойно!
Так все от века мирно и темно!..
Фонтан журчал... Недвижимо и стройно
Соседний кипарис глядел в окно.

.....

Вдруг все смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал, –
Фонтан замолк – и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал.

Что это, друг? Иль злая жизнь не даром,
Та жизнь, – увы! – что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?

*Декабрь 1837
Генуя*

* * *

Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!
В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижною средою
Деля, не съединяет их?

Первая половина 1838

Весна

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран;
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, –
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Весна... она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею –
О том не ведает она:
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея;
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет;
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет, –
И страх кончины неизбежный
Не светит с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь –
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

1838

День и ночь

На мир таинственный духов,

Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День – сей блистательный покров –
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день – настала ночь;
Пришла – и с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!

<1839>

* * *

Не верь, не верь поэту, дева;
Его своим ты не зови –
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.

Поэт всемогущ, как стихия,
Не властен лишь в себе самом;
Невольно кудри молодые
Он обожжет своим венцом.

Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ...
Он не змиею сердце жалит,
Но, как пчела, его сосет.

Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком жизнь задушит
Иль унесет за облака.

<1839>

* * *

Живым сочувствием привета²²
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, Поэта!
Не искушай его мечты...

Всю жизнь в толпе людей затерян,
Порой доступен их страстям –
Поэт, я знаю, суеверен,
Но редко служит он властям.

Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,
Или стоит он перед ними
Смущен и гордо-боязлив.

Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины мелькнет,

И человеческим сознанием
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,
Изящно-дивные черты –

О, как в нем сердце пламенеет!
Как он восторжен, умилен –
Пушай служить он не умеет,
Боготворить умеет он...

Октябрь(?) 1840
Мюнхен

К Ганке

Вековать ли нам в разлуке?
Не пора ль очнуться нам
И простерть друг другу руки,
Нашим кровным и друзьям?..

Веки мы слепцами были,
И, как жалкие слепцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы...

А случалось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь, –
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь...

²² Обращено к дочери Николая I, великой княгине Марии Николаевне, с которой Ф. Тютчев встречался осенью 1840 г. на модном курорте Тегернзее, неподалеку от Мюнхена.

И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло:
Не одно погибло племя
Иль в чужбину отошло...

Иноверец, иноземец
Нас раздвинул, разломил:
Тех обезьязычил немец,
Этих – турок осрамил...

Вот среди сей ночи темной,
Здесь, на пражских высотах,
Доблий муж рукою скромной
Засветил маяк впотьмах –

О, какими вдруг лучами
Озарилась все края!..
Обличилась перед нами
Вся Славянская земля!

Горы, степи и поморья
День чудесный осиял,
От Невы до Черногорья,
От Карпатов за Урал...

Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвой Золотоглавой
Вышеград заговорил...

И наречий братских звуки
Вновь понятны стали нам, –
Наяву увидят внуки
То, что снилось отцам!

<Приписка>

Так взывал я, так гласил я.
Тридцать лет с тех пор ушло –
Все упорнее усилья,
Все назойливее зло.

Ты, стоящий днесь пред Богом,
Правды муж, святая тень,
Будь вся жизнь твоя залогом,
Что придет желанный день.

За твое же постоянство
В нескончаемой борьбе
Первый праздник *Всеславянства*
Приношеньем будь тебе!..

26 августа 1841; май 1867

Знамя и слово

В кровавую бурю, сквозь бранное пламя,
Предтеча спасенья – русское Знамя
К бессмертной победе тебя провело.
Так диво ль, что в память союза святого
За Знаменем русским и русское Слово
К тебе, как родное к родному, пришло?

25 июня 1842

* * *

От русского по прочтении отрывков из лекций г-на Мицкевича

Небесный царь, благослови
Твои благие начинанья –
Муж несомненного призванья,
Муж примиряющей любви...

Недаром ветхие одежды
Ты бодро с плеч своих совлек.
Бог победил – прозрели вежды.
Ты был Поэт – ты стал Пророк...

Мы чуем приближенье Света –
И вдохновенный твой Глагол,
Как вестник Нового завета,
Весь Мир Славянский обошел...

Мы чуем Свет – уж близко Время –
Последний сокрушен оплот, –
Воспрянь, разрозненное племя,
Совокупись в один Народ –

Воспрянь – не Польша, не Россия –
Воспрянь, Славянская Семья! –
И, отряхнувши сон, впервые –
Промолви слово: «Это я!» –

Ты ж, сверхъестественно умевший
В себе вражду уврачевать, –
Да над душою просветлевшей
Почиет Божья Благодать!

* * *

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.

Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех странах, где солнце греет,
Теперь на солнце пламенеет
Роскошный Генуи залив...

О Север, Север-Чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?

О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый Юг...

*21 ноября 1844
Петербург*

Колумб

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертеж земной ты выполнивший смело
И довершивший наконец
Судеб неконченное дело,
Ты завесу расторг божественной рукой –
И новый мир, неведомый, неожиданный,
Из беспредельности туманной
На Божий свет ты вынес за собой.

Так связан и сроднен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...
Скажи заветное он слово –
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.

1844

Море и утес

И бунтует и клокочет,
Хлещет, свищет и ревет,
И до звезд допрыгнуть хочет,
До незыблемых высот...
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огнь гееннский разложила –
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?

Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской
С ревом, свистом, визгом, воем
Бьет в утес береговой, –
Но спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданью современный,
Ты стоишь, наш великан!
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И струится мутной пеной
Обессиленный порыв...

Стой же ты, утес могучий!
Обожди лишь час, другой –
Надоест волне гремячей
Воевать с твоей пятой...
Утомясь потехой злою,
Присмирееет вновь она –
И без вою, и без бою
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна...

1848
Петербург

* * *

Не знаешь, что лестней для мудрости людской:
Иль вавилонский столп немецкого единства,
Или французского бесчинства
Республиканский хитрый строй?..

1848

Русская география

Москва и град Петров, и Константинов Град –
Вот царства Русского заветные Столицы...
Но где предел ему? и где его границы –

На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не пройдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

1848 или 1849

* * *

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой –
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

1848

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя –
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Все сердитей и смелей.

Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля,
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

6 июля 1849

По дороге из Москвы в Овстуг

* * *

Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые
И где теперь туманными очами,
При свете вечеряющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня.

О бедный призрак, немощный и смутный,
Забытого, загадочного счастья!
О, как теперь без веры и участия
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах,
Как брат меньшей, умерший в пеленах...

Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный
Был для души моей родимым краем –
Не здесь расцвел, не здесь был величаем
Великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил
Все, чем я жил и чем я дорожил...

13 июня 1849
Овстуг

* * *

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

23 июля 1849
Овстуг

* * *

Когда в кругу убийственных забот
Нам все мерзит – и жизнь, как камней гряда,
Лежит на нас, – вдруг, знает Бог откуда,
Нам на душу отрадное дохнет;
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.

Так иногда, осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее доли,
Вдруг ветер подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...

23 октября 1849
Петербург

* * *

По равнине вод лазурной
Шли мы верною стезей, –
Огнедышащий и бурный
Уносил нас змей морской.

С неба звезды нам светили,
Снизу искрилась волна,
И метелью влажной пыли
Обдавала нас она.

Мы на палубе сидели,
Многих сон одолевал –
Все звучней колеса пели,
Разгребая шумный вал...

Приутих наш круг веселый,
Женский говор, женский шум...
Подпирает локоть белый
Много милых, сонных дум.

Сны играют на просторе
Под магической луной –
И баюкает их море
Тихоструйною волной.

29 ноября 1849
Петербург

* * *

Вновь твои я вижу очи –
И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи
Вдруг рассеял сонный хлад...
Воскресает предо мною
Край иной – родимый край –
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай!..

Лавров стройных колыханье

Зыблет воздух голубой,
Моря тихое дыханье
Провекает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...

Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной,
Снова жадными очами
Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

1849

Русской женщине

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, –
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

1848 – 1849

* * *

Как дымный столп светлеет в вышине!
Как тень внизу скользит, неуловима!..
«Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, –
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

1848 или 1849

* * *

Слезы людские, о слезы людские,

Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, –
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.

*Осень 1849
Петербург*

* * *

Как он любил родные ели
Своей Савойи дорогой!²³
Как мелодически шумели
Их ветви над его главой...
Их мрак торжественно-угрюмый
И дикий, заунывный шум
Какою сладостною думой
Его обворожали ум!..

1849

* * *

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадней, день любезней
Как золотой покров она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.

На самого себя покинут он –
Упразднен ум, и мысль осиротела –
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь все светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнает наследье родовое.

Между 1848 и мартом 1850

Рассвет

Не в первый раз кричит петух;

²³ Французский поэт Ламартин родился в провинция Савойя. Стихотворение написано Тютчевым под впечатлением его автобиографической книги «Признания».

Кричит он живо, бодро, смело;
Уж месяц на небе потух,
Струя в Босфоре заалела.

Еще молчат колокола,
А уж восток заря румянит;
Ночь бесконечная прошла,
И скоро светлый день настанет.

Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?

Раздайся благовестный звон,
И весь Восток им огласися!
Тебя зовет и будит он, –
Вставай, мужайся, ополчися!

В доспехи веры грудь одень,
И с богом, исполин державный!..
О Русь, велик грядущий день,
Вселенский день и православный!

Ноябрь 1849

Наполеон

I

Сын Революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил – и изнемог в борьбе...
Не одолел ее твой гений самовластный!
Бой невозможный, труд напрасный!
Ты всю ее носил в самом себе...

II

Два демона ему служили,
Две силы чудно в нем слились:
В его главе – орлы парили,
В его груди – змии вились...
Ширококрылых вдохновений
Орлиный, дерзостный полет,
И в самом буйстве дерзновений
Змииной мудрости расчет.
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Души его не озарила
И не приблизилась к нему...

Он был земной, не божий пламень,
Он гордо плыл – презритель волн, –
Но о подводный веры камень
В щепы разбился утлый челн.

III

И ты стоял – перед тобой Россия!
И, вещий волхв, в предчувствии борьбы,
Ты сам слова промолвил роковые:
«Да сбудутся ее судьбы!..»
И не напрасно было заклинанье:
Судьбы откликнулись на голос твой!..
Но новую загадку в изгнанье
Ты возразил на отзыв роковой...

Года прошли – и вот, из ссылки тесной
На родину вернувшийся мертвец,
На берегах реки, тебе любезной,
Тревожный дух, почил ты наконец...
Но чуток сон – и по ночам, тоскуя,
Порою встав, ты смотришь на Восток,
И вдруг, смутясь, бежишь, как бы почуя
Передрассветный ветерок.

<1850>

Поэзия

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам –
Небесная к Земным Сынам,
С лазурной ясностью во взоре –
И на бунтующее Море
Льет примирительный елей.

1850

* * *

Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вины,
На главах венки измяты, –
Лишь курятся ароматы

В опустевшей светлой зале...
Кончив пир, мы поздно встали –
Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины...

Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами, –
Как над этим дольным чадом,
В горнем выпрленном пределе
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами...

1850

Рим ночью

В ночи лазурной почивает Рим...
Взошла луна и овладела им,
И спящий Град, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой...

Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший –
Все тот же мир, волшебный, но отживший!..

1850

Венеция

Дождь Венеции свободной
Средь лазоревых зыбей,
Как жених порфирородный,
Достославно, всенародно
Обручался ежегодно
С Адриатикой своей.

И недаром в эти воды
Он кольцо свое бросал:
Веки целые, не годы
(Дивовалися народы),
Чудный перстень воеводы
Их вязал и чаровал...

И Чета в любви и мире
Много славы нажила –
Века три или четыре,
Все могучее и шире,

Разрасталась в целом мире
Тень от *Львиного Крыла*.

А теперь?..
В волнах забвенья
Сколько брошенных колец!..
Миновались поколенья, –
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цепи наконец!..

1850

Близнецы

Есть близнецы – для земнородных
Два божества, – то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных –
Она угрюмей, кротче он...

Но есть других два близнеца –
И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней,
Ей предающего сердца...

Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворажают нас они.

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений –
Самоубийство и Любовь!

Не позднее начала 1852

Пророчество

Не гул молвы прошел в народе,
Весть родилась не в нашем роде –
То древний глас, то свыше глас:
«Четвертый век уж на исходе, –
Свершится он – и грянет час!

И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь».
Пади пред ним, о царь России, –
И встань как всеславянский царь!

1 марта 1850

* * *

Уж третий год беснуются языки,
Вот и весна – и с каждою весной,
Как в стае диких птиц перед грозой,
Тревожней шум, разноголосней крики.

В раздумье грустном князи и владыки
И держат вожжи трепетной рукой,
Подавлен ум зловещею тоской –
Мечты людей, как сны больного, дики.

Но с нами Бог! Сорвавшись со дна,
Вдруг, одурев, полна грозы и мрака,
Стремглав на нас рванулась глубина, –
Но твоего не помutilа зрака!..
Ветр свирепел – но... «*Да не будет тако!*» –
Ты рек, – и вспять отхлынула волна.

1850

* * *

Нет, карлик мой! трус беспримерный!..
Ты, как ни жмися, как ни трусь,
Своей душою маловерной
Не соблазнишь Святую Русь...

Иль, все святые упованья,
Все убежденья потребя,
Она от своего призванья
Вдруг отречется для тебя?..

Иль так ты дорог провиденью,
Так дружен с ним, так заодно,
Что, дорожа твоею ленью,
Вдруг остановится оно?..

Не верь в Святую Русь кто хочет,
Лишь верь она себе самой, –
И Бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.

То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех ее царей, –

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины

Уж прикрывал своим крылом, —

Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России —
Нет, вам ее не запрудить!..

1850

* * *

Тогда лишь в полном торжестве
В славянской мировой громаде
Строй вожделенный водворится,
Как с Русью Польша помирится, —
А помирятся ж эти две
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и в Цареграде...

Первая половина 1850

* * *

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему — то будет.

Живя, умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава Богу!

Начало июля 1850

* * *

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жаркой мостовой;

Кто смотрит вскользь — через ограду —
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,

Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не осенит.

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

Июль 1850

На Неве

И опять звезда играет
В легкой зыби невских волн,
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн.

И меж зыбью и звездой
Он скользит как бы во сне,
И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне...

Дети ль это праздной лени
Тратят здесь досуг ночной?
Иль блаженные две тени
Покидают мир земной?

Ты, разлитая как море,
Пышноструйная волна,
Приюти в твоём просторе
Тайну скромного челна!

*Июль 1850
Петербург*

* * *

Как ни дышит полдень знойный²⁴
В растворенное окно,
В этой храмине спокойной,
Где все тихо и темно,

Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,

²⁴ Первое стихотворение, посвященное Елене Александровне Денисьевой.

В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни...

Здесь фонтан неумимый
День и ночь поет в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу.

И в мерцанье полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта...

Июль 1850

* * *

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом –
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом.

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые
И уносит их поток.
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...

12 августа 1850

* * *

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участием умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч.

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

1850

Два голоса

1

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы – молчат и оне.

Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

2

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

1850

**Графине Е. П. Ростопчиной
(В ответ на ее письмо)**

Как под сугробом снежным лени,
Как околдованный зимой,
Каким-то сном усопшей тени
Я спал, зарытый, но живой!

И вот, я чую, надо мною,
Не наяву и не во сне,
Как бы повеяло весною,
Как бы запело о весне...

Знакомый голос... голос чудный...
То лирный звук, то женский вздох...
Но я, ленивец беспробудный,
Я вдруг откликнуться не мог...

Я спал в оковах тяжкой лени,
Под осьмимесячной зимой,
Как дремлют праведные тени
Во мгле стигийской роковой.

Но этот сон полумогильный
Как надо мной ни тяготел,
Он сам же, чародей всеильный,
Ко мне на помощь подоспел.

Приязни давней выраженья
Их для меня он уловил –
И в музыкальные виденья
Знакомый голос воплотил...

Вот вижу я, как бы сквозь дымки,
Волшебный сад, волшебный дом –
И в замке феи-*Нелюдимки*
Вдруг очутились мы вдвоем!..

Вдвоем! – И песнь ее звучала,
И от заветного крыльца
Гнала и буйного нахала,
Гнала и пошлого льстеца.

1850

Поминки (Из Шиллера)

Пала царственная Троя,
Сокрушен Приамов град,
И ахеяне, устроя
Свой на родину возврат,
На судах своих сидели,
Вдоль эгейских берегов,
И пэан хвалебный пели,
Громко славя всех богов...
«Раздавайся, глас победный!
Вы к брегам родной земли
Окрыляйтесь, корабли,
В путь возвратный,
в путь безбедный!»

И сидели в длинном строе –
Грустно-бледная семья –
Жены, девы падшей Трои,
Голося и слезы лья,
В горе общем и великом
Плача о себе самих,
И с победным, буйным кликом
Дико вопль сливался их...

«Ждет нас горькая неволя
Там, вдали, в стране чужой.
Ты прости, наш край родной!
Как завидна мертвых доля!»

И предстал перед святыней –
Приноситель жертв, Калхас,
Градозиждущей Палладе,
Градорушащей молясь,
Посейдона силе грозной,
Опоясавшего мир,
И тебе, эгидоносный
Зевс, сгущающий эфир!
«Опрокинут, уничтожен
Град великий Илион!
Долгий, долгий спор решен, –
Суд бессмертных непреложен».

Грозных полчищ воевода,
Царь царей, Атреев сын,
Обозрел толпы народа,
Уцелевший строй дружин.
И внезапною тоскою
Омрачился царский взгляд:
Много их пришло под Трью,
Мало их пойдет назад.
«Так возвысьте ж глас хвалебный!
Пой и радуйся стократ,
У кого золотой возврат
Не похитил рок враждебный!»

«Но не всем сужден от бога
Мирный, радостный возврат:
У домашнего порога
Многих Керы сторожат...
Жив и цел вернулся с бою –
Гибнет в храмине своей!..»
Рек, Афиной всеблагою
Вдохновенный Одиссей...
«Тот лишь дом и тверд и прочен,
Где семейный свят устав:
Легковерен женский нрав,
И изменчив, и порочен».

И супругой возвращенной,
Снова счастливый Атрид,
Пышный стан обвив рукою,
Страстный взор свой веселит.
«Злое злой конец приемлет!
За нечестьем казнь следит –
В небе суд богов не дремлет!
Право царствует Кронид...
Злой конец началу злomu!
Правоправящий Кронид

Вероломцу страшно мстит –
И семье его и дому».

«Хорошо любимцам счастья, –
Рек Аякса брат меньшей, –
Олимпийцев самовласть
Величать своей хвалой!..
Неподвластно высшей силе
Счастье в прихотях своих:
Друг Патрокл давно в могиле,
А Терсит еще в живых!..
Счастье жеребья сеет
Своевольною рукой.
Веселись и песни пой
Тот, кого светило греет!

Будь утешен, брат любимый!
Память вечная тебе!..
Ты – оплот несокрушимый
Чад ахейских в их борьбе!..
В день ужасный, в день кровавый
Ты один за всех стоял!
Но не сильный, а лукавый
Мзду великую стяжал...
Не врага рукой победной –
От руки ты пал своей...
Ах, и лучших из людей
Часто губит гнев зловерный!

И твоей теперь державной
Тени, доблестный Пелид,
Сын твой, Пирр, воитель славный,
Возлияние творит...»
«Как тебя, о мой родитель,
Никого, – он возгласил, –
Зевс, великий промыслитель,
На земле не возносил!
На земле, где все изменно,
Выше славы блага нет.
Нашу персть – земля возьмет,
Имя славное – нетленно».

«Хоть о падших, побежденных
И молчит победный клик,
Но и в родах отдаленных,
Гектор, будешь ты велик!..
Вечной памяти достоин, –
Сын Тидеев провещал, –
Кто как честный, храбрый воин,
Край отцов спасая, пал...
Честь тому, кто, не робея,
Жизнь за братий положил!
Победитель – победил,
Слава падшего святее!»

Старец Нестор днесь, маститый
Брашник, кубок взяв, встает
И сосуд, плющом обвитый,
Он Гекубе подает:
«Выпей, мать, струи целебной
И забудь весь свой урон!
Силен Вакха сок волшебный,
Дивно нас врачует он...
Мать, вкуси струи целебной
И забудь судеб закон.
Дивно нас врачует он,
Бога Вакха дар волшебный».

И Ниобы древней сила
Горем злым удручена,
Соку дивного вкусила –
И утешилась она.
«Лишь сверкнет в застольной чаше
Благодатное вино,
В Лету рухнет горе наше
И пойдет, как ключ, на дно.
Да, пока играет в чаше
Всемогущее вино,
Горе в Лету снесено,
В Лете тонет горе наше!»

И воздвиглась на прощанье
Провозвестница-жена,
И исполнилась вещанья
Вдохновенного она;
И пожарище родное
Обозрев в последний раз:
«Дым и пар – здесь все земное,
Вечность, боги, лишь у вас!
Как уходят клубы дыма,
Так уходят наши дни!
Боги, вечны вы одни, –
Все земное идет мимо!»

1850

* * *

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.

На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.

Все вместе – малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все – безразличны, как стихия, –
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

1851

* * *

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел – спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески-живой?

И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала

То, что в душе ее цело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

Начало 1851

* * *

Не знаю я, коснется ль благодать²⁵
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была –
Ты, ты, мое земное провиденье!..

Май 1851

Первый лист

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьям молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачную, как дым...

Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым, –
И вот живые эти грезы,
Под первым небом голубым,
Пробились вдруг на свет дневной...

О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа!..

²⁵ Обращено ко второй жене.

Май 1851

* * *

Не раз ты слышала признание²⁶:
«Не стою я любви твоей».
Пускай мое она создание –
Но как я беден перед ней...

Перед любовью твоею
Мне больно вспомнить о себе –
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюсь тебе...

Когда, порой, так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колени
Пред колыбелью дорогой,

Где спит *она* – твое рождение –
Твой безымянный херувим, –
Пойми ж и ты мое смирение
Пред сердцем любящим твоим.

1851
Петербург

Наш век

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры – но о ней *не просит*...

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

10 июля 1851
Москва

²⁶ Написано вскоре после рождения дочери Елены (род. 20 мая 1851 г.; ум. 2 мая 1865 г.).

Волна и дума

Дума за думой, волна за волной –
Два проявления стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь – в заключении, там – на просторе, –
Тот же все вечный прибой и отбой,
Тот же все призрак тревожно-пустой.

*14 июля 1851
Москва*

* * *

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я –
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.

И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою –
И самого себя, краснея, сознаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

Между июлем 1850 и серединой 1851

* * *

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землею
Небо, полное грозюю,
Все в зарницах трепетало...

Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались порою...

*14 июля 1851
По дороге из Москвы в Петербург*

* * *

В разлуке есть высокое значенье²⁷:

²⁷ Обращено к Эрнестине Федоровне.

Как ни люби, хоть день один, хоть век,
 Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,
 И рано ль, поздно ль пробужденье,
 А должен наконец проснуться человек...

6 августа 1851
 Петербург

* * *

(Из Гёте)

*Kennst du das Land?..*²⁸

Ты знаешь край, где мирт и лавр растет,
 Глубок и чист лазурный неба свод,
 Цветет лимон и апельсин златой
 Как жар горит под зеленью густой?..
 Ты был ли там? Туда, туда с тобой
 Хотела б я укрыться, милый мой.

Ты знаешь высь с стезей по крутизнам?
 Лошак бредет в тумане по снегам,
 В ущельях гор отродье змей живет,
 Гремит обвал и водопад ревет...
 Ты был ли там? Туда, туда с тобой
 Лежит наш путь – уйдем, властитель мой.

Ты знаешь дом на мраморных столпах?
 Сияет зал и купол весь в лучах;
 Глядят кумиры, молча и грустя:
 «Что, что с тобою, бедное дитя?..»
 Ты был ли там? Туда, туда с тобой
 Уйдем скорей, уйдем, родитель мой.

<Не позднее октября 1851>

* * *

День вечереет, ночь близка,
 Длинней с горы ложится тень,
 На небе гаснут облака...
 Уж поздно. Вечереет день.

Но мне не страшен мрак ночной,
 Не жаль скудеющего дня, –
 Лишь ты, волшебный призрак мой,
 Лишь ты не покидай меня!..

²⁸ Ты знаешь край?.. (нем.)

Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть, –
Но с страстной женскою душой!

1 ноября 1851

* * *

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаюсь меж собой, –
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

1851

* * *

Недаром милосердным Богом
Пугливой птичка создана –
Спасенья верного залогом
Ей робость чуткая дана.

И нет для бедной пташки проку
В свойстве с людьми, с семьей людской...
Чем ближе к ним, тем ближе к Року –
Несдобровать под их рукой...

Вот птичку девушка вскормила
От первых перышек, с гнезда,
Взлелеяла ее, взрастила
И не жалела, не щадила
Для ней ни ласки, ни труда.

Но как, с любовью тревожной,
Ты, дева, ни пеклась о ней,
Наступит день, день непреложный –
Питомец твой неосторожный
Погибнет от руки твоей...

1851

* * *

(Из Шиллера)

*Es lächelt der See...*²⁹

С озера веет прохлада и нега, –
Отрок заснул, убаюкан у берега.
Блаженные звуки
Он слышит во сне;
То ангелов лики
Поют в вышине.

И вот он очнулся от райского сна, –
Его, обнимая, ласкает волна,
И слышит он голос,
Как ропот струи:
«Приди, мой красавец,
В объятья мои!»

<1851>

Предопределение

Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души с душой родной –
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изнает наконец...

Начало 1850-х

* * *

²⁹ Смеется озеро... (нем.)

Я очи знал, – о, эти очи!
Как я любил их, – знает Бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.

И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волнения
И любоваться им без слез.

<1852>

* * *

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит...

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я –
Но эта жизнь!.. О, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

1852

* * *

Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

1852

* * *

*Mobile comme l'onde*³⁰.

Ты, волна моя морская,
Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!

Ты на солнце ли смеешься,
Отражая неба свод,
Иль мятешься ты и бьешься
В одичалой бездне вод, —

Сладок мне твой тихий шепот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещие твои.

Будь же ты в стихии бурной
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

Не кольцо, как дар заветный,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.

Нет — в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоём.

Апрель 1852

Памяти В. А. Жуковского

1

³⁰ Непостоянная, как волна (*франц.*).

Я видел вечер твой. Он был прекрасен!
В последний раз прощаясь с тобой,
Я любовался им: и тих, и ясен,
И весь насквозь проникнут теплотой...
О, как они и грели и сияли –
Твои, поэт, прощальные лучи...
А между тем заметно выступали
Уж звезды первые в его ночи...

2

В нем не было ни лжи, ни раздвоенья –
Он все в себе мирил и совмещал.
С каким радушием благоволенья
Он были мне Омировы читал...
Цветущие и радужные были
Младенческих первоначальных лет...
А звезды между тем на них сводили
Таинственный и сумрачный свой свет...

3

Поистине, как голубь, чист и цел
Он духом был; хоть мудрости змииной
Не презирал, понять ее умел,
Но веял в нем дух чисто голубиный.
И эту духовной чистотою
Он возмужал, окреп и просветлел.
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно пел...

4

И этот-то души высокий строй,
Создавший жизнь его, проникший лиру,
Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
Он завещал взволнованному миру...
Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?
Иль не про нас сказало божество:
«Лишь сердцем чистые, те узрят Бога!»

*Июнь (после 24-го) 1852
По дороге из Орла в Москву*

Сияет солнце, воды блещут,
 На всем улыбка, жизнь во всем.
 Деревья радостно трепещут,
 Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
 Любовью воздух растворен,
 И мир, цветущий мир природы,
 Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья³¹
 Нет упоения сильней
 Одной улыбки умиленья
 Измученной души твоей...

28 июля 1852
 Петербург

* * *

Чародейкою Зимою
 Околдован, лес стоит –
 И под снежной бахромою,
 Неподвижною, немою,
 Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, –
 Не мертвец и не живой –
 Сном волшебным очарован,
 Весь опутан, весь окован
 Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
 На него свой луч косой –
 В нем ничто не затрепещет,
 Он весь вспыхнет и заблещет
 Ослепительной красой.

31 декабря 1852
 Овстуг

Последняя любовь³²

О, как на склоне наших лет

³¹ В последней строфе – обращение к Е. А. Денисьевой.

³² Обращено к Е. А. Денисьевой.

Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, –
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

Не ранее второй половины 1852 (?) – не позднее 1854

Неман

Ты ль это, Неман величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лет, с такою славой,
России верный часовой?..
Один лишь раз, по воле бога,
Ты супостата к ней впустил –
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил...

Ты помнишь ли былое, Неман?
Тот день години роковой,
Когда стоял он над тобой,
Он сам – могучий южный демон,
И ты, как ныне, протекал,
Шумя под вражьими мостами,
И он струю твою ласкал
Своими чудными очами?..

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели –
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними
И двигал всем и все стерег
Очами чудными своими...

Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял *Другой* – стоял и ждал...
И мимо проходила рать –
Все грозно-боевые лица,
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать...

И так победно шли полки,
 Знамена гордо развевались,
 Струились молнией штыки,
 И барабаны заливались...
 Несметно было их число –
 И в этом бесконечном строе
 Едва ль десятое чело
 Клеймо минуло роковое...

5 – 7 сентября 1853

Спиритистическое предсказание

Дни настанут борьбы и торжества,
 Достигнет Русь завещанных границ,
 И будет старая Москва
Новейшею из трех ее столиц.

<Между ноябрем 1853 и апрелем 1854>

Лето 1854

Какое лето, что за лето!
 Да это просто колдовство –
 И как, прошу, далось нам это
 Так ни с того и ни с сего?..

Гляжу тревожными глазами
 На этот блеск, на этот свет...
 Не издеваются ль над нами?
 Откуда нам такой привет?..

Увы, не так ли молодая
 Улыбка женских уст и глаз,
 Не восхищая, не прельщая,
 Под старость лишь смущает нас.

*Лето 1854
 Петербург*

* * *

Увы, что нашего незнанья³³
 И беспомощней и грустней?
 Кто смеет молвить: до свиданья
 Через бездну двух или трех дней?

³³ Экспромт из французского письма к жене. К концу 1854 года Эрнестина Федоровна уже свободно читала и говорила по-русски, но семейная переписка, как и встарь, велась по-французски.

11 сентября 1854
Петербург

* * *

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...

Ложь воплотилась в булат;
Каким-то божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье, –
Ты – лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещение!

О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом...

24 октября 1854

На новый 1855 год

Стоим мы слепо пред Судьбою.
Не нам сорвать с нее покров...
Я не свое тебе открою,
А бред пророческий духов...

Еще нам далеко до цели,
Гроза ревет, гроза растет, –
И вот – в железной колыбели,
В громах родился Новый год...

Черты его ужасно строги,
Кровь на руках и на челе...
Но не одни войны тревоги
Принес он людям на земле!

Не просто будет он воитель,
Но исполнитель Божьих кар, –

Он совершит, как поздний мститель,
Давно задуманный удар...

Для битв он послан и расправы,
С собой принес он два меча:
Один – сражений меч кровавый,
Другой – секиру палача.

Но для кого?.. Одна ли выя,
Народ ли целый обречен?..
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон...

*Конец 1854 или начало 1855
Петербург*

По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая

Нет, мера есть долготерпенью,
Бесстыдству также мера есть!..
Клянусь его священной тенью,
Не все же можно перенести!

И как не грянет отовсюду
Один всеобщий клич тоски:
Прочь, прочь австрийского Иуду
От гробовой его доски!

Прочь с их предательским лобзаньем,
И весь апостольский их род
Будь заклеямен одним прозваньем:
Искарот, Искарот!

1 марта 1855

* * *

Пламя рдеет, пламя пышет,
Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит
Из-за речки темный сад.
Сумрак тут, там жар и крики,
Я брожу как бы во сне, –
Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мне.

Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.

Я, дыханьем их обвеян,
Страстный говор твой ловлю...
Слава Богу, я с тобою,
А с тобой мне – как в раю.

10 июля 1855
Петербург

* * *

Так, в жизни есть мгновения –
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать.
Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Все пошное и ложное
Ушло так далеко,
Все мило-невозможное,
Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я –
О время, погоди!

<Июль 1855>

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты Русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

13 августа 1855

* * *

Вот от моря и до моря
Нить железная бежит,
Много славы, много горя
Эта нить порой вестит.

И, за ней следя глазами,
Путник видит, как порой
Птицы вещие садятся
Вдоль по нити вестовой.

Вот с поляны ворон черный
Прилетел и сел на ней,
Сел и каркнул, и крылами
Замахал он веселей.

И кричит он, и ликует,
И кружится все над ней:
Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?

13 августа 1855

* * *

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, –
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не *царь*, а *лицедей* ³⁴.

1855

Гр. Ростопчиной

О, в эти дни – дни роковые,
Дни испытаний и утрат
Отраден будь для ней возврат
В места, душе ее родные!

Пусть добрый, благосклонный гений
Скорей ведет навстречу к ней
И горсть живых еще друзей,
И столько милых, милых теней!

16 октября 1855

* * *

³⁴ «Не царь, а лицедей» – Николай I.

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты – жилица двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение – духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

<Из Микеланджело>

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать – удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть.

1855

* * *

Тому, кто с верой и любовью
Служил земле своей родной –
Служил ей мыслию и кровью,
Служил ей словом и душой,
И кто – недаром – Провиденьем,
На многотрудном их пути,
Поставлен новым поколениям
В благонадежные вожди...

4 января 1856

* * *

Все, что сберечь мне удалось³⁵,
Надежды, веры и любви,
В одну молитву все слилось:
Переживи, переживи!

³⁵ Обращено к Эрнестине Федоровне. Написано в день ее рождения.

8 апреля 1857
Петербург

Н. Ф. Щербине

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Пред идеалом красоты...

Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговой,
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.

4 февраля 1857

* * *

(Из Шиллера)

С временщиком Фортуна в споре
К убогой Мудрости летит:
«Сестра, дай руку мне – и горе
Твоя мне дружба облегчит.

Дарами лучшими моими
Его осыпала, как мать, –
И что ж? Ничем не насытимый,
Меня скупой он смел назвать!..

София, верь мне, будем дружны!
Смотри: вот горы серебра –
Кинь заступ твой, теперь ненужный, –
С нас будет, милая сестра». –

«Лети! – ей Мудрость отвечала. –
Не слышишь? Друг твой жизнь клянет –
Спаси безумца от кинжала,
А мне в Фортуне нужды нет...»

1857 <до 2 апреля>

* * *

Прекрасный день его на Западе исчез,
Полнеба обхватив бессмертною зарею,
А он из глубины полуночных небес –
Он сам глядит на нас пророческой звездою.

11 апреля 1857

* * *

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растрепанье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, –
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

15 августа 1857

Овстуг

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора –
Прозрачный воздух, день хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все – простор везде, –
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь –
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

22 августа 1857

По дороге из Овстуга в Москву

* * *

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какою негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдем и сядем над корнями
Дерев, поимых родником, –
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

Конец августа 1857

По дороге из Овстуга в Москву

* * *

Когда *осьмнадцать* лет твои
И для тебя уж будут сновиденьем, –
С любовью, с тихим умиленьем
И их и нас ты помяни...

23 февраля 1858

* * *

В часы, когда бывает³⁶
Так тяжело на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди;

Без сил и без движенья,
Мы так удручены,
Что даже утешенья
Друзей нам не смешны, –

Вдруг солнца луч приветный
Войдет украдкой к нам
И брызнет искрометной
Струю по стенам;

И с тверди благосклонной,
С лазуревых высот
Вдруг воздух благовонный
В окно на нас пахнет...

Уроков и советов
Они нам не несут,
И от судьбы наветов
Они нас не спасут.

³⁶ Стихотворение посвящено жене, так же как написанное одновременно с ним «Она сидела на полу...».

Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать,
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать...

Так мило-благодатна,
Воздушна и светла,
Душе моей стократно
Любовь твоя была.

<Апрель 1858>

* * *

Она сидела на полу
И груды писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратимо пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, –
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

<Апрель 1858>

Успокоение

Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело, –

Пойдем и бросим беглый взгляд
Туда, по склону вод,
Куда стремглав струи спешат,
Куда поток несет.

Одна другой наперерыв
Спешат, бегут струи
На чей-то роковой призыв,

Им слышимый вдали...

За ними тщетно мы следим
Им не вернуться вспять...
Но чем мы долее глядим
Тем легче нам дышать...

И слезы брызнули из глаз
И видим мы сквозь слез,
Как все, волнуясь и клубясь,
Быстрее понеслось...

Душа впадает в забытье,
И чувствует она,
Что вот уносит и ее
Всесильная волна.

15 августа 1858

* * *

Осенней позднею порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою
Как бы дремотою объят,
И белокрылые виденья,
На тусклом озера стекле,
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...

И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров –
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...

22 октября 1855
Царское Село

На возвратном пути

I

Грустный вид и грустный час –
Дальний путь торопит нас...
Вот, как призрак гробовой,
Месяц встал – и из тумана
Осветил безлюдный край...

Путь далек – не унывай...

Ах, и в этот самый час,
Там, где нет теперь уж нас,
Тот же месяц, но живой,
Дышит в зеркале Лемана...
Чудный вид и чудный край –
Путь далек – не вспоминай...

II

Родной ландшафт... Под дымчатым навесом
Огромной тучи снеговой
Синеет даль – с ее угрюмым лесом,
Окутанным осенней мглой...
Все голо так – и пусто-необъятно
В однообразии немом...
Местами лишь просвечивают пятна
Стоячих вод, покрытых первым льдом.

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья –
Жизнь отошла – и, покорясь судьбе,
В каком-то забытии изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.
Как свет дневной, его тускнеют взоры,
Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
В лазурные глядятся озера...

Конец октября 1859

По дороге из Кенигсберга в Петербург

* * *

Есть много мелких, безымянных
Созвездий в горней вышине,
Для наших слабых глаз, туманных,
Недосягаемы оне...

И как они бы ни светили,
Не нам о блеске их судить,
Лишь телескопа дивной силе
Они доступны, может быть.

Но есть созвездия иные,
От них иные и лучи:
Как солнца пламенно-живые,
Они сияют нам в ночи.

Их бодрый, радующий души,

Свет путеводный, свет благой
Везде, и в море и на суше,
Везде мы видим пред собой.

Для мира дальнего отрада,
Они – краса небес родных,
Для *этих звезд* очков не надо,
И близорукий видит их...

20 декабря 1859

Декабрьское утро

На небо месяц – и ночная
Еще не тронулася тень,
Царит себе, не сознавая,
Что вот уж встрепенулся день, –

Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.

Но не пройдет двух-трех мгновений,
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной...

Декабрь 1859
Петербург

Е. Н. Анненковой³⁷

И в нашей жизни повседневной
Бывают радужные сны,
В край незнакомый, в мир волшебный,
И чуждый нам и задушевный,
Мы ими вдруг увлечены.

Мы видим: с голубого свода
Нездешним светом веет нам,
Другую видим мы природу,
И без заката, без восходу
Другое солнце светит там...

Все лучше там, светлее, шире,

³⁷ Елизавета Николаевна Анненкова, дочь светских знакомых Эрнестины Федоровны, увлеклась стихами Тютчева, случайно увидев в Венеции, будучи в гостях, его тоненький сборник. О впечатлении, какое произвели на юную девушку стихи, госпоже Тютчевой сообщила ее мать. Эрнестины передала слова приятельницы мужу, а тот ответил – стихами.

Так от земного далеко...
 Так разно с тем, что в нашем мире, –
 И в чистом пламенном эфире
 Душе так родственно-легко.

Проснулись мы, – конец виденью,
 Его ничем не удержать,
 И тусклой, неподвижной тенью,
 Вновь обреченных заключенью,
 Жизнь обхватила нас опять.

Но долго звук неуловимый
 Звучит над нами в вышине,
 И пред душой, тоской томимой,
 Все тот же взор неотразимый,
 Все та ж улыбка, что во сне.

1859

* * *

Куда сомнителен мне твой,
 Святая Русь, прогресс житейский!
 Была крестьянской ты избой –
 Теперь ты сделалась лакейской.

<50-е гг.>

Memento³⁸
Vevey 1859 – Genève 1860

Ее последние я помню взоры
 На этот край – на озеро и горы,
 В роскошной славе западных лучей, –
 Как сквозь туман болезни многотрудной,
 Она порой ловила призрак чудный,
 Весь этот мир был так сочувствен ей...

Как эти горы, волны и светила
 И в смутных очерках она любила
 Своею чуткой, любящей душой –
 И под грозой, уж близкой, разрушенья
 Какие в ней бывали умиленья
 Пред этой жизнью вечно молодой...

Светились Альпы, озеро дышало –
 И тут же нам, сквозь слез, понятно стало,
 Что чья душа так царственно светла,

Кто до конца сберег ее – живую –
И в страшную минуту роковую
Все той же будет, чем была...

<Конец октября> 1860

* * *

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Дрожит воздушная струя, –
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как все удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам, –
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных Ангелов нога...

*Октябрь 1860
Женева*

На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского

У Музы есть различные пристрастья,
Дары ее даются не равно;
Стократ она божественнее счастья,
Но своенравна, как оно.

Иных она лишь на заре лелеет,
Целует шелк их кудрей молодых,
Но ветерок чуть жарче лишь повеет –
И с первым сном она бежит от них.

Тем у ручья, на луговине тайной,
Нежданная, является порой,
Порадует улыбкою случайной,
Но после первой встречи нет второй!

Не то от ней присуждено вам было:
Вас юношей настигнув в добрый час,
Она в душе вас крепко полюбила
И долго всматривалась в вас.

Досужая, она не мимоходом

Пеклась о вас, ласкала, берегла,
Растила ваш талант, и с каждым годом
Любовь ее нежнее все была.

И как с годами крепнет, пламенея,
Сок благородный виноградных лоз, —
И в кубок ваш все жарче и светлее
Так вдохновение лилось.

И никогда таким вином, как ныне,
Ваш славный кубок венчан не бывал.
Давайте ж, князь, подыдем в честь богине
Ваш полный, пенистый фиал!

Богине в честь, хранящей благородно
Залог всего, что свято для души,
Родную речь... расти она свободно
И подвиг свой великий доверши!

Потом мы все, в молитвенном молчанье
Священные поминки сотворим,
Мы сотворим тройное возлиянье
Трем незабвенно-дорогим.

Нет отклика на голос, их зовущий,
Но в светлый праздник ваших именин
Кому ж они не близки, не присущи —
Жуковский, Пушкин, Карамзин!..

Так верим мы, незримыми гостями
Теперь они, покинув горный мир,
Сочувственно витают между нами
И освящают этот пир.

За ними, князь, во имя Музы вашей,
Подносим вам заздравное вино,
И долго-долго в этой светлой чаше
Пускай кипит и искрится оно!..

Около 25 февраля 1861

Александрю Второму

Ты взял свой день... Замеченный от века
Великою господней благодатью —
Он рабский образ сдвинул с человека
И возвратил семье — меньшую братью...

25 марта 1861

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...

И все еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорасветной темноты,
Когда, незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела,
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.

*27 марта 1861
Петербург*

* * *

Недаром русские ты с детства помнил звуки
И их сберег в себе сочувствием живым –
Теперь для двух миров, на высоте науки,
Посредником стоишь ты мировым...

<Март 1861>

Князю П. А. Вяземскому

Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тесный круг друзей –
Сама великая природа
Ваш торжествует юбилей...

Смотрите, на каком просторе
Она устроила свой пир –
Весь этот берег, это море,
Весь этот чудный летний мир...

Смотрите, как, облитый светом,
Ступив на крайнюю ступень,
С своим прощается поэтом
Великолепный этот день...

Фонтаны плещут тиховейно,
Прохладой сонной дышит сад –
И так над вами юбилейно
Петровы липы здесь шумят...

12 июля 1861

* * *

Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь;
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты – Жизнь, призванная к бою,
Ты – Сердце, жаждущее бурь.

Как часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу,
И взор туманится слезами...
Зачем? Что общего меж нами?
Ты жить идешь – я ухожу.

Я слышал утренние грезы
И первый малый лепет Дня –
Но поздние, живые грозы,
Но взрыв страстей, но страсти слезы, –
Нет, это все не для меня!

Но, может быть, под зноем лета
Ты вспомнишь о своей Весне...
О, вспомни и про время это,
Как про забытый – до рассвета
Мелькнувший призрак в первом сне.

25 июля 1861
Петербург

При посылке Нового Завета³⁹

Не легкий жребий, не отрадный,
Был вынут для тебя судьбой,
И рано с жизнью беспощадной
Вступила ты в неравный бой.

Ты билась с мужеством немногих,
И в этом роковом бою
Из испытаний самых строгих
Всю душу вынесла свою.

Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила

³⁹ Обращено к старшей дочери от первого брака Анне. Нелегкий жребий – раннее сиротство и вынужденная придворная служба. В течение тринадцати лет, до брака с Иваном Аксаковым (1866), Анна Федоровна была фрейлиной Марии Александровны, супруги Александра Николаевича, до 1856-го – великого князя, затем императора Александра Второго.

Ни правде сердца, ни себе.

Но скудны все земные силы:
 Расвирепеет жизни зло –
 И нам, как на краю могилы,
 Вдруг станет страшно тяжело.

Вот в эти-то часы с любовью
 О книге сей ты вспомяни –
 И всей душой, как к изголовью,
 К ней припади и отдохни.

1861

* * *

Он прежде мирный был казак,
 Теперь он попечитель дикий;
 Филиппов сын – положим, так,
 А все не Александр Великий.

<1861>

А. А. Фету

<1>

Тебе сердечный мой поклон
 И мой, каков ни есть, портрет,
 И пусть, сочувственный поэт,
 Тебе хоть молча скажет он,
 Как дорог был мне твой привет,
 Как им в душе я умилен.

14 апреля 1862

<2>

Иным достался от природы⁴⁰
 Инстинкт пророчески-слепой –
 Они им чуют-слышат воды
 И в темной глубине земной...

Великой Матерью любимый,
 Стократ завидней твой удел –
 Не раз под оболочкой зримой
 Ты самое ее узрел...

⁴⁰ Посвящено Афанасию Фету.

14 апреля 1862

* * *

Затею этого рассказа
Определить мы можем так:
То грязный русский наш кабак
Придвинут к высотам Кавказа.

<Февраль 1863>

* * *

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.

Осьмой уж месяц длятся эти битвы,
Геройский пыл, предательство и ложь,
Притон разбойничий в доме молитвы,
В одной руке распятие и нож.

И целый мир, как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла!..
Нет, никогда так дерзко правду Божью
Людская кривда к бою не звала!..

И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова –
Все поднялось и все грозит тебе,

О край родной! – такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

Начало августа 1863

Его светлости князю А. А. Суворову

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь!..

Как извинить пред вами эту смелость?

Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему, –

Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе,
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе, –

Кто, избранный для всех крамол мишенью
Стал и стоит, спокоен, невредим,
Назло врагам, их лжи и озлобленье,
Назло, увы, и пошлостям родным.

Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей.

12 ноября 1863

* * *

Как летней иногда порою
Вдруг птичка в комнату влетит
И жизнь и свет внесет с собою,
Все огласит и озарит;

Весь мир, цветущий мир природы,
В наш угол вносит за собой –
Зеленый лес, живые воды
И отблеск неба голубой, –

Так мимолетной и воздушной
Явилась гостьей к нам она,
В наш мир и чопорный и душный,
И пробудила всех от сна.

Ее присутствием согрета,
Жизнь встрепенулася живей,
И даже питерское лето
Чуть не оттаяло при ней.

При ней и старость молодеда,
И опыт стал учеником,
Она вертела, как хотела,
Дипломатическим клубком.

И самый дом наш будто ожил,
Ее жилищею избрав,
И нас уж менее тревожил
Неугомонный телеграф.

Но кратки все очарованья,
Им не дано у нас гостить,
И вот сошлись мы для прощанья, —
Но долго, долго не забыть

Нежданно-милых впечатлений,
Те ямки розовых ланит,
Ту негу стройную движений
И стан, оправленный в магнит,

Радужный смех и звучный голос,
Полулукавый свет очей
И этот длинный, тонкий волос,
Едва доступный пальцам фей.

1863

Н. И. Кролю

Сентябрь холодный бушевал,
С деревьев ржавый лист валился,
День потухающий дымился,
Сходила ночь, туман вставал.

И все для сердца и для глаз
Так было холодно-бесцветно,
Так было грустно-безответно, —
Но чья-то песнь вдруг раздалась...

И вот, каким-то обаяньем,
Туман, свернувшись, улетел,
Небесный свод поголубел
И вновь подернулся сияньем...

И все опять зазеленело,
Все обратилось к весне...
И эта греза снилась мне,
Пока мне птичка выше пела.

<1863>

19-ое февраля 1864

И тихими последними шагами
Он подошел к окну. День вечерел,
И чистыми, как благодать, лучами
На западе светился и горел.
И вспомнил он годину обновленья —
Великий день, новозаветный день, —
И на лице его от умиленья
Предсмертная вдруг озарилась тень.

Два образа, заветные, родные,
Что как святыню в сердце он носил,
Предстали перед ним – царь и Россия,
И от души он их благословил.
Потом главой припал он к изголовью,
Последняя свершалась борьба, –
И сам спаситель отпустил с любовью
Послушного и верного раба.

19 февраля 1864

* * *

Не все душе болезненное снится:
Пришла весна – и небо прояснится.

12 апреля 1864

* * *

Утихла биза... Легче дышит
Лазурный сонм Женевских вод –
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.

Весь день, как летом, солнце греет,
Деревья блещут пестротой,
И воздух ласковой волной
Их пышность ветхую лелеет.

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая гора,
Как откровенье неземное.

Здесь сердце так бы все забыло,
Забыло б муку всю свою,
Когда бы там – в родном краю –
Одной могилой меньше было...

11 октября 1864
Женева

* * *

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь – его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала – увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как все это я любила!»

.....

Любила ты, и так, как ты, любить –
Нет, никому еще не удавалось!
О Господи!.. и это *пережить* ...
И сердце на клочки не разорвалось...

Октябрь – декабрь (до 13) 1864

Ницца

<Императрице Марии Александровне>

<1>

Кто б ни был ты, но, встреться с ней,
Душою чистой иль греховной
Ты вдруг почувствуешь живей,
Что есть мир лучший, мир духовный.

<Ноябрь> 1864

<2>

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней –
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ее очей.

Земное ль в ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...

Ноябрь 1864

Ницца

* * *

О, этот юг, о, эта Ницца!..

О, как их блеск меня тревожит!
 Жизнь, как подстреленная птица,
 Подняться хочет – и не может...
 Нет ни полета, ни размаху –
 Висят поломанные крылья,
 И вся она, прижавшись к праху,
 Дрожит от боли и бессилья...

21 ноября 1864
 Ницца

Encyclica⁴¹

Был день, когда господней правды молот
 Громил, дробил ветхозаветный храм
 И, собственным мечом своим заколот,
 В нем издыхал первосвященник сам.

Еще страшней, еще неумолимей
 И в наши дни – дни Божьего суда –
 Свершится казнь в отступническом Риме
 Над лженаместником Христа.

Столетия шли, ему прощалось много,
 Кривые толки, темные дела,
 Но не простится правдой Бога
 Его последняя хула...

Не от меча погибнет он земного,
 Мечом земным владевший столько лет,
 Его погубит роковое слово:
 «Свобода совести есть бред!»

21 декабря 1864

Князю Горчакову

Вам выпало призванье роковое,
 Но тот, кто призвал вас, и соблюдет.
 Все лучшее в России, все живое
 Глядит на вас, и верит вам, и ждет.

Обманутой, обиженной России
 Вы честь спасли, – и выше нет заслуг;
 Днесь подвиги вам предстоят иные:
 Отстойте мысль ее, спасите дух...

1864

⁴¹ Энциклика (лат.), т. е. Папское послание.

* * *

Когда на то нет Божьего согласия,
Как ни страдай она, любя, —
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!

Он милосердный, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.

11 января 1865
Ницца

* * *

Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движение, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...

Январь 1865
Ницца

Ответ на адрес

Себя, друзья, морочите вы грубо —
Велик с Россией ваш разлад.

Куда вам в члены Английских палат?
Вы просто члены *Английского клуба*...

<Вторая половина января 1865>

* * *

Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг все замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, все пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу –
Разбитый челн, брошенный волною,
На безымянном диком берегу.

О Господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял *ее*, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, –

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе;

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить;
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

Конец марта (после 26-го) 1865

Петербург

* * *

Он, умирая, сомневался,
Зловещей думою томим...
Но Бог недаром в нем сказался –
Бог верен избранным Своим...

Сто лет прошло в труде и горе –
И вот, мужая с каждым днем,
Родная Речь уж на просторе
Поминки празднует по нем...

Уж не опутанная боле,
От прежних уз отрешена,
На всей своей разумной воле
Его приветствует она...

И мы, признательные внуки,
Его всем подвигам благим
Во имя Правды и Науки
Здесь *память вечную* гласим.

Да, велико его значенье –
Он, верный Русскому уму,
Завоевал нам Просвещение,
Не нас поработил ему –

Как тот борец ветхозаветный,
Который с Силой неземной
Боролся до звезды рассветной
И устоял в борьбе ночной.

<Начало апреля 1865>

* * *

Сын царский умирает в Ницце –
И из него нам строят ков...
«То казнь отцу за поляков», –
Вот, что мы слышим здесь, в столице...

Из чьих понятий диких, узких,
То слово вырваться могло б?...
Кто говорит так: польский поп,
Или министр какой из русских?

О эти толки роковые,
Преступный лепет и шальной
Всех выродков земли родной,
Да не услышит... Да не грянет.

И отповедью – да не грянет
Тот страшный клич, что в старину:
«Везде измена – царь в плену!» –
И Русь спастись его не встанет.

8 – 11 апреля 1865

12-ое Апреля 1865

Все решено, и он спокоен,
Он, претерпевший до конца, –
Знать, он пред Богом был достоин
Другого, лучшего венца –

Другого, лучшего наследства,
Наследства Бога своего, –
Он, наша радость с малолетства,
Он был не наш, он был Его...

Но между ним и между нами
Есть связи естества сильней:
Со всеми русскими сердцами
Теперь он молится о ней, –

О ней, чью горечь испытанья
Поймет, измерит только та,
Кто, освятив собой страданья,
Стояла, плача, у креста...

12 апреля 1865

* * *

*Est in arundineis modulatio musica ripis*⁴².

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, –
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

11 мая 1865
Петербург

Другу моему Я. П. Полонскому

Нет боле искр живых на голос твой приветный –
Во мне глухая ночь, и нет для ней утра...

⁴² Есть музыкальная стройность в прибрежных тростниках (лат.).

И скоро улетит – во мраке незаметный –
Последний, скудный дым с потухшего костра.

*30 мая 1865
Петербург*

* * *

Велели вы – хоть, может быть, и в шутку –
Я исполняю ваш приказ.
Тут места нет раздумью, ни рассудку,
И даже мудрость без ума от вас, –

И даже он – ваш дядя достославный –
Хоть всю Европу переспорить мог,
Но уступил и он в борьбе неравной
И присмирел у ваших ног...

5 июня 1865

Князю Вяземскому

Есть телеграф за неимением ног,
Неси он к вам мой стих полубольной.
Да сохранит вас милосердый бог
От всяких дрязг, волнений и тревог,
И от бессонницы ночной.

28 июня 1865

* * *

Бедный Лазарь, Ир убогой,
И с усилием, и с тревогой
К вам пишу, с одра привстав,
И привет мой хромоногой
Окрылит пусть телеграф.

Пусть умчит его, играя,
В дивный, светлый угол тот,
Где весь день, не умолкая,
Словно буря дождевая
В купах зелени поет.

29 июня 1865

15 июля 1865

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло

С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без упрёку,
Утратив все, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своем гробу.

15 июля 1865

Петербург

* * *

Молчит сомнительно Восток,
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сон иль ожиданье,
И близок день или далек?
Чуть-чуть белеет темя гор,
Еще в тумане лес и доли,
Спят города и дремлют селы,
Но к небу подымите взор...

Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдея,
Она все ярче, все живее –
Вся разгорается она –
Еще минута, и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей.

<25 или 29> июля 1865

Накануне годовщины 4 августа 1864 г.⁴³

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Все темней, темнее над землею –
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...

⁴³ 4 августа 1864 г. – день смерти Е. А. Денисьевой.

Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

3 августа 1865

По дороге из Москвы в Овстуг

* * *

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла –
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его – лови скорей!
Смотри – оно уж побледнело,
Еще минута, две – и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

5 августа 1865

Рославль

* * *

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять все потемнело,
Все стихло в чуткой темноте –
Как бы таинственное дело
Решалось там – на высоте.

18 августа 1865

Овстуг

23 ноября 1865

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем, —

Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронен на дне морском.

23 ноября 1865

* * *

Как ни бесилося злоречье,
Как ни трудилось над ней,
Но этих глаз чистосердечье —
Оно всех демонов сильней.

Все в ней так искренно и мило,
Так все движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.

К ней и пылинка не пристала
От глупых сплетней, злых речей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелк ее кудрей.

21 декабря 1865
Петербург

Графине А. Д. Блудовой

Как жизнь ни сделалась скуднее,
Как ни пришлось нам уяснить
То, что нам с каждым днем яснее,
Что *пережить* — не значит *жить*, —

Во имя милого былого,
Во имя вашего отца
Дадим же мы друг другу слово:
Не изменяться до конца.

1 марта 1866

* * *

Так! Он спасен – иначе быть не может!
И чувство радости по Руси разлилось...
Но посреди молитв, средь благодарных слез,
Мысль неотступная невольно сердце гложет:

Все этим выстрелом, все в нас оскорблено!
И оскорблению как будто нет исхода:
Легло, увы! легло позорное пятно
На всю историю Российского народа!

4 апреля 1866

* * *

Когда сочувственно на наше слово
Одна душа отозвалась –
Не нужно нам возмездия иного,
Довольно с нас, довольно с нас...

12 апреля 1866

Князю Суворову

Два разнородные стремленья
В себе соединяешь ты:
Юродство без душеспасенья
И шутовство без остроты.

Сама природа, зная, хотела
Тебя устроить и обречь
На безответственное дело,
На безнаказанную речь.

Апрель 1866

* * *

И в Божьем мире то ж бывает,
И в мае снег идет порой,
А все ж Весна не унывает
И говорит: «Черед за мной!..»

Бессильна, как она ни злился,
Несвоевременная дурь, –
Метели, вьюги улеглись,
Уж близко время *летних* бурь.

11 мая 1866

* * *

Когда расстроенный кредит
Не бьется кое-как,
А просто на мели сидит,
Сидит себе как рак, –
Кто ж тут спасет, кто пособит?
Ну кто ж, коль не моряк.

3 июня 1866

* * *

Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достопавностей бывших.
Жизнь играет, солнце греет,
Но под нею и под ним
Здесь бывое чудно веет
Обаянием своим.

Солнце светит золотое,
Блещут озера струи...
Здесь великое бывое
Словно дышит в забвении;
Дремлет сладко, беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолетной
Лебединых голосов...

*Июль 1866
Царское Село*

* * *

На гробовой его покров...
Мы, вместо всех венков, кладем слова простые:
Не много было б у него врагов,
Когда бы не твои, Россия.

2 сентября 1866

* * *

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, –

Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;

От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;

От желчи горького сознания,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;

Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор, —
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

*Начало сентября 1866
Петербург*

* * *

Небо бледно-голубое
Дышит светом и теплом
И приветствует Петрополь
Небывалым сентябрем.

Воздух, полный теплой влаги,
Зелень свежую поит
И торжественные флаги
Тихим веяньем струит.

Блеск горячий солнце сеет
Вдоль по невской глубине —
Югом блещет, югом веет,
И живется как во сне.

Все привольней, все приветней
Умалющийся день, —
И согрета негой летней
Вечеров осенних тень.

Ночью тихо пламенеют
Разноцветные огни...
Очарованные ночи,
Очарованные дни.

Словно строгий чин природы
Уступил права свои

Духу жизни и свободы,
Вдохновениям любви.

Словно, ввек ненарушимый,
Был нарушен вечный строй
И любившей и любимой
Человеческой душой.

В этом ласковом сиянье,
В этом небе голубом
Есть улыбка, есть сознание,
Есть сочувственный прием.

И святое умиление
С благодатью чистых слез
К нам сошло как откровение
И во всем отозвалось...

Небывалое доселе
Понял вещей наш народ,
И *Дагмарина* неделя
Перейдет из рода в род.

17 сентября 1866

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

28 ноября 1866
Петербург

На юбилей Н. М. Карамзина

Великий день Карамзина
Мы, поминая братской тризной,
Что скажем здесь перед отчизной,
На что б откликнулась она?

Какой хвалой благоговейной,
Каким сочувствием живым
Мы этот славный день почтим –
Народный праздник и семейный?

Какой пошлем тебе привет –
Тебе, наш добрый, чистый гений,
Средь колебаний и сомнений
Многотревожных этих лет?

При этой смеси безобразной
Бессильной правды, дерзкой лжи,
Так ненавистной для души
Высокой и ко благу страстной, –

Души, какой твоя была,
Как здесь она еще боролась,
Но на призывный божий голос
Неудержимо к цели шла?

Мы скажем: будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой –
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный,

Умевший все совокупить
В ненарушимом, полном строе,
Все человечески-благое,
И русским чувством закрепить, –

Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России...

30 ноября – 1 декабря 1866

* * *

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?

Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда –
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись – теперь иль никогда...

20 декабря 1866

* * *

Хотя б она сошла с лица земного,
В душе царей для правды есть приют.
Кто не слышал торжественного слова?
Века векам его передают.

И что ж теперь? Увы, что видим мы?
Кто приютит, кто призрит гостью Божью?
Ложь, злая ложь растлила все умы,
И целый мир стал воплощенной ложью!..

Опять Восток дымится свежей кровью,
Опять резня... повсюду вой и плач,
И снова прав пирующий палач,
А жертвы... преданы злословью!

О, этот век, воспитанный в крамолах,
Век без души, с озлобленным умом,
На площадях, в палатах, на престолах –
Везде он правды личным стал врагом!

Но есть еще один приют державный,
Для правды есть один святой алтарь:
В твоей душе он, царь наш православный,
Наш благодушный, честный русский царь!

31 декабря 1866

В Риме (С французского)

Средь Рима древнего сооружалось зданье –
То Нерон воздвигал дворец свой золотой.
Под самую дворца гранитною пятой
Былинка с кесарем вступила в состязанье:
«Не уступлю тебе, знай это, бог земной,
И ненавистное твое я сброшу бремя». –
«Как, мне не уступить? Мир гнется подо мной!» –
«Весь мир тебе слуга, а мне слугою – Время».

<Конец> декабря 1866

* * *

Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой
Петр, по прозвищу *четвертый* ,
Аракчеев же *второй* .

<1866 или 1867>

* * *

Как этого посмертного альбома
Мне дороги заветные листы,

Как все на них так родственно-знакомо,
Как полно все душевной теплоты!

Как этих строк сочувственная сила
Всего меня обвеяла былым!
Храм опустел, потух огонь кадила,
Но жертвенный еще курится дым.

1 марта 1867

Дым

Здесь некогда, могучий и прекрасный,
Шумел и зеленел волшебный лес, –
Не лес, а целый мир разнообразный,
Исполненный видений и чудес.

Лучи сквозили, трепетали тени;
Не умолкал в деревьях птичий гам;
Мелькали в чаще быстрые олени,
И ловчий рог зывал по временам.

На перекрестках, с речью и приветом,
Навстречу нам, из полутьмы лесной,
Обвеянный каким-то чудным светом,
Знакомых лиц слетался целый рой.

Какая жизнь, какое обаянье,
Какой для чувств роскошный, светлый пир!
Нам чудились нездешние созданья,
Но близок был нам этот дивный мир.

И вот опять к таинственному лесу
Мы с прежнею любовью подошли.
Но где же он? Кто опустил завесу,
Спустил ее от неба до земли?

Что это? Призрак, чары ли какие?
Где мы? И верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым – безотрадный, бесконечный дым!

Кой-где насквозь торчат по обнаженным
Пожарищам уродливые пни,
И бегают по сучьям обожженным
С зловещим треском белые огни...

Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой...
И вот опять наш лес зазеленеет,
Все тот же лес, волшебный и родной.

25 апреля 1867

Славянам

Привет вам задушевный, братья,
Со всех Славянщины концов,
Привет наш всем вам, без изъятья!
Для всех семейный пир готов!
Недаром вас звала Россия
На праздник мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здесь не гости, вы – свои!

Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там, на родине своей, –
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей,
Здесь, где у власти и поданства
Один язык, один для всех,
И не считается Славянство
За тяжкий первородный грех!

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народ единый,
Единой матери сыны;
Но все же братья мы родные!
Вот, вот что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия,
России – не прощают вас!

Смущает их, и до испугу,
Что вся славянская семья
В лицо и недругу и другу
Впервые скажет: – Это я!
При неотступном вспоминанье
О длинной цепи злых обид
Славянское самосознанье,
Как божья кара, их страшит!

Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них – закон и равноправность,
Для нас – насилье и обман,
И закрепила стародавность
Их как наследие славян.

И то, что длилось веками,
Не истощилось и поднесь
И тяготееет и над нами –
Над нами, собранными здесь...
Еще болит от старых болей

Вся современная пора...
 Не тронута Коссово поле,
 Не скрыта Белая Гора!

А между нас, – позор немалый, –
 В славянской, всем родной среде,
 Лишь тот ушел от их опалы
 И не подвергся их вражде,
 Кто для своих всегда и всюду
 Злодеем был передовым:
 Они лишь нашего Иуду
 Честят лобзанием своим.

Опально-мировое племя,
 Когда же будешь ты народ?
 Когда же упразднится время
 Твоей и розни и невзгод,
 И грянет клич к объединенью,
 И рухнет то, что делит нас?..
 Мы ждем и верим провиденью –
 Ему известны день и час...

И эта вера в правду бога
 Уж в нашей не умрет груди,
 Хоть много жертв и горя много
 Еще мы видим впереди...
 Он жив – Верховный Промыслитель,
 И суд его не оскудел,
 И слово «Царь-Освободитель»
 За русский выступит предел...

<Начало мая 1867>

Славянам

Man muß die Slaven an die Mauer drücken⁴⁴.

Они кричат, они грозятся:
 «Вот к стенке мы славян прижмем!»
 Ну, как бы им не оборваться
 В задорном натиске своем!..

Да, стенка есть – стена большая, –
 И вас не трудно к ней прижать.
 Да польза-то для них какая?
 Вот, вот что трудно угадать.

Ужасно та стена упруга,
 Хоть и гранитная скала, –
 Шестую часть земного круга

⁴⁴ Славян надо прижать к стене (нем.).

Она давно уж обошла...

Ее не раз и штурмовали –
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри...

Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:
Она не то чтоб угрожала,
Но... каждый камень в ней живой...

Так пусть же бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К ее бойницам и затворам, –
Посмотрим, что они возьмут!

Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их, –
Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнет она своих.

Она расступится пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет.

11 – 16 мая 1867

* * *

Напрасный труд – нет, их не вразумишь,
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.

Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

Май 1867

К портрету государственного канцлера, князя А. М. Горчакова

В те дни кроваво-роковые,
Когда, прервав борьбу свою,
В ножны вложила меч Россия –
Свой меч, иззубренный в бою, –
Он волей призван был державной
Стоять на страже, – и он стал,
И бой отважный, бой неравный

Один с Европой продолжал.

И вот двенадцать лет уж длится
Упорный поединок тот –
Иноплеменный мир дивится,
Одна лишь Русь его поймет.
Он первый угадал, в чем дело,
И им впервые русский дух
Союзной силой признан смело, –
И вот венец его заслуг.

13 июня 1867

* * *

Как ни тяжел последний час –
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, –
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...

14 октября 1867

* * *

Свершается заслуженная кара
За тяжкий грех, тысячелетний грех...
Не отвратить, не избежать удара –
И правда Божья видима для всех...

То Божьей правды праведная кара,
И, ей в отпор чью помощь ни зови,
Свершится суд... и папская тиара
В последний раз купается в крови.

А ты, ее носитель неповинный, –
Спаси тебя Господь и отрезви –
Молись Ему, чтобы твои седины
Не осквернились в пролитой крови...

27 октября 1867

По прочтении депеш императорского кабинета, напечатанных в «Journal de St.-Pétersbourg»

Когда свершится искупленье
И озарится вновь Восток, –
О, как поймут тогда значенье
Великолепных этих строк!

Как первый яркий луч денницы,
Коснувшись их, – озолотит
И эти вещие страницы
Озолотит и освятит!

И в излишней чувств народных,
Как Божья чистая роса,
Племен признательно-свободных
На них затеплится слеза!

Они раскроют для потомства,
Как, сильны верою живой,
Всем видам лжи и вероломства
Отпор мы дали роковой...

На них записана вся повесть
О том, что было и что есть;
Изобличив Европы совесть,
Они спасли России честь!

5 декабря 1867

* * *

Печати русской доброхоты,
Как всеми вами, господа,
Тошнит ее – но вот беда,
Что дело не дойдет до рвоты.

Середина апреля 1868

Июнь 1868 г.

Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.

Нет искр в небесной синеве,
Все стихло в бледном обаянье,
Лишь по задумчивой Неве
Струится лунное сиянье.

Во сне ль все это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?

*Июнь 1868
Петербург*

Пожары

Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготееет над землей.

Мертвый стелется кустарник,
Травы тлятся, не горят,
И сквозит на крае неба
Обожженных елей ряд.

На пожарище печальном
Нет ни искры, дым один, –
Где ж огонь, злой истребитель,
Полномочный властелин?

Лишь украдкой, лишь местами,
Словно красный зверь какой,
Пробираясь меж кустами,
Пробежит огонь живой!

Но когда наступит сумрак,
Дым сольется с темнотою,
Он потешными огнями
Весь осветит лагерь свой.

Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло,
Беспомощное дитя.

*16 июля 1868
Петербург*

* * *

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немym дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века –
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

2 августа 1868

Михаилу Петровичу Погодину

Стихов моих вот список безобразный –
Не заглянув в него, дарю им вас,
Не совладал с моею ленью праздной,
Чтобы она хоть вскользь им занялась...

В наш век стихи живут два-три мгновенья,
Родились утром, к вечеру умрут...
О чем же хлопотать? Рука забвенья
Как раз свершит свой корректурный труд.

<Конец августа> 1868

Памяти Е. П. Ковалевского

И вот в рядах отечественной рати
Опять не стало смелого бойца –
Опять вздохнут о горестной утрате
Все честные, все русские сердца.

Душа живая, он неборимо
Всегда себе был верен и везде –
Живое пламя, часто не без дыма
Горевшее в удушливой среде...

Но в правду верил он, и не смущался,
И с пошлостью боролся весь свой век,
Боролся – и ни разу не поддался...
Он на Руси был редкий человек.

И не Руси одной по нем сгрустнется –
Он дорог был и там, в земле чужой,
И там, где кровь так безотраднo льется,
Почтут его признательной слезой.

21 сентября 1868

Мотив Гейне

Если смерть есть ночь, если жизнь есть день –
Ах, умаял он, пестрый день, меня!..
И сгущается надо мною тень,
Ко сну клонится голова моя...

Обессиленный, отдаюсь ему...
Но все грезится сквозь немую тьму –
Где-то там, над ней, ясный день блесит

И незримый хор о любви гремит...

1868 – начало 1869

* * *

Вы не родились поляком,
Хоть шляхтич вы по направленью,
А русский вы – сознайтесь в том –
По Третьему лишь отделенью.

Слуга влиятельных господ,
С какой отвагой благородной
Громите речью вы свободной
Всех тех, кому зажали рот!

Недаром вашим вы пером
Аристократии служили –
В какой лакейской изучили
Вы этот рыцарский прием?

<Середина января> 1869

* * *

«Нет, не могу я видеть вас...» –
Так говорил я в самом деле,
И не один, а сотню раз,
А вы – и верить не хотели.

В одном доносчик мой неправ –
Уж если доносить решился,
Зачем же, речь мою прервав,
Он досказать не потрудился?

И нынче нудит он меня –
Шутник и пошлый и нахальный –
Его затею устраняя,
Восстановить мой текст буквальный.

Да, говорил я, и не раз –
То не был случай одинокий –
Мы все не можем видеть вас –
Без той сочувственно-глубокой

Любви сердечной и святой,
С какой – как в этом не сознаться? –
Своею лучшею звездой
Вся Русь привыкла любоваться.

5 февраля 1869

14-ое февраля 1869

Великий день Кирилловой кончины –
Каким приветствием сердечным и простым
Тысячелетней годовщины
Святую память мы почтим?

Какими этот день запечатлеть словами,
Как не словами, сказанными им,
Когда, прощаясь и с братом и с друзьями,
Он нехотя свой прах тебе оставил, Рим...

Причастные его труду,
Чрез целый ряд веков, чрез столько поколений,
И мы, и мы его тянули борозду
Среди соблазнов и сомнений.

И в свой черед, как он, не довершив труда,
И мы с нее сойдем и, словеса святые
Его вспомняв, воскликнем мы тогда:
«Не изменяй себе, великая Россия!

Не верь, не верь чужим, родимый край,
Их ложной мудрости иль наглым их обманам,
И, как святой Кирилл, и ты не покидай
Великого служения Славянам»...

13 февраля 1869

* * *

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.

*27 февраля 1869
Петербург*

* * *

Две силы есть – две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, –
Одна есть Смерть, другая – Суд людской.

И та и тот равно неотразимы,
И безответственны и тот и та,
Пощады нет, протесты нетерпимы,
Их приговор смыкает всем уста...

Но Смерть честней – чужда лицепрятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смирненную иль ропщущую братью –
Своей косою равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разноголосья –
Ревнивый властелин – не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает вон.

И горе ей – увы, двойное горе, –
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах – в неравный бой.

Когда она, при роковом сознанье
Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаянье
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свевает
Угрозы, брань и страстную хулу, –

Да, горе ей – и чем простосердечней,
Тем кажется виновнее она...
Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.

*Март 1869
Петербург*

11-ое мая 1869

Нас всех, собравшихся на общий праздник снова,
Учило нынче нас евангельское слово
В своей священной простоте:
«Не угаится Град от зренья людского,
Стоя на Горней высоте».

Будь это и для нас возвещено не всуе –
Заветом будь оно и нам,
И мы, великий день здесь братски торжествуя,
Поставим наш союз на высоту такую,
Чтоб всем он виден был – всем братским племенам.

11 мая 1869

* * *

Как насаждения Петрова
В Екатерининской долине
Деревья пышно разрослись, –
Так насаждаемое ныне
Здесь русское живое слово
Расти и глубже коренись.

Май 1869

<О. И. Орловой-Давыдовой>

Здесь, где дары судьбы освящены душой,
Оправданы благодвореньем,
Невольно человек мирится здесь с судьбой,
Душа сознательно дружится с Провиденьем.

11 июля 1869

Андрею Николаевичу Муравьеву

Там, где на высоте обрыва
Воздушно-светозарный храм
Уходит выспрь – очам на диво,
Как бы парящий к небесам;
Где Первозванного Андрея
Еще поднесь сияет крест,
На небе киевском белея,
Святой блюститель этих мест, –

К стопам его свою обитель
Благоговейно прислоня,
Живешь ты там – не праздный житель, –
На склоне трудового дня.
И кто бы мог без умиленья
И ныне не почтить в тебе
Единство жизни и стремленья
И твердость стойкую в борьбе?

Да, много, много испытаний
Ты перенес и одолел...
Живи ж не в суетном сознанье
Заслуг своих и добрых дел;

Но для любви, но для примера,
Да убеждаются тобой,
Что может действенная вера
И мысли неизменный строй.

Август 1869

В деревне

Что за отчаянные крики,
И гам, и трепетанье крыл?
Кто этот гвалт безумно-дикий
Так неуместно возбудил?
Ручных гусей и уток стая
Вдруг одичала и летит.
Летит – куда, сама не зная,
И, как шальная, голосит.

Какой внезапною тревогой
Звучат все эти голоса!
Не пес, а бес четвероногой,
Бес, обернувшийся во пса,
В порыве буйства, для забавы,
Самоуверенный нахал,
Смутил покой их величавый
И их размыкал, разогнал!

И словно сам он, вслед за ними,
Для довершения обид,
С своими нервами стальными,
На воздух взвившись, полетит!
Какой же смысл в движеньи этом?
Зачем вся эта трата сил?
Зачем испуг таким полетом
Гусей и уток окрылил?

Да, тут есть цель! В ленивом стаде
Замечен страшный был застой,
И нужен стал, прогресса ради,
Внезапный натиск роковой, –
И вот благое провиденье
С цепи спустило сорванца,
Чтоб крыл своих предназначенье
Не позабыть им до конца.

Так современных проявлений
Смысл иногда и бестолков,
Но тот же современный гений
Всегда их выяснить готов.
Иной, ты скажешь, просто лает,
А он свершает высший долг –
Он, осмысляя, развивает
Утиный и гусиный толк.

16 августа 1869

Чехам от московских славян

На ваши, братья, празднества,
Навстречу вашим ликованьям,

Навстречу вам идет Москва
С благоговейным упованием.

В среду восторженных тревог,
В разгар великого волнения,
Приносит вам она залог,
Залог любви и единения.

Примите же из рук ея
То, что и вашим прежде было,
Что старочешская семья
Такой ценой себе купила, –

Такою страшною ценой,
Что память эта и поныне –
И вашей лучшею святыней
И вашей жизненной струей.

Примите Чашу! Вам звездой
В ночи судеб она светила
И вашу немощь возносила
Над человеческой средой.

О, вспомните, каким она
Была вам знаменем любимым,
И что в костре неугасимом
Она для вас обретена.

И этой-то великой мзды,
Отцов великих достоянья,
За все их тяжкие труды,
За все их жертвы и страдания,

Себя лишать даете вы
Иноплеменной дерзкой ложью,
Даете ей срамить, увы,
И честь отцов и правду божью!

И долго ль, долго ль этот плен,
Из всех тягчайший, плен духовный,
Еще сносить ты осужден,
О чешский люд единокровный?

Нет, нет, недаром благодать
На вас призвали предки ваши,
И будет вам дано понять,
Что нет спасения вам без Чаши.

Она лишь разрешит вконец
Загадку вашего народа:
В ней и духовная свобода,
И единения венец.

Придите ж к дивной Чаше сей,

Добытой лучшей вашей кровью,
Придите, приступите к ней
С надеждой, верой и любовью.

<Около 24> августа 1869

* * *

Природа – Сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

*Август 1869
Овстуг*

* * *

Как нас ни угнетай разлука,
Но покоряемся мы ей –
Для сердца есть другая мука,
Невыносимей и больней.

Пора разлуки миновала,
И от нее в руках у нас
Одно осталось покрывало,
Полупрозрачное для глаз.

И знаем мы: под этой дымкой
Все то, по чем душа болит,
Какой-то странной невидимкой
От нас таится – и молчит.

Где цель подобных искушений?
Душа невольно смущена,
И в колесе недоумений
Вертится нехотя она.

Пора разлуки миновала,
И мы не смеем, в добрый час,
Задеть и сдернуть покрывало,
Столь ненавистное для нас!

14 октября 1869

Современное

Флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремят,
Небо ясно, блещет море,

И ликует Цареград.

И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Ныне весело пирует
Благодушный падишах.

Угощает он на славу
Милых западных друзей –
И свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей.

Из премудрого далека
Франкистанской их земли
Погулять на счет пророка
Все они сюда пришли.

Пушек гром и мусикия!
Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Свой справляют карнавал.

И при криках исступленных
Бойкий западный разгул
И в гаремах потаенных
Двери настезь распахнул.

Как в роскошной этой раме
Дивных гор и двух морей
Веселится об исламе
Христианский съезд князей!

И конца нет их приветам,
Обнимает брата брат...
О, каким отрадным светом
Звезды Запада горят!

И всех ярче и милее
Светит тут звезда одна,
Коронованная фея,
Рима *дочь*, его жена.

С пресловутого театра
Всех изяществ и затей,
Как вторая Клеопатра
В сонме царственных гостей,

На Восток она явилась,
Всем на радость, не на зло,
И пред нею все склонилось:
Солнце с Запада взошло!

Только там, где тени бродят
По долинам и горам

И куда уж не доходят
Эти клики, этот гам, –

Только там, где тени бродят,
Там, в ночи, из свежих ран
Кровью медленно исходят
Миллионы христиан...

<Первая половина октября> 1869

А. Ф. Гильфердингу

Спешу поздравить. Мы охотно
Приветствуем вам неуспех,
Для вас и лестный, и почетный,
И назидательный для всех.

Что русским словом столько лет
Вы славно служите России,
Про это знает целый свет,
Не знают немцы лишь родные.

Ох нет, то знают и они;
И что в славянском вражьем мире
Вы совершили – вы одни, –
Все им известно, – *inde irae!*⁴⁵

Во всем обширном этом крае
Они встречали вас не раз,
В Балканах, Чехах, на Дунае –
Везде, везде встречали вас.

И как же мог бы без измены,
Высокодоблестный досель,
В академические стены,
В заветную их цитадель,

Казною русской содержимый
Для этих славных оборон,
Вас, вас впустить – непобедимый
Немецкий храбрый гарнизон?

17 декабря 1869

Ю. Ф. Абазе⁴⁶

⁴⁵ Отсюда – гнев (*лат.*).

⁴⁶ Посвящено Юлии Федоровне Абазе, певице и музыкантше; Ю.Ф. Абаза принимала деятельное участие в создании русского музыкального общества.

Так – гармонических орудий
Власть беспредельна над душой,
И любят все живые люди
Язык их темный, но родной.

В них что-то стонет, что-то бьется,
Как в узах заключенный дух,
На волю просится, и рвется,
И хочет высказаться вслух...

Не то совсем при вашем пенье,
Не то мы чувствуем в себе:
Тут полнота освобожденья,
Конец и плену и борьбе...

Из тяжелой вырвавшись юдоли
И все оковы разреша,
На всей своей ликует воле
Освобожденная душа...

По всемогущему призыву
Свет отделяется от тьмы,
И мы не звуки – *душу живу* ,
В них вашу душу слышим мы.

22 декабря 1869
Петербург

* * *

Так Провидение судило,
Чтоб о величии грядущем
Великого Славянского царя
Возвещено вселенной было
Не гласом грома всемогущим,
А звучным писком комара.

<60-е гг.>

* * *

<Из Гёте >

Радость и горе в живом упоенье,
Думы и сердце в вечном волнении,
В небе ликуя, томясь на земли,
Страстно ликующей,
Страстно тоскующей
Жизни блаженство в одной лишь любви...

Февраль 1870

Гус на костре

Костер сооружен, и роковое
Готово вспыхнуть пламя; все молчит, –
Лишь слышен легкий треск, и в нижнем слое
Костра огонь предательски сквозит.

Дым побежал – народ столпился гуще;
Вот все они – весь этот темный мир:
Тут и гнетомый люд, и люд гнетущий,
Ложь и насилье, рыцарство и клир.

Тут вероломный кесарь, и князей
Имперских и духовных сонм верховный,
И сам он, римский иерарх, в своей
Непогрешимости греховной.

Тут и она – та старица простая,
Не позабытая с тех пор,
Что принесла, крестясь и воздыхая,
Вязанку дров, как лепту, на костер.

И на костре, как жертва пред закланьем,
Вам праведник великий предстоит:
Уже обвеян огненным сияньем,
Он молится – и голос не дрожит...

Народа чешского святой учитель,
Бестрепетный свидетель о Христе
И римской лжи суровый обличитель
В своей высокой простоте,

Не изменив ни богу, ни народу,
Боролся он – и был неборим –
За правду божью, за ее свободу,
За все, за все, что бредом назвал Рим.

Он духом в небе – братскою ж любовью
Еще он здесь, еще в среде своих,
И светел он, что собственной кровью
Христову кровь он отстоял для них.

О чешский край! О род единокровный!
Не отвергай наследья своего –
О, доверши же подвиг свой духовный
И братского единства торжество!

И, цепь порвав с юродствующим Римом,
Гнетущую тебя уж так давно,
На Гусовом костре неугасимом
Расплавь ее последнее звено.

* * *

Над русской Вильной стародавней
Родные теплятся кресты –
И звоном меди православной
Все огласились высоты.

Минули веки искушенья,
Забыты страшные дела –
И даже мерзость запустенья
Здесь райским крином расцвела.

Преданье ожило святое
Первоначальных лучших дней,
И только позднее былое
Здесь в царство отошло теней.

Оттуда смутным сновиденьем
Еще дано ему порой
Перед всеобщим пробужденье
Живых тревожить здесь покой.

В тот час, как с неба месяц сходит,
В холодной, ранней полумгле,
Еще какой-то призрак бродит
По оживающей земле.

<Начало июля> 1870

К. Б.

Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое –
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, –

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, –
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

26 июня 1870
Карлсбад

Два единства

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! —
Славянский мир, сомкнись тесней...

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

<Сентябрь> 1870

* * *

Веленью высшему покорны,
У мысли стоя на часах,
Не очень были мы задорны,
Хоть и со штуцером в руках.

Мы им владели неохотно,
Грозили редко и скорей
Не арестантский, а почетный
Держали караул при ней.

27 октября 1870

* * *

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.

И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.

И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,

Не все, что здесь цвело, увянет,
Не все, что было здесь, пройдет!

Но этой веры *для немногих*
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать,

Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца все претерпел.

<Начало ноября> 1870

* * *

Да, вы сдержали ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.

И нам завещанное море
Опять свободно волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.

Счастлив в наш век, кому победа
Далась не кровью, а умом,
Счастлив, кто точку Архимеда
Умел сыскать в себе самом, –

Кто, полный бодрого терпенья,
Расчет с отвагой совмещал –
То сдерживал свои стремленья,
То своевременно дерзал.

Но кончено ль противоборство?
И как могучий ваш рычаг
Осилит в умниках упорство
И бессознательность в глупцах?

<Ноябрь> 1870

* * *

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем,
И я теперь на голой вышине
Стою один, – и пусто все кругом.

И долго ли стоять тут одному?

День, год-другой – и пусто будет там,
Где я теперь, смотря в ночную тьму
И – что со мной, не сознавая сам...

Бесследно все – и так легко не быть!
При мне иль без меня – что нужды в том?
Все будет то ж – и вьюга так же выть,
И тот же мрак, и та же степь кругом.

Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.

11 декабря 1870

По дороге из Москвы в Петербург

* * *

Впросонках слышу я – и не могу
Вообразить такое сочетанье,
А слышу свист полозьев на снегу
И ласточки весенней щебетанье.

<Январь или февраль> 1871

Черное море

Пятнадцать лет с тех пор минуло,
Прошел событий целый ряд,
Но вера нас не обманула –
И севастопольского гула
Последний слышим мы раскат.

Удар последний и громовый,
Он грянул вдруг, животворя;
Последнее в борьбе суровой
Теперь лишь высказано слово;
То слово – Русского Царя.

И все, что было так недавно
Враждой воздвигнуто слепой,
Так нагло, так самоуправно,
Пред честностью Его державной
Все рушилось само собой.

И вот: «свободная стихия», –
Сказал бы наш поэт родной, –
Шумишь ты, как во дни былые,
«И катишь волны голубые,
И блещешь гордою красой!..»

Пятнадцать лет тебя держало
Насилье в западном плену;
Ты не сдавалась и роптала,
Но час пробил – насилье пало:
Оно пошло как ключ ко дну.

Опять зовет и к делу нудит
Родную Русь твоя волна,
И к распре той, что Бог рассудит,
Великий Севастополь будит
От заколдованного сна.

И то, что ты во время оно
От бранных скрыла непогод
В свое сочувственное лоно,
Отдашь ты нам – и без урона –
Бессмертный черноморский флот.

Да, в сердце русского народа
Святиться будет этот день, –
Он – наша внешняя свобода,
Он Петропавловского свода
Осветит гробовую сень...

<Начало марта> 1871

Ватиканская годовщина

Был день суда и осужденья –
Тот роковой, бесповоротный день,
Когда для вящего паденья
На высшую вознесся он ступень, –

И, божьим промыслом теснимый
И загнанный на эту высоту,
Своей ногой непогрешимой
В бездонную шагнул он пустоту, –

Когда, чужим страстям послушный,
Игралище и жертва темных сил,
Так богохульно-добродушно
Он божеством себя провозгласил...

О новом богочеловеке
Вдруг притча создалась – и в мир вошла,
И святотатственной опеке
Христова церковь предана была.

О, сколько смуты и волнений
С тех пор воздвиг непогрешимый тот,
И как под бурей этих прений
Кошунство зреет и соблазн растет.

В испуге ищут *правду Божью* ,
Очнувшись вдруг, все эти племена,
И как тысячелетней ложью
Она для них вконец отравлена.

И одолеть она не в силах
Отравы той, что в жилах их течет,
В их самых сокровенных жилах,
И долго будет течь, – и где исход?
.....

Но нет, как ни борись упрямо,
Уступит ложь, рассеется мечта,
И ватиканский далай-лама
Не призван быть наместником Христа.

6 июля 1871

* * *

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят, – и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих – лишь грезю природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

Август 1871
Петербург

* * *

Враг отрицательности узкой,
Всегда он в уровень шел с веком:
Он в человечестве был русской,
В науке был он человеком.

29 декабря 1871

Памяти М. К. Политковской

Alla a été douce devant la mort.⁴⁷

Многозначительное слово
Тобою оправдалось вновь:
В крушении всего земного
Была ты – кротость и любовь.

В самом преддверье тьмы могильной
Не оскудел в последний час
Твоей души любвеобильной
Неисчерпаемый запас...

И та же любящая сила,
С какой, себе не изменя,
Ты до конца переносила
Весь жизни труд, всю злобу дня, –

Та ж торжествующая сила
Благоволенья и любви,
Не отступив, приосенила
Часы последние твои.

И ты, смиренна и послушна,
Все страхи смерти победив,
Навстречу ей шла благодушно,
Как на отеческий призыв.

О, сколько душ, тебя любивших,
О, сколько родственных сердец –
Сердец, твоею жизнью живших,
Твой ранний поразит конец!

Я поздно встретился с тобою
На жизненном моем пути,
Но с задушевною тоскою
Я говорю тебе: прости.

В наш век отчаянных сомнений,
В наш век, неверием больной,
Когда все гуще сходят тени
На одичалый мир земной, –

О, если в страшном раздвоенье,
В котором жить нам суждено,
Еще одно есть откровенье,
Есть уцелевшее звено

С великой тайною загробной,

⁴⁷ Она была кроткой перед лицом смерти (франц.)

Так это – видим, верим мы –
Исход души, тебе подобной,
Ее исход из нашей тьмы.

<Начало марта 1872>

* * *

День православного Востока,
Святись, святись, великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень!

Но и Святой Руси пределом
Его призыва не стесняй:
Пусть слышен будет в мире целом,
Пускай он льется через край,

Своею дальнею волною
И ту долину захватя,
Где бьется с немощию злою
Мое родимое дитя, –

Тот светлый край, куда в изгнанье
Она судьбой увлечена,
Где неба южного дыханье
Как врачевство лишь пьет она...

О, дай болящей исцеленье,
Отрадой в душу ей повеи,
Чтобы в Христово воскресенье
Всецело жизнь воскресла в ней...

16 апреля 1872

* * *

Как бестолковы числа эти,
Какой сумбур в календаре;
Теперь зима уж на дворе,
А мне вот довелось во всем ее расцвете,
В ее прелестнейшей поре,
Приветствовать Весну лишь в позднем ноябре.

23 ноября 1872

* * *

Мир и согласие между нас
Сказались с первого же дня, –

Поздравим же, перекрестясь,
Тебя со мной – с тобой меня.

21 апреля 1872

* * *

Тут целый мир, живой, разнообразный,
Волшебных звуков и волшебных снов, –
О, этот мир, так молодо-прекрасный, –
Он стоит тысячи миров.

1869 – 1870?

Наполеон III

И ты свершил свой подвиг роковой,
Великих сил двусмысленный наследник,
Муж не судеб, а муж случайности слепой,
Ты сфинкс, разгаданный и пошлою толпой,
Но правды Божьей, не земной,
Неотразимый проповедник,
Ты миру доказал на деле,
Как шатко все, в чем этой правды нет:
Ты, целых двадцать бурных лет
Мир волновавший – и без цели,
Ты много в мире лжи посеял,
И много бурь ты возрастил,
И уцелевшего рассеял,
И собранного расточил!
Народ, взложивший на тебя венец,
Ты ложью развратил и погубил вконец;
И, верный своему призванью,
Оторопевший мир, игрой своей смутя,
Как неразумное дитя,
Ты предал долготу шатанью.
Спасенья нет в насилье и во лжи,
Как ни орудуй ими смело,
Для человеческой души,
Для человеческого дела.
Знай, торжествующий, кто б ныне ни был он,
Во всеоружии насилья и обмана,
Придет и твой черед, и поздно или рано,
Ты ими ж будешь побежден!
Но в искупленье темных дел
Ты миру завещал один урок великий:
Да вразумятся им народы и владыки
И всякий, кто б тебе соревновать хотел; –
Лишь там, лишь в той семье народной,
Где с властью высшею живая связь слышна,
И где она закреплена
Взаимной верою и совестью свободной,

Где святы все ее условия,
И ей народ одушевлен –
Стоит ли у престола он
Иль бодрствует у изголовья
Одра, где царский сын лежал,
И весь народ еще недавно
Тот одр болезни окружал
Своей молитвой православной, –
О, тут измене места нет,
Ни разнovidным ухищреньям,
И крайне жалок был бы тот,
Кто б этот оскорбил народ
Иль клеветой, иль подозреньем.

30 декабря 1872

* * *

Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил Он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

Февраль 1873
Петербург

Итальянская весна

Благоуханна и светла
Уж с февраля весна в сады вошла –
И вот миндаль мгновенно зацвела,
И белизна всю зелень облила.

<Февраль 1873>

Бессонница (Ночной момент)

Ночной порой в пустыне городской
Есть час один, проникнутый тоской,
Когда на целый город ночь сошла,
И всюду водворилась мгла,
Все тихо и молчит; и вот луна взошла,
И вот при блеске лунной сизой ночи
Лишь нескольких церквей, потерянных вдали,
Блеск золоченых глав, унылый, тусклый зев
Пустынно бьет в недремлющие очи,
И сердце в нас подкидышем бывает,
И так же плачется, и так же изнывает,
О жизни и любви отчаянно взывает.

Но тщетно плачется и молится оно:
 Все вокруг него и пусто и темно!
 Час и другой все длится жалкий стон,
 Но наконец, слабея, утихает он.

Апрель 1873

* * *

Бывают роковые дни
 Лютейшего телесного недуга
 И страшных нравственных тревог;
 И жизнь над нами тяготеет
 И душит нас, как кошмар.
 Счастлив, кому в такие дни
 Пошлет всемилосердый Бог
 Неоценимый, лучший дар –
 Сочувственную руку друга,
 Кого живая, теплая рука
 Коснется нас, хотя слегка,
 Оцепенение рассеет
 И сдвинет с нас ужасный кошмар
 И отвратит судеб удар, –
 Воскреснет жизнь, кровь заструится вновь,
 И верит сердце в правду и любовь...

<Не позднее мая> 1873

Послесловие

Тютчева можно назвать первоначальным русским поэтом⁴⁸

Тютчева можно назвать первоначальным русским поэтом, как и Пушкина. Он возник в жизни русского духа вне всяких предварительных воздействий и явил личность, свойства вполне неизвестного прежде в русской поэзии. Свободный от всяких предумышленных или заимствованных мнений и убеждений о началах и концах жизни, он жил смолоду изо дня в день, среди юной радости света, жара, песен, прохладных влаг и любовных ласк. И вот всякий раз, как день померкнет и настанет сумрак ночи, его начинали обуревать странные тревоги. Ему чудилось, что весь привычный круг человеческого сознания, человеческой воли странен, непонятен. Ему сказывалось, что, ощущая, помня, узнавая воображением и уразумевая соображением, мы познаем до крайности мало и что <...> (вовсе ничего не известно нам о том, откуда все, что есть и было, в нас и в предметах). Да и в том же, что тут же теперь в нашем ощущении, во всех представлениях его чутья и всех понятиях его разума, которых теперь нельзя не ввести в себя его сознанию) <...> разве можно быть уверенным, что есть это одно, и что нет множества иного? Что сознание, что ощущение? Какая-то точка, которая все движется и, переходя теперь в это место, уже еле чувствует и знает то, что было прежде, перед этим, и еще менее знает и чувствует, что будет после, за этим. Как же ему хоть на мгновение

⁴⁸ Подготовка к изданию статей И. Коневского «Тютчева можно назвать первоначальным русским поэтом», «Параллели между Фетом и Тютчевым» Н. Розман.

поручиться или заречься, что теперь же, тут же нет множества такого, чего ему нет сил чувствовать, что не доходит до него, но чего, конечно, не ему от себя устранить, если б тому захотелось в него войти? Ведь и все, что теперь им чувствуется, воспринимается им, принято откуда-то извне и ему невозможно ни сознать, как, по какой причине к нему приходит нечто такое, а не иное, ни объяснить себе, отчего это вообще начало быть, как это случилось: бытие его вместе с чем-то вторым, с иным бытием. <...> Да и что значит знать вообще о чем-нибудь ином? «Я знаю», это значит, что-то на меня действует или я на что-то действую: во всяком случае, это отношение между «я» и «чем-то». Чтобы хоть как-то почувствовать, что «это» и как «это» на «меня» действует, «я» принужден брать слова и представления всех тех действий, которые в «себе» же чувствую, которые сам действую, в крайнем случае, все те действия над общими понятиями, которые применимы ко всякой внешней единице, так называемыми «числами»; но и эти понятия действуют, помимо моей воли, в моей мысли, только потому что таков; с такого рода действиями в себе «я» от чего-то сделался и делаю «есмь». И вот крайняя форма того познания внешних предметов, к которому стремится человеческая наука. Что значит такое знание? Разве это сознание, ощущение того, что суть внешние предметы? На самом деле, знать ведь и значит всегда быть только «я» и встречать столкновение с множеством каких-то точек, которые не то, что «я». Это и называется объективизацией действий личности, потому что ее собственные действия ею как бы отбрасываются от себя, отменяются и так перед нею предметы. Она в них отражается, глядит на себя.

Знание есть, пока «я» есмь, только «я» и есть для меня еще что-то, что не «я»; что «я» действую на «него», и «оно» на «меня», это значит только то, что «я» будучи в одном месте, уже не в другом, где был. Никак не ощутить мне себя, то есть быть, желать, действовать не здесь, не в том, где «я» теперь. Кто знает – быть может, те же ходы, действия, которые во «мне», в моей воле, в моем представлении, даже эти же самые обособленные рассудочные действия над общими единицами моих представлений – числами, все они суть и в том, что, вне меня, где «меня нет», это внешнее, быть может, так же желает и представляет меня, как «я» – «его». Тогда это было бы случайное совпадение – «представленная гармония между монадами», за которыми, однако, пока – я не более, чем я, ни я сам, ни что другое поручиться мне не могут. Или же, быть может, есть во мне нечто, чего в нем нет, и в нем – чего нет во мне, но есть и нечто из наших чувств и мыслей, что есть в нас обоих. Эта загадка может дать единственный исход из себя, долю бытия в ином. Но ведь мне никак не представить, чтобы когда-нибудь и где-нибудь не было вовсе ничего вне меня. Поэтому, если захочу быть то, что и во мне и вне меня, и притом не только в нескольких местах и минутах вне меня, но всюду и всегда, где и когда бы ни было что-нибудь вне, так мне придется быть и «я», и еще некоторое великое бытие, быть и здесь, и там, всюду, где есть что-нибудь, значит, и теперь, и во все времена, когда было и будет что-нибудь, потому что, чтобы быть всюду, чтобы пройти все то пространство, где все это есть, приходится пройти такому же времени. Чтобы быть все дела и предметы, все бытие с начала и до конца, мне пришлось бы быть и собой, и то, что прямо противоположно мне, существо неограниченное. Беспредельное: иначе все, что мне известно будет не далее, чем во мне самом, а за этими пределами для меня недоступно, непознаваемо. <...>

Такие и многие иные мысли обступали думу молодого поэта, когда кончался день. Вот уж он не ощущал более многого, из чего слагались знакомые ему представления предметов – их красок и очертаний их, в движении и в покое, с другой же стороны, многие другие представления о них – их звуки, запахи, тепло их или холод – стали иные, иного свойства, и наконец, впервые стали ощутимы на всем простирающемся над ним пространстве совсем новые явления световые. И вот через это ощущение, что известное исчезло или изменилось, что многое неизвестное объявилось и проявилось; он ощущал насколько многого он еще не знал, более того, не был уверен уже, сомневался, знал ли что-нибудь прежде. И тут же, когда почти слились многие знакомые представления зрения, вместо них явились новые, невидимые прежде, остались, да и то лишь отчасти, в новом виде, одни смутные звуки, запахи, струи теплого и холодного воздуха, и ему сказалось, что все же есть нечто, что он знает, что, значит, есть и в нем. Но это бытие не есть никак ни в чем одном только, теперь и здесь только, а во всем многом, всегда и всюду. Стало быть, есть и он сам в нем, он есть часть его, и вместе с тем, есть в этом же бытии множество неисчислимое, неузнаваемое, такого, чего никогда в нем, в

человеке, не было, в чем он никогда не бывал.

И так Тютчев чувствовал, что есть великая жизнь и в человеке и во всех тех представлениях и предметах, какие у него были и есть и будут, но именно потому что человек немногим более, чем человек, потому-то и этого великого бытия ему не вместить в чувстве. В ночи, когда многие наиболее отчетливые грани между предметами и человеком не ощущаются, человек более всего и в себе, и в ином ощущает это бытие. И этому бытию не помыслить конца, потому что нет сил помыслить, чтобы когда-нибудь или где-нибудь ничего не было: значит, есть это одно, ибо ни самого человека, ни чего бы то ни было из представляемого им нельзя представить себе всегда и всюду.

Из этих ощущений и помышлений в душе поэта возникали слова, единственные в своем роде потому, что с изумляющей и устрашающей прямоотой и наготой высказывают издавна тайный помысл человечества – ощущение бездны, сущей в жизни⁴⁹

Со всех сторон чуя бездну, Тютчев более всего далек был, однако, от того, чтобы забыть присущую человеку, вопреки всему, доступную чувствам и мыслям, свет и радость дня. Как глубоко ни казался ему день «давно минувшим сном» в часы ночи, каждый раз одушевлялся он новой жизнью, когда «раздастся благовест всемирный победных солнечных лучей», более того – во всякий миг, если

вдруг солнца луч приветный
войдет украдкой к нам
и брызнет огнецветной
струею по стенам.

И всегда, во всей его поэзии, всякое явление и трепет земли полны для него какой-то достоверности, в точном смысле – истины. Немногие в такой мере, как этот поэт, сознавали в минуты самой явной радости, что и тут над человеком и его предметами, «жизнь быстротечная» «пролетает тенью»⁵⁰.

<...>

И все же от ощущения этой тени всегда неотделимо было у него лицемерие всех цветов и внимание всем голосам земли. Он любит их и верит им за то именно, что они только они, и потому плывут в бездне. И вот, в самом деле, когда является весна, возрождение и рассвет всей переходящей твари, тут именно ему сообщается олимпийское блаженство, торжественное соединение текущего, летучего мгновения с вечностью. Все дело в том, что тут темную бездну он понял, наконец, как «животворный океан», как «жизнь божески всемирную». Он понял, что этот океан – более и вне всякой частной, отдельной, единичной жизни, и всюду и всегда во

⁴⁹ Далее перечеркнуто: Это откровение оказывает такое действие, какое можно сравнить только с первым появлением истинного демона в русской поэзии, встречей его с другим первообразным русским поэтом как раз в

«те дни, когда этому поэту
...были новы
все впечатления бытия»..

⁵⁰ Далее перечеркнуто: Неведомая необъятная сила преисполняла для него жизнь уже в силу того, что сознание человека не может никогда быть более чем в одной точке пространства и в одном миге времени, и ничему? значит, из всего представляемого и ощущаемого им не быть всюду и всегда – так чему же быть? или как ничему не быть? Вот через это сознание отчего иные мыслители во все времена от индусов и Платона до Шопенгауэра – говорили, что мир видимый, и есть, и не есть, и в душе поэта возникало бессмертное представление о том, что

наша жизнь стоит пред нами,
как призрак на краю земли.

Так! – личность всюду в круге неизмеримой великой жизни, и нет ничего, что было бы только в ней, в личности одной.

всякой из них.

Таким образом, в нем глубока и жива была вера столько же в то, что в нем одном вмещается всей целостью, что человек знает и понимает. Просто в его ощущении не существует никакого разграничения разрядов, все, что действует на него, и в чем он действует, а таково все сознаваемое человеком – для него одинаково действительно. Не перечить в его жизни таких минут, когда ему явны были на свете одни известные, понятные, откровенные, «как день», тела и дела.

И неминуемо следовали за этими часами, происходили из них настроения сокровенные. Они сокровенны потому, что входят в сознание лишь отчасти, чуть-чуть, почти, мельком: это – настроения непостижимые и восторгающие, чувства предвидения, предвкушения, предсказания, прозрения и проницания, минуты ожидания и гадания, чаяния и чуяния, часы, которые не открываются и не сообщаются въявь, лицом к лицу, а только дышать на человека, видятся в отсвете, в тени и слышится ему в отголоске, в отзвуке; и шепот этот и тени эти неизвестные, но вещие, не отвечающие, но обещающие. Это те душевные состояния, которые являют только небольшой просвет в тайное, недоступное для человеческого сознания и тем глубже внушают чувство ничуть не объявленной тайны, беспредельной, неведомой и невидимой тьмы! Это – и те непредвиденные молнии, сияния и радуги, неслыханны возгласы, громы и хоры, которые тем мгновеннее меркнут, чем ярче и лучезарнее, или звонче и громогласнее возникли. Таковы меры Надежды и Мечты в отличие от миров Наличности и Осуществления.

<...> Так в поэте все углублялось сознание того, что, пока он человек, ему нельзя не встречаться с множеством неведомого. И это неведомое есть или просто еще непознанное человеческим разумом, или познаваемое лишь для исключительных состояний сознания людского, или же наконец непознаваемое для какого бы то ни было частного сознания или ощущения, но без этого непознаваемого ему также нельзя ничего ни помыслить, ни почувствовать. В самом деле, когда наблюдение и разумение предметов познавали доступные и познаваемые для них представления, всюду изыскивалась их связь, единство, какими они находились за раз, совместно, или возникали одно за другим, последовательно. У всякого явления искалась причина, которая, присоединяясь к одной части предмета, составила целое, таков простейший математический вид причинности, от которых все другие виды причинности отличаются лишь недостатком составных, слагающих частей. И вот в этом-то исследовании разумному наблюдению и опыту пришлось дойти до чего-то никак непознаваемого и в самом познании. Искание причин во времени, изыскание единства составных частей всякого предмета привело к признанию неизвестной первопричины, ибо непонятным остается возникновение второй единицы, первого движения из первой, одной недвижимой единицы, и тем более безысходен вопрос о происхождении первой единицы. – С другой стороны, из первого сознания, что есть теперь и здесь «я» и «другое», а другое есть первое и есть второе.

И. Коневской

Параллели между Фетом и Тютчевым

Смерть – Тютчев воображал себе смерть гораздо недосказаннее, как-то теплее и вдумчивее. В удивительных строках по поводу заразы «Mal'aria» в воздух римской Кампании почти въявь предстает перед душой некий переход сознания в жизнь более вольную, свежую и таинозрительную путями неведомо прекрасных благоуханий роз, теплого ветра и радужных лучей вод источника «прозрачных как стекло»⁵¹. Так же, как и в тех чуть слышно и светло

⁵¹ «прозрачных как стекло» –
Ф.И. Тютчев «Mal'aria»:

Люблю сей Божий гнев! Люблю сие, незримо
Во всем разлитое, таинственное Зло –
В цветах, в источнике *прозрачном, как стекло* ,
И в *радужных лучах* , и в самом небе Рима.

шелестящих, как зябь листвы, звуках, просящих «зарыть его в траве густой»⁵², здесь с редкой нежностью и истинностью передано объединение с какой-то великой, верить хочется, что необъятно великой струей, а через нее более широкое сообщение скоротечных, зыбучих явлений, одушевленных этой струей. Так и видно, как беспредельная сила обуевает личное сознание лишь с тем, чтобы развеять его по всем цветам дольних, преходящих созданий. Жизнь в этой силе – плавание далее в мировом океане, не-божественный сон в какой-то отрешенной бездне, где совершается великое прозрение сумерек, которое пока в человеке удержан был в гранях личности, становилось «часом тоски невыразимой»⁵³: «все – во мне и я во всем»⁵⁴.

Вдохновение Фета – вечер, ночь, рассвет, море, весна, зима. Ему чужды утро, и открытый день, лето, осень. Воскресение жизни весной – для него торжество бессознательной силы, слепой воли, эта сила не то бесконечное бытие, которое она искала в ночи и в море? Для Тютчева же в весне – венец той же жизни божески всемирной, которая есть и «пылающая бездна ночью»⁵⁵.

Вообще для Фета весна – край ее, самое жгучее ее «буйство»⁵⁶ воли к жизни, самое упоительное самообольщение, заблуждение ее, которое всегда должно разрешиться, завершиться исчезновением в отрешенных звездных безднах, хотя и возобновляется вовеки⁵⁷.

Насколько у Фета мироздание в яркий солнечный день и вся пластика и все те животные процессы природы представляются великим, богатым, но зыбким плавучим призраком,

52 «зарыть его в траве густой» –
Ф.И. Тютчев «Как над горячею золой...»:

О, не кладите меня
В землю сырую –
Скройте, заройте меня
В траву густую!

Пускай дыханье ветерка
Шевелит золою,
Свирель поет издалека,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною!..

53 «часом тоски невыразимой»,

54 «все – во мне и я во всем» –
Ф.И. Тютчев. Стих. «Тени сизые смешались...» <1835>

55 «пылающая бездна ночью» –
Ф.И. Тютчев «Как океан объемлет шар земной» <1830>:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет *ночь* – и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

56 «буйство» – А. А. Фет «Жизнь пронеслась без явного следа»:
«Но все мечты, все буйство первых дней...» <1864 г.>

57 На полях рукой Коневского: «Для Фета – весна – расцвет относительного, преходящего, самое блистательное, но роскошное марево Майи, которое он всей душой любит, но в его жизни какая-то юношеская игра и кипение

Для Тютчева весна – высшее проявление жизни безусловной, блаженство олимпийское, зрелость и полнота духа».

настолько для Тютчева образцовое, единственное в своем роде всякий образ и трепет земли полон какой-то достоверности и, в строгом смысле – истины. Вот хотя бы изображение радуги – самого обольстительного и призрачного из явлений природы, какая в нем сила признания и убеждения: несмотря на то, что ясно сознается – «оно дано нам на мгновение»⁵⁸ – человек весь устремляется к нему, так сказать, верит в него, когда она уходит, это то же, как если «уйдет всецело, чем ты и дышишь, и живешь»⁵⁹. Радуга в глазах поэта приобретает необычайную осязательность и самобытность. Из веры в преходящее, соединенной с верой в бесконечное, проистекает и несравненное, не имеющее себе равного ни у одного русского поэта, солнечное освещение в поэзии Тютчева, не исключая античного солнца Майкова, более декоративного или исключительно ясноутреннего. Тютчев любит солнце в его зените, в минуты самого широкого его распространения. Фет любит только великолепие, блеск, звон, пресвечение и преизбыток багряных и золотых отливов заката, а потом погружается в глубоко синий ночной сумрак и мерцание звезд. В дне он любит больше всего растворяющее тепло, от которого млеешь, до того, что «пропадает от тоски и лени», «сердце ноет, слабеют колени»⁶⁰. И в этом жару и воспалении он растапливался до тысяч пор, пока в изнеможении душа не просила опять сумрачного покоя ночи, ее влажного упоения. Так проходил через солнечные дни, ослепленный, закрыв глаза от неги. Недаром в Италии он не мог петь, только «дышать»⁶¹.

Тютчев же вдохновлялся самим светом дня, прямо и зорко созерцал славу ясных и ярких небес, лазурь. Он влюблен был в час южных дней и их сияющие воды. Так, единственный из русских поэтов, он гордо и свободно взглянул в лицо даже божескому полдню – не в тех строках, где, как у Майкова, ощущена только дремота великого Пана и полдень на взгляд человека еще «мглист»⁶². Нет, торжество и неприступное величие полуденного света

⁵⁸ «оно дано нам на мгновение»

А. А. Фет «Как неожиданно и ярко...» <5 августа 1865 г.>

⁵⁹ «уйдет всецело, чем ты и дышишь, и живешь» –

А. А. Фет «Как неожиданно и ярко...» <5 августа 1865 г.>:

Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь, и живешь.

⁶⁰ «пропадает от тоски и лени», «сердце ноет, слабеют колени» – А. А. Фет «Пчелы». <1854>:

Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени,
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела.

⁶¹ «дышать» м.б. – А. А. Фет «Еще люблю, еще томлюсь» <10 декабря 1890 г.>:

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятн отовсюду.

⁶² «мглист» – А. А. Фет «Снежные горы»:

И между тем как *полусонный*
Наш *дольний мир*, *лишенный сил*,
Проникнут негой благовонной
Во *мгле* полуденной почил, –
Горе, как божества *родные*,
Над издыхающей землей

неподражаемой свободой явлено в тех строфах, где вызвано именно сопоставление «дольнего мира»⁶³, в этот «час полусонного и лишённого сил»⁶⁴, с «тем всемогуществом, которым обладают «выси ледяные»⁶⁵, когда они «играют с лазурью неба огневой». И божества эти для поэта – «родные»⁶⁶.

Вообще, солнце, типично южное солнце у Тютчева – обаевает безбрежным горизонтом своего волнения, свободой своей игры; оно непреложное средоточие жизни; в нем есть также строгий бронзовый отлив и слегка темнеющее от яркости света сияние. У Фета солнце слишком сладостно-золотистое, застлано какой-то белесоватой дымкой, вследствие недостаточной остроты и прозрачности взора. Опять-таки оно появляется как откуда-то льющийся блеск лучезарного весеннего призрака.

Родственно знакомо Тютчеву также летнее волнение жара, полдень и послеполуденная пора года, когда «солнце ниже лучами в отвес»⁶⁷ исчезать в «море душистой тени»⁶⁸ «густолистого леса»⁶⁹ ... Но Фет в это время пел «под липою густою», куда «полдненный зной

Играют *выси ледяные*
С *лазурью неба огневой*.

⁶³ «дольнего мира» –

А. А. Фет «Снежные горы», см. примечание 12 или Ф. И. Тютчев «Есть много мелких безымянных созвездий...» <20 декабря 1859>.

⁶⁴ «час полусонного и лишённого сил» –

А. А. Фет «Снежные горы», см. примечание 62.

⁶⁵ «играют выси ледяные с лазурью неба огневой» – А. А. Фет «Снежные горы», см. примечание 62.

⁶⁶ Сверху карандашом: это дивное сопоставление нерастопимого льда с пламенем мирового горнила напоминают самые горделивые прозрения Ницше о такой же державе полдня: «Glühnichtsdes, Eismeines Würfelnoch...» Возможно, Коневской имел в виду главу «На горе Елеонской»: поэтому я показываю им только зиму и лед на моих вершинах – и не показываю, что моя гора окружена также всеми солнечными поясами!

Или главу «О черни» из «Так говорил Заратустра». Сравните:

«О, я нашел его, братья мои! Здесь на высоте течет для меня источник радости! <...>

Слишком стремительно течешь ты для меня, источник радости! <...>

И я должен научиться к тебе скромнее приближаться: слишком пылко стремится к тебе мое сердце.

Мое сердце, в котором пылает мое лето, короткое, жаркое, унылое, чрезмерно блаженное: как жаждет мое летнее сердце твоей прохлады!

Прочь, медленная скорбь моей весны! Прочь, злоба моих снежных хлопьев в июне! Я сделался всецело летом и полуднем лета!

Летом с холодными источниками и блаженной тишиной; о, идите, друзья мои, чтобы тишина сделалась еще блаженней!

Ибо эта наша *высота* и наша родина! Слишком высоко и недоступно живем мы здесь для всех нечистых и для их жажды.

Бросьте только ваш чистый взор в источник моей радости, друзья! Как мог бы он помутиться от этого! Улыбаться должен он вам своей чистотой.

На дереве будущего вьем мы свои гнезда; орлы должны нам, одиноким, приносить в клювах свою пищу!

Поистине, то не будет пищей, которой совместно с нами могли бы совместно питаться и нечистые; им казалось бы, что они пожирают огонь, и сожгли бы себе рты!

Поистине здесь мы не приготовили родного места для нечистых! Ледяной пещерой явилось бы наше счастье для их тел и духа!»

«Так говорил Заратустра» Ф. Ницше. «Сирин», 1990, книга 1, стр. 74–76. «О черни».

⁶⁷ «родные»: см. примечание 62.

⁶⁸ «море душистой тени» – А. А. Фет «Солнце ниже лучами в отвес». <1863>

⁶⁹ «густолистого леса» – А. А. Фет «Солнце ниже лучами в отвес...» <1863 г.>:

не проникал»⁷⁰. Тютчев же смело и легко приобщался к порыву природы в «летних бурях»,⁷¹ переживал восторг рокового предвестия гибели года; под этими теплыми, скрывающими солнце, в просветах грозных туч небесами. Этот восторг так широко и больно выразился в том наблюдении, что

«...кой-где первый желтый лист, –
Крутясь слетает на дорогу»⁷².

Бесконечная сущность у Тютчева – если она признается истинно-сущей во всех явлениях, и только в них, то она может мыслиться бесконечною лишь поскольку она есть бесконечное множество всех явлений, иными словами – бесконечное пространство и время. Но это одно сопоставление понятий включает в себя внутреннее противоречие. Всякое явление, которое, если дано, предполагает пространство, и время, предполагает, иными словами, нечто внешнее, относительно него: без этого внешнего, чему оно является, без подлежащего явления, само явление не может быть, возникать. Итак, бесконечность явлений, что то же – бесконечное пространство и время означало бы такое состояние, в котором нечто бесконечное не могло бы быть без внешнего к нему конечного; это было бы безусловное поставленное для ближайшей необходимости бытия в зависимость от условия, беспредельная ограниченность.

Таким образом, самое понятие о бесконечном множестве ограниченных предметов содержит внутреннее противоречие. Множество ограниченных предметов не может быть бесконечно. В этом – несостоятельность учения о Бесконечности, как только о Целом пространственных и временных единиц, то есть чистого пантеизма, к которому ближе всех был Спиноза, а еще ближе некоторые философствующие приверженцы точной науки нашего времени, например, Тэн, да и Гюйо и Ницше⁷³. Но столь же несостоятельно и понятие

«Чтоб и я в том *море* исчез,
Потонул в той *душистой тени* ?
Что раскинул твой пышный навес;
Распахни мне объятия твои,
Густолистый , развесистый *лес* !»

⁷⁰ «под липою густою», куда «полдневный зной не проникал» –
А. А. Фет «Лето»: «Как здесь свежо под липою густою – /Полдневный зной сюда не проникал...» <1854 г.>

⁷¹ «летних бурях» –
А. А. Фет «Как весел грохот летних бурь...» <1851 г.>

⁷² «...кой-где первый желтый лист, –
Крутясь слетает на дорогу».
Ф. И. Тютчев «Как весел грохот летних бурь...» <1851 г.>

⁷³ Пантеизм, *греч.* , учение, отождествляющее Бога с миром, причем мир является лишь внешней стороной, обнаружением, проявлением Бога. В древности П. свойствен индийской философии, элейцам, стоикам, неоплатонизму, в новое время его представители Спиноза, Шеллинг, Гегель и др. Пантеизм (от *пан...* и греч. *theus* – бог) – философское учение, отождествляющее бога и мир. Термин «пантеист» был введен английским философом Дж. Толандом (1705), а термин «П.» – его противником, нидерландским теологом И. Фаем (1709). В пантеистических концепциях нередко скрывались натуралистические тенденции, растворявшие бога в природе и подводившие к материализму, представляя собой учения, оппозиционные по отношению к господствовавшему теистическому религиозному мировоззрению. Иногда же в форму П. облекались религиозно-мистические стремления, растворявшие природу в боге. В 1828 г. немецкий философ К. Краузе для обозначения своей идеалистической системы, чтобы отличить ее от системы натуралистической и материалистической П., ввел термин «панентеизм» (от *греч.* *pán en theó* – все в боге).

Спиноза Бенедикт (Барух) (1632–1677) – нидерландский философ-материалист и пантеист, создатель геометрического метода в философии. Опираясь на механико-математическую методологию, стремился к созданию целостной картины мира. Продолжая традиции пантеизма, сделал центральным пунктом своей онтологии тождество бога и природы, которую понимал как единую, вечную и бесконечную субстанцию, исключая существование какого-либо другого начала, и тем самым – причину самой себя.

бесконечности как только бытия внепространственного и вневременного, перед которым весь мир предельный, то есть вышедший из разделения между «я» и «не-я» – ничто, пустой обман. Это учение кантовской критики и шопенгауэровского буддизма. Здесь противоречие еще легче вскрыть. Прежде всего мы ощущаем себя только коль скоро у нас есть мир внешний: будь этот мир – даже временный обман, надо знать причину, по которой возник этот обман.

На это Шопенгауэр говорит, где нет подлежащего и предмета, нельзя спрашивать о причинах: причинность, иными словами «логика», есть только коль скоро есть «я» и «не-я». Но кто же это доказал, что состояние разделения между «я» и «не-я» есть обман и что, значит, логика, обусловленная им, вне его не действительна? Конечно, та же логика. Критика познания, то есть мышления, восприятия и ощущения произведена тем же мышлением, восприятием и ощущением; чем же она достовернее самого непроверенного мышления, а также восприятия и ощущения?

С другой стороны, если опять-таки исходить из понятия истинной бесконечности, так еще менее будет отвечать ему, чем понятие о бесконечном множестве предметов, понятие о бесконечном единстве, единообразии и о множестве, многообразии как о призрачном явлении.

Призрак временно, или призрак времени чувствуется призрачным сознанием, и, если он только хоть на миг чувствуется, он вне бесконечного единства. Если же относительно него есть нечто внешнее, так оно уже ограничено чем-то, не бесконечно.

Вполне соответствовать понятию бесконечности может только мысль о бытии, сущем во всех формах, явлениях и их подлежащих и вместе с тем вполне вне их, в состоянии, свободном от всяких подлежащих и явлений, то есть чисто единообразном. А. Толстой подошел к такому понятию, признав в бесконечном бытии пространственные и временные различия – формы и творчество их, но как то, так и другое в виде, свободном от всякого взаимного ограничения и беспредельном. Таким образом, он и соединил конечное с бесконечным более всего со стороны качественной, признав все качества явлений присущими сущности. Тютчев подошел к такому понятию, признав в бесконечном бытии сумму силы всех явлений. Конечное с бесконечным он соединил таким образом более всего со стороны количественной, чувствуя в каждом явлении приток необъятной суммы сил, заложенной в сущности. На эту сторону, на «материал» А. Толстой, в свою очередь, не обратил должного внимания, преимущественно относя ее на счет «хаоса» и Сатаны. Сатана говорит: «а так как мир Господь из ничего создал, то я тот самый [материал], который послужил для мироздания»⁷⁴. Через это, в свою очередь, обнаруживается, что тот количественный запас сил, которым А. Толстой был отделен от Божества, и сводился зато к чему-то вполне неуловимому, что остается, если отвлечься от всех форм, между тем, так как в творчество форм, в дело Слова входит, конечно, и запас относительно безобличных⁷⁵ сил, так и в сущность божества у того же поэта могли быть введены количественные элементы. А у Тютчева, с другой стороны, раз он чувствовал существенность и множество образов в мире, то в природе бесконечной суммы сил он несомненно усматривал и некоторые качественные признаки.

Характерный образец этого для Тютчева представляет картина двух беспредельностей,

Гюйо, Жан Мари [Guyau] (1854–1888, Ментона) – французский философ, сторонник утилитаризма; рассматривал духовные явления с точки зрения их биологической полезности. Автор «Эскиза морали без обязательств и санкций» (1884), посвященного человеческой солидарности.

Тэн (Taine) Ипполит Адольф (21.4.1828, Вузьер, Арденны – 5.3.1893, Париж) – французский философ, историк, искусствовед, психолог. Представитель позитивизма первой «классической» формы, испытал на себе влияние О. Конта. Исходил из допущения о первостепенной роли в развитии обществ и народов их географического положения и природных условий. Первым предпринял попытку исследования функционирования искусства в контексте определенного исторического момента. По его мнению, научная эстетическая критика – в отличие от морали – должна опираться на то, что создание или восприятие произведения искусства обусловлено тремя факторами: расой, средой и моментом

⁷⁴ «а так как мир Господь из ничего создал, то я тот самый материал, который послужил для мироздания». А. К. Толстой «Дон Жуан». Драматическая поэма. (1859–1860)

⁷⁵ менее обличенных

бывших в нем. Они живописуются очень отчетливыми и тонкими чертами. Вообще, явственно чувствуется, при восприятии тютчевской поэзии, как прозренная им в ночи бездна распадается на различные обличья, стало быть, выходит из чистого безличья, а между тем ничуть не умалется в своей таинственности и неизмеримости.

Таким образом, мало-помалу оказывается, что чувство «бездны» у Тютчева есть нечто объемлющее всякие, какие были от века ощущения Божества, Сущего. Это есть не что другое, как необъятная буря всего, что сверх и за пределами «нормального» человеческого восприятия и мышления⁷⁶.

Эта буря – просто целая часть человеческого существования, которая есть в то же время и часть некой иной жизни: об этой иной жизни можно сказать только, что она есть высшее Величие и Сила и что она Неведома, потому что ее не вместить в образ. И это та же жизнь, которую Воля и Воображение и Разум человеческий исследовали, ворожа, созерцая, прозревая и размышляя. Но после всего осталось у одних безысходное Недоумение, у других – непреложная Вера, у третьих – вещая догадка. Первые – люди знания и мысли, вторые – мудрецы, третьи – мечтатели-художники.

Итак, в едином Бrame, «живом алтаре мироздания»⁷⁷ – по представлениям Фета – не более чем «дым творческих грез»⁷⁸, в остальном же оно «незыблемый покой», «огненные его розы неподвижны»⁷⁹. Откуда произошло разнообразие движений и состояний, личного восприятия с предметами, ничем у этой поэзии нет сил представить, как только тем соображением, внушением, что состояние в движении – преходящий сон, а если нет состояний, так и движение – ничто⁸⁰.

Итак, чувство бездны у Тютчева всегда составляет чувство недоступности для

⁷⁶ Перечеркнуто: «В эту бурю слиты все вещи чужия, гадания, заклания, созерцания, умозрения человеческой единицы о Вечном, о том, что Выше: Величии и Силы большей или просто о Неведомом и Невидимом».

⁷⁷ «живом алтаре мироздания» – А. А. Фет «Измучен жизнью, коварством надежды...» <1864?>:

И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мирозданья курится,
В его дыму, как в творческих грезах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится».

⁷⁸ «дым творческих грез» – А. А. Фет «Измучен жизнью, коварством надежды...» <1864?>

⁷⁹ «огненные его розы неподвижны» – А. А. Фет «Измучен жизнью, коварством надежды»: <1864?>

⁸⁰ Сравните этот абзац с заключительным абзацем статьи «Мистическое чувство в русской лирике»: «В едином Бrame, в «живом алтаре мироздания» только «дым творческих грез», в остальном же оно незыблемый покой: жертвенник неподвижен и «огненные розы» негоряемы».

//И. Коневской «Мечты и думы». «Водолей», Томск, 2000, стр. 283.

После абзаца рукой автора написано: «Переход к А. Толстому».

Здесь уместно привести незавершенную статью «Самые общие начала понимания поэзии А.К. Толстого»:

«Его восстановление значения формы и многообразия в противоположность безличному единообразному бытию (Фет) и личной человеческой воли и сознания в противоположность мировому бытию: в единицах проявляющемуся и изволяющему, но и вечно изменяющему их (Тютчев). Сохранение тютчевского совмещения всех движений и образов с вечным присутствием, дополнение разумным разрешением внутренней противоположности этого утверждения, в противоположность Фету, вскрывшему противоположность, но не нашедшему связующего мысленного члена, а лишь разъединившему члены в их же совместности.

Тютчевская поэзия – противоразумно – всепризнающая, всеутвердительная, фетовская – более, но не вполне разумно отрицающая, устраняющая одну половину бытия, Алексей Толстой – наиболее разумно посредствующая между обоими половинами, но ради этой задачи, некоторые части от обеих половин отнимающая, устраняющая.

У Тютчева во всех качествах и количествах, как известных, так и не известных нам, – вечное и вместе с тем каждое, в своем ограниченном образе и виде – невозвратно преходящее».

<...>

человеческой ограниченности и неизмеримости сил. И в то же время существенный признак того же представления, что все это бытие, непознаваемое и превосходящее человеческие пределы есть «животворный океан жизни божески всемирной»⁸¹. Этому поэту глубоко свойственно ощущение нераздельного кровного присутствия этой «бесконечности» в пестром вихревании конечных тварей и ее слитности с их игрой. Бесконечность для него только – бесконечность сил, действующих в пространстве, иными словами, это бесконечность, значит, рассматривается всегда ограниченным «я» несмотря на то, что оно иногда в мечтах поэта должно было, «безразлично, как стихия», слиться с «бездной роковой»⁸².

Но на самом деле, «я», принимая в себя наплыв этой бесконечности, сознавая свое участие в ней, никогда не хочет выходить вполне из оболочки тела, какой-нибудь, впрочем, нечеловеческой – то есть условий конечности.

Между тем Фет, погружаясь в бездны ночи, всегда невозвратно «таял в дуновении мировых грез»⁸³, веровал, что всякий «отблеск солнца мира» – «только сон мимолетный»⁸⁴. Смерть для него была «ночь безрассветная и вечная постель» или «бессмертный храм Бога»⁸⁵,

81 Ф. И. Тютчев. «Не о былом вздыхают розы...»:

В сей животворный океан.
Приди – струей его эфирной
Омой страдальческую грудь
И жизни божески-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

82 А. А. Фет «Смотри, как на речном просторе...»:

Все вместе – малые, большие,
Утратив прежний образ свой
Все – безразличны, как стихия, –
Сольются с бездной роковой.

83 «таял в дуновении мировых грез» –
А. А. Фет «Измучен жизнью, коварством надежды...»:

И этих грез в мировом дуновенье,
Как дым, несусь я и таю невольно;
И в этом прозреньи, и в этом забвеньи
Легко мне жить и дышать мне не больно.

84 «отблеск солнца мира» – «только сон мимолетный» – А. А. Фет «Измучен жизнью, коварством надежды...» <1864?>:

И все, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотской и бесплотный, –
Твой только отблеск, о солнца мира,
И только сон, только сон мимолетный.

85 А. А. Фет «Смерти» <1884>:

Вот почему я вас без страха ожидаю,
ночь безрассветная и вечная постель;

«бессмертный храм Бога» – А.А.Фет «Смерть» <1878>:

Но если жизнь – базар крикливый Бога,
То только смерть его бессмертный храм.

то есть состояние какого-то вечного торжественного покоя.

В противоположность А. Толстому, поэту требований самостоятельной личности, сосредоточения мирового разнообразия в ее нераздельном сознании и цельной форме, Фет, поэт растворения личности, слияния ее с движением, волнением внешнего мира. Ему особенно сродни темные перерождения <?> вечной <?>: «Покорны солнечным лучам, так сходят корни в глубь могил./ И там у смерти ищут силы бежать навстречу вешним дням»⁸⁶.

А. Толстой в высшей степени явственно характеризовал душевный мир фетовский в сопоставлении бесконечности своим собственным:

Когда природа вся трепещет и сияет,
Когда ее цвета ярки и горячи,
Душа бездейственно в пространстве утопает
И в неге врозь ее расходятся лучи⁸⁷.

Таково именно фетовское ощущение природы – жаркое, теплое, тающее и млеющее в «кипучем огне» «солнца мира», в «огненных розах», в дыме и курении мирового алтаря, самопотопление в каком-то растопленном состоянии. У А. Толстого личность внутри себя находит прозрачную сень, которая ограждена от внешнего жара, нетающий изваянный образ, крепкое и ясное зеркало, которое в один очаг, в одно горнило отражает и собирает лучи природы, сосредотачивает и жар ее, как зажигательное стекло. Но само стоит непоколебимо, твердо и не может быть разбито.

Таким образом, у А. Толстого и все предметы вмещаются в их кристальной чистоте и отточенности, и собственный облик сохраняется в стройности и четкости. А. Толстой привержен к качествам творения, сущность для него всегда во «всесторонности», это – «совокупность всех явлений», «всех слияний полнота»⁸⁸. Фет боготворит лишь бесконечность сил, бездну, необъятную количественную сумму бытия, сущность для него – в лучшем случае света и жара, «солнце мира»⁸⁹, а там – «бездонный океан»⁹⁰, стихия чуждая, запредельная. В свою очередь это не совсем то же, что «хаос», «бездна» Тютчева – буря «вселенского бытия», вечное волнение, разливающееся по всем творениям, или даже еще общее – все, что лишь чуть-чуть может ощущаться в предметах человеческим чувством, все, что лишь смутно чудится ему, а не выделяется в законченном и отчетливом виде – и это потому, что безмерно превосходит человеческое сознание легкостью, быстротой и величиной.

Фет будучи даже особенно чуток и близок был к темным процессам роста и перерождения в органической природе, от этого он не менее Тютчева приветствовал возрождение весны:

⁸⁶ А. А. Фет. «Еще люблю, еще томлюсь...» <10 декабря 1890>

⁸⁷ А. К. Толстой «Когда природа вся трепещет и сияет...» <1858>

⁸⁸ «совокупность всех явлений,
всех слияний полнота» –
А. К. Толстой «Дон Жуан». Драматическая поэма:

Бог один есть свет без тени,
Нераздельно в нем слита
совокупность всех явлений,
всех слияний полнота...

⁸⁹ «солнце мира» –
А. А. Фет. Ст. «Измучен жизнью, коварством надежды». <1864>

⁹⁰ «бездонный океан» –
А. А. Фет. «Смерть». <1878>

«...и бессознательная
сила свое ликует торжество»⁹¹.

В таких словах совокупил он все свое чувство весеннего рассвета, радости. И в них (же) сказало все его отношение к миру отдельных явлений*. Все значение его только в том, что он рожден какой-то «бессознательной силой», а в другой миг творчества он прямо уже почувствовал в этой жизнерадостной силе смерть:

Покорны солнечным лучам
Так сходят корни в глубь могилы,
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.

Мир проявлений бессознательной «воли к жизни»⁹² есть мир, только и держащийся, отличный тем, что непрерывно переходит из смерти в смерть. Блеск и цвет жизни всегда для него не более чем обольстительный призрак. Его влечет в нем лишь из века в век возобновляющийся радужный обман, и весной он услаждается, как юношеским кипением горячих сил, как самым блистательным и тем скорее преходящим возрастом бытия. Дыша «на груди земной», поэт «бежит навстречу вешним дням», после того, что он как древесные корни, «сошел [сходил] в глубь могилы». Так все значение жизни для этого поэта – в том, что она рождена «смертью», какой-то вполне «бессознательной силой», и чем ярче вспыхивает, чем жарче вскипает, тем неминуемее и стремительнее ее увлекает замереть в том же темном хаосе. Жизнь мироздания для Фета всегда является чем-то, что под все растворяющим теплом льется и бьется: только в этом и нега его и назначение.

Таким образом, в прямую противоположность Тютчева, для которого земная весна была проявлением вечности, для Фета блеск и цвет жизни всегда был не более чем обольстительный призрак, «только сон, только сон мимолетный»⁹³. У него всегда доставало сил быть этого «буйства живого живым отголоском»⁹⁴, но не мог сравниться с Тютчевым в той ширине духовного охвата, силой которого тот одинаково признавал и боготворил как постоянную истину и образы дня, и духов ночи.

Истинное примирение Фет находил только в тех светах дня, которые торжественно и таинственно переливаются в ночь, а еще более – в сумраке и звездных безднах. Здесь он открывал тоже смерть, исчезновение личности, но уже не ту, которая давала «силу бежать навстречу вешним дням», такую, которая дарует какой-то торжественный покой, есть «бессмертный храм Бога».

Так этим поэтом – отрицателем личных различий вскрыто было основное внутреннее противомыслие в том целостном сложении вселенной, которое объявлено в поэзии Тютчева.

⁹¹ «...и бессознательная сила свое ликует торжество» –
А. А. Фет «Я ждал. Невестою-царицей...» <1860?>.

⁹² «воли к жизни» –
А. Шопенгауэр. В его основном произведении «Мир как воля и представление» (1819–44) сущность мира и человека предстает как бессознательная «воля к жизни».

⁹³ «только сон, только сон мимолетный» –
А. А. Фет «Измучен жизнью, коварством надежды...» <1864?> См. примечание 84.

⁹⁴ А. А. Фет «Моего тот безумства желал, кто смежал...» <25 апреля 1887?>:

И, сознание счастья на сердце храня,
Стану буйства я жизни живым отголоском.

Фет противопоставил, как несовместимые и несложимые единицы, с одной стороны, то бытие или сущность, которая неведома, непостижима, едина, вечна и бесконечна, и с другой стороны, то существование, которое человеку известно, осязаемое, в некоторых пределах вполне понятное или, по крайней мере, не противоречащее пониманию по существу своему. Но так как за указанными пределами человеческое ощущение и понимание, вообще человеческое существо прекращается, а между тем весь первый состав человека со своими предметами нельзя не полагать за теми же пределами, то Фетом и было сделано заключение, что, если чего нет, или что недавно только стало и вскоре не будет, так уж, конечно, не что иное, как именно это бытие, которое заключено в таких пределах, что себя же самого не знает всецело, то есть само есть лишь отчасти. Так этот поэт и отрицал мир, осязаемый человеком, и человека, ощущающего мир, окончательно обрекал его на невозвратное уничтожение и признавал бытие единственно за миром противоположного рода – миром беспредельным. Но таким путем не найдено было исхода из той величавой картины, которая представилась духу Тютчева, среди которой одна и та же сила и безусловность прозревалась столько же в каждой части и доле, сколько в величайшей совокупности частей, и даже в непостижимой бесчисленности, и наконец – изменению так же не виделось начала и конца, как и неизменности, Тютчев непоколебимо утверждал свою веру равносильную и в вечность, и в конечность, неотступно внушалось и то, и это его душе, непререкаемо знал и чуял он, что сам он – как это, так и то. Он очертил этот необъятный объем, он провозвестил это соединение в своем чутье, не проведя в нем разумных связей, но через это бросил раз навсегда задачу и вызов, от которого не устранился было простым отрицанием одного из условий задания или сведением его к другому из членов. Фет был прав, признав необходимую зависимость мира познаваемого от непознаваемого, раз изыскание познаваемых составных частей приводит к первым частям состава непознаваемым, так что познаваемость и познание – лишь кажущиеся, они состоят сами из непознаваемого. Но ничего не добыто было тем, что познаваемый круг явлений назван был после этого сном, призраком, обманом, потому что, как-никак, если он состоит из непознаваемости и бесконечности, так он есть прямо и часть этой бесконечности – значит, если бесконечность сил есть, так в ней не может быть всего этого временного и конечного недостатка и взаимного сокращения сил, а если он есть, хотя бы преходящий, как сон и призрак, так каким же образом он возник в едином существе? Пока человек есть человек, и жаждет откровений для своего человеческого представления и понятия, в нем всегда двойное удостоверение – есть, пока сам он есть, столько же дела и отношения, ограниченные в пространстве и времени, сколько нечто не то, что они гораздо большей силы, должно быть вечное и бесконечное, потому что собственный человеческий разум не может не вести себя от иного начала, раз он ограничен, а все, что доступно его разуму, тоже ограничено и тоже, значит, не может быть само по себе.

Есть бесчисленное множество таких явлений, которых нам не включить ни в представление, ни в понятие [которые дано лишь чуть-чуть чуять всем существом, не расчлененными его деятелями: в этом отношении их к сознанию обнаруживается для того же сознания почти всегда какое-то безмерное величие этих сил перед его силами, более всего просто от того, что ему их не сознать], с другой же стороны, когда наблюдение и разум человеческий познавали явления и познаваемые для них явления, они всюду изыскивали связь между ними, какими они находились зараз вместе или возникали одно за другим во времени. У всякого явления они искали причины, которая, присоединясь к одному из них, составила третье: это простейший вид логической или математической причинности отличается лишь недостатком составляющих членов, звеньев. И вот тут-то наблюдению и разуму пришлось дойти до чего-то непознаваемого и в познании. Изыскание причин во времени привело к признанию неизвестной первопричины. Непознаваемое оказалось, таким образом, везде и в глубине явного восприятия и понимания, или объявились те явления, без которых не было бы самого сознания, которые суть само оно.

«Бездна» ошущена была во всем: ее пришлось признать даже за какое-то родовое начало. Но над ней продолжали непрестанно представлять и вращаться отдельные явления. Дальше этой слитности восприятие этого поэта, по крайней мере, не пошло. Но и выход из человеческой ограниченности несомненно мечтался поэту только в том смысле, что «я» сознает себя само и во всем множестве своих предметов, однако и без «я» этих предметов не может

быть: если все – во мне, так необходимо должно и «я» быть во всем. Но различные направления, движения, проявления свойств раньше или позже все проходят, тонут во времени. Стало быть, вечное бытие себя и всего вне человеческой ограниченности – а это и есть «бездна» – можно понимать лишь так, что оно есть вечное, соединенное, но различенное бытие.

Каким образом из этого вечного количества возникают разнородные направления движений и образы состояний этой тайны, поэт не хотел разрешать никакими умозрительными гаданиями. Он удовлетворялся тем, что в жизни человеческого сознания не мог не ощущать постоянную слитность двух вечных единиц «я» и чего-то иного с быстротечными движениями и какими-то состояниями и предощущал какое-то совсем иное внечеловеческое бытие, где, быть может, больше иные единицы, движения и состояние, быть может, все не то, что здесь. Так мало-помалу оказывается, что чувство бездны у Тютчева есть нечто объемлющее всякие, какие были искони ощущения божества или Сущего. Это есть не что другое, как необъятная буря всего, что движется, меняется и пребывает в мире, всюду сущая, но ощущаемая лишь вне обычного или, так сказать, среднего человеческого сознания.

С этим общим бытием совпадает все, что ощущали и говорили о Неведомом Воля, Воображение и разум человеческий, веруя, ворожа, прозревая, созерцая и размышляя. В этом общем бытии – и индийский Брами, и предвечная Вала северно-германских верований, и еврейское боготворение единого внемирного Творца и Промыслителя, тайные существа и чары народного волхования и сказок...

В «бездне» – все предметы веры и вдохновенного созерцания, поскольку в ней все, что несовместимо с условиями человеческого разума. Уже одно то понятие, что вечно что-нибудь содержит невозможность для сознания «я», раз «я» не может не быть ограничено, иначе оно не было бы «я». Но вся сила в том, что и противоположное, что ничего не вечно для «я», невозможно, потому что раз оно «я», оно есть, и не быть для него невозможное сознание. Если такие невозможности – в сознании единой вечности, тем более оно есть в сознании вечности двойного «я» с предметным миром вдвоем: раз «вечно» значит то, чему нет начала и конца, как можно сознать две единицы, то есть не сознать их единства и в то же время сознать, что обе оне – без начала и конца?

Из этих невозможностей разум не выходит иначе, как созная, что в сознании вечности не может быть сознания условий разума, сознания «я», ибо само уже сознание вечность помыслило как нечто не имеющее условий и так самому же сознанию нельзя признавать в ней и своих собственных условий. Так сознание, созная вечность, не может не уничтожить себя самого. И так само собой на место него возникает исступление или вера в деле вечного бытия. Исступление – переход к вечному бытию и отрицание себя. Вера – уверенность в вечном бытии без выхода из «себя», из сознания.

Когда с сознанием совместно нет веры, тогда разум, созная, что ему нельзя не уничтожиться в вечном бытии, сомневается в этом своем сознании. Ведь самая мысль: «сознанию нельзя не уничтожиться в вечном бытии, иначе это не было бы «вечно», есть такое «нельзя не», которое присуще лишь сознанию. Этому «нельзя не» нельзя быть опять-таки только по одному из условий того же сознания. Итак, созная вечность, оно лишало всякой силы свои же собственные условия, и в этом своем предмете может, вернее, и может и не может признавать все: «нельзя не» для этого предмета то есть столько же, сколько «можно». Во всех этих «можно» относительно вечности единственный выбор делает вера; исступление же обращается ко множеству их зараз или порознь.

РГАЛИ, фонд 259, опись 3, № 11.

И Коневской

Комментарии

В настоящее издание вошли почти все стихотворения Ф.И. Тютчева – 363 из 404 известных (в т.ч. написанных на французском языке и приписываемых ему).

Все тексты печатаются по новейшему научно подготовленному изданию: *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. и письма в 6 т. М., 2002–2005. Т. 1: Стихотворения 1813–1849. М., 2002; Т. 2: Стихотворения 1850–1873. М., 2003 (сост. и общ. ред. В.Н. Касаткиной; отв. ред. Л.Д. Громова-Опульская). Из других изданий стихотворений Тютчева наиболее авторитетными в текстологическом отношении и сохраняющими свою актуальность признаются – *ПСС. 1933–1934. Т. 1–2; Лирика. 1965. Т. 1–2; ПСС. 1987.*

Нижеследующие примечания преимущественно основаны на перечисленных изданиях; учтены также данные новейшей летописи жизни поэта (*Летопись. Т. 1–2*). Все неоговоренные даты – по старому стилю.

Список сокращений

Галатея – «Галатея», журнал литературы, новостей и мод, издаваемый Раичем. М., 1829–1830, 1839–1840.

Летопись. Кн. 1–2 – Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева / Науч. руководитель Т. Г. Динесман. Кн. 1. 1803–1844. М., 1999; Кн. 2. 1844–1860. М., 2003.

Лирика. 1965. Т. 1–2 – *Тютчев Ф.И.* Лирика. Т. 1–2 / Изд. подготовил К.В. Пигарев. М.: Наука, 1965 (серия «Литературные памятники»).

Новонайденные стихотворения. 1879 – Новонайденные стихотворения Ф.И. Тютчева / Предисл. И.С. Аксакова. М., 1879.

Новые стихотворения. 1926 – Тютчев Ф.И. Новые стихотворения / Ред. и примеч. Г.И. Чулкова. М.; Л.: Круг, 1926.

ОЛРС – Общество любителей российской словесности при Московском университете.

ПСиП. Т. 1–6 – *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. и письма в 6 т. М., 2002–2005.

ПСС. 1933–1934. Т. 1–2 – Полн. собр. стихотворений в 2 т. / Ред. и коммент. Г. Чулкова. Вступ. статья Д.Д. Благого. М.; Л.: Academia, 1933–1934.

ПСС. 1987 – *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. стихотворений / Сост., подг. текста и прим. А.А. Николаева. Л., 1987 (Б-ка поэта, бс).

Северная лира. 1827 – Северная лира на 1827 год. Посвящается любительницам и любителям отечественной словесности Раичем и Ознобишиным. М., 1827.

Стих. 1868 – Стихотворения Ф. Тютчева / Подгот. И.Ф. Тютчев и И.С. Аксаков. М.: Тип. А. Мамонтова, 1868.

Соч. 1886 – Сочинения Ф.И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи / Подгот. Эрн. Ф. Тютчева, наблюдение за печатью А.Н. Майков. СПб., 1886.

Соч. 1900 – Сочинения Ф.И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи / Подгот. Эрн. Ф. Тютчева, А.А. Флоридов; предисл. И.Ф. и Д.Ф. Тютчевых. СПб., 1900.

Труды ОЛРС – Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М., 1812, 1816–1826.

Уrania. 1826 – Уrania. Карманная книжка на 1826 год для любительниц и любителей русской словесности, изданная М. Погодиным. М., 1826.

«**ВСЕСИЛЕН Я И ВМЕСТЕ СЛАБ...**» 1810-е. Впервые – *Новые стихотворения. 1926. С. 85*. Датируется 1814–1815 гг. или концом 1810-х. Согласно помете в автографе, это перевод, но источник его не установлен. В первых строках – переключка со стихами Г.Р. Державина: «Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю, / Я царь – я раб – я червь – я бог» (ода «Бог», 1784).

ПОСЛАНИЕ ГОРАЦИЯ К МЕЦЕНАТУ, В КОТОРОМ ПРИГЛАШАЕТ ЕГО К СЕЛЬСКОМУ ОБЕДУ. <Февраль 1819>. Впервые – *Труды ОЛРС. 1819. Ч. 14. Стихотворения. С. 32–36*. Первое опубликованное стихотворение Тютчева. Вольный перевод оды римского поэта Горация (Квинт Гораций Флакк, 65–8 до н.э.), обращенной к его покровителю Гаю Цильнию Мecenату (Оды, Кн. III, 29). Перевод длиннее оригинала, причем Тютчев убрал все древнеримские реалии, распространил речь о добродетелях государственного мужа и внес чуждые подлиннику религиозно-дидактические мотивы (см. со слов

«Благоговейте, персти чада!»). Стихотворение было прочитано на заседании ОЛРС 8 марта 1819 г. *Крины* – лилии. *Кастальские девы* – музы. *Пенат* (римск. миф.) – бог-хранитель домашнего очага. *Небесный лев* – созвездие Льва, знак августа. *Сильван* (римск. миф.) – бог леса и дикой природы, отождествлявшийся с греч. Паном. *Фемиды жрец* – судья. *Отец природы* – в оригинале здесь Юпитер, верховное божество. *Нот* – южный ветер.

УРАНИЯ. <Июль 1820>. Впервые – *Речи и отчеты Императорского Московского университета. М., 1820. С. 1–6*; вышел также отдельный оттиск с титульным листом (М., 1820). Стихотворение было прочитано на торжественном годовом собрании Московского университета 6 июля 1820 г. Перекликается с приуроченными к университетским торжествам стихотворениями А.Ф. Мерзлякова, в которых также оптимистически освещаются роль и судьбы наук и искусств в истории человечества («Ход и успехи изящных наук», 1812; и др.). Из других русских сочинений аналогичной тематики к тютчевскому ближе всего стихотворение Н.М. Карамзина «Поэзия» (1792). *Уrania* – «небесная», в греч. мифологии муза астрономии; здесь олицетворение Премудрости (Софии). *Дщери Мнемозины* (греч. миф.) – девять муз, дочери персонифицированной памяти. *Хариты* (греч. миф.) – богини изящества и привлекательности, соответствуют римским Грациям. *Урании остров* – аллегория странствующего во времени «храма наук», в ближайшем смысле – Московский университет. *Аквилон* – северный ветер. *Фарос* – здесь: маяк. *Небесный храм* – т.е. храм Урании, в котором она как *Мудрость* окружена девятью (по числу муз) аллегорическими фигурами: Мир, Суд правый, Страх Божий, Благосердие, Верность, Любовь к отчизне, Доблесть, Терпенье и Труд. *Вавилон*, *Фивы* (египетские) и *Персеполь* (столица древнеперсидского царства) – в древности эти города были центрами культа солнца; статуя *Мемнона* возле Фив некогда издавала гармонический звук при появлении солнечных лучей. *Эгея на берегах* – на берегах Эгейского моря. *Певец слепой* – легендарный греческий поэт Гомер (VIII в. до н.э.); среди приписываемых ему сочинений есть несколько гимнов к Аполлону, богу солнца. *Удары... Ареевой десницы* – то же, что *Марсов гром*, т.е. действия бога войны. *Лебедь Мантуи* – римский поэт Вергилий (Публий Вергилий Марон, 70–19 до н.э.), уроженец Мантуи; с рассказа о гибели *Трои злосчастной* начинается его поэма «Энеида». *Сатурн* – здесь: олицетворение времени. *Феррарский орел* – итальянский поэт Торквато Тассо (1544–1595), долго живший в Ферраре, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим» о первом крестовом походе 1096–1099 гг. *Храм Солимы* – Храм Гроба Господня в Иерусалиме. *Таг* – Тахо, главная река на Пиренейском полуострове. *Младой Певец* – португальский поэт Луис де Камозэнс (1524–1580), автор поэмы «Лузиады» о плавании Васко да Гамы в Индию. *Два гения* – английский поэт Джон Милтон (1608–1674) и немецкий поэт Фридрих Готлиб Клопшток (1724–1803): первый *гремел паденье* человека в поэме «Потерянный Рай», второй – *благовестил спасенье* в евангельской эпопее «Мессиада». *Росский Пиндар* – М.В. Ломоносов, называемый так по аналогии с греческим одописцем Пиндаром (VI – V вв. до н.э.) и прославлявший *царя-героя* Петра I и царствование императрицы *Елизаветы* Петровны. *Аракс* – здесь: Волга, на берегах которой, под Казанью, родился Г.Р. Державин, *Певец Фелицы*, т.е. императрицы Екатерины II. *На троне Человек* – слова из стихотворения Державина «На рождение в Севере порфирородного отрока» (1779), т.е. будущего *царя сердец* Александра I. *Закрылись Януса врата* – т.е. установился мир после победы над Наполеоном в 1815 г. *И здесь, где все – от благодати твоей...* – в Московском университете, обновленном после пожара Москвы 1812 г.

«НЕВЕРНЫЕ ПРЕОДОЛЕВ ПУЧИНЫ...» 14 сентября 1820-го. Впервые – *Соч. 1900. С. 13*. Обращено к Семену Егоровичу Раичу (наст. фамилия Амфитеатров, 1790 или 1792–1855), в недавнем прошлом домашнему учителю Тютчева, поэту и переводчику. Написано по случаю завершения им перевода поэмы Вергилия «Георгики», над которым он трудился с 1818 г., долгое время никому, кроме Тютчева, его не показывая (отдельное издание вышло в 1821 г.). *Древо Аполлона* – лавр.

К ОДЕ ПУШКИНА НА ВОЛЬНОСТЬ. 1820? Впервые – *Русская старина. 1887. Т. 56, октябрь. С. 129* (здесь слова «царей» и «тиранам закоснелым» заменены точками, строка

«своей волшебною струною» пропущена). Отклик на оду А.С. Пушкина «Вольность» (1817 или 1819). Тютчев говорил о ней с М.П. Погодиным 1 ноября 1820 г., на этом основании стихотворение обычно датируют ноябрем, но есть также предположение, что оно написано раньше – летом 1820 г. (см.: *Летопись. Кн. 1. С. 38, 40*). *Дух Алцея* – греческого лирика Алкея (VII – VI вв. до н.э.), прославившегося тираноборческими стихами для исполнения в кругу пирующих заговорщиков – членов гетерии (политического союза знатных граждан). *Под царскою парчою... смягчай, а не тревожь сердца!* – В «Вольности» Пушкин, обращаясь к «владыкам», напоминал о казни французского короля Людовика XVI и убийстве Павла I. Представление о назначении поэзии смягчать «жестокое сердца» и служить миру и согласию ближайшим образом восходит к Н.М. Карамзину. См. также стихотворение Тютчева «Поэзия» (1850).

ВЕСНА (Посвящается друзьям) («Любовь земли и прелесть года...»). <1821>, <1828>. Впервые (первый вариант под заглавием «Весеннее приветствие стихотворцам») – *Труды ОЛРС. 1822. Ч. 1. Сочинения в прозе и стихах. С. 164–165*; второй вариант – *Русский зритель. 1828. Ч. 3. № 11–12. С. 195–196*. Стихотворение было прочитано на заседании ОЛРС 30 апреля 1821 г. В первом варианте отсутствовала обращенная к «наставникам» заключительная строфа, а между третьей и четвертой строфами имелись еще восемь стихов:

О вы, чей взор так часто освящен
 Благоговения слезами,
 Природы храм отверст, певцы, пред вами!
 Вам ключ к нему Поэзией вручен! –
 В парении своем высоком
 Не изменяйтесь никогда!..
 И вечная природы красота
 Не будет вам ни тайной, ни упреком!..

А.Н. М. («Нет веры к вымыслам чудесным...»). 13 декабря 1821-го. Впервые полностью – *Русский зритель. 1828. Ч. 4. № 13–14. С. 70–71*; ранее две первые строфы были приведены в статье Д.П. Ознобишина – *Северная лира. 1827. С. 358–359*. Адресовано Андрею Николаевичу Муравьеву (1806–1874), впоследствии поэту, известному духовному писателю и церковному деятелю. Домашним учителем у него в 1820–1823 гг., как и ранее у Тютчева, был С. Е. Раич, восхищавшийся наивным восприятием природы у «древних» и, возможно, подавший ученикам повод для дискуссии, в которой Муравьев выступил в роли скептика и рационалиста, а Тютчев – в роли энтузиаста и обличителя «раба ученой суеты». См. также стих. «Андрею Николаевичу Муравьеву» («Там, где на высоте обрыва...», 1869).

ОДИНОЧЕСТВО (Из Ламартина). 1820–1821, <март 1822>. Впервые – *Русский инвалид. 1822. № 68 (17 марта). С. 271–272*; ранняя редакция (под заглавием «Уединение») вышла чуть позднее – *Труды ОЛРС. 1822. Ч. 2. Сочинения в прозе и стихах. С. 231–233*. Перевод стихотворения французского поэта Альфонса де Ламартина (1790–1869) «Уединение» («L'isolement»), открывавшего первый сборник его стихов «Поэтические размышления» («Méditations poétique», 1820). Первая редакция перевода была прочитана 18 марта 1822 г. в ОЛРС в Москве, вторая – 20 марта 1822 г. в Вольном обществе любителей российской словесности в Петербурге.

ГЕКТОР И АНДРОМАХА (Из Шиллера). <1822>. Впервые – *Труды ОЛРС. 1822. Ч. 2. Сочинения в прозе и стихах. С. 204–205*. Перевод стихотворения Фридриха Шиллера (1759–1805) «Прощание Гектора» («Hektors Abschied», 1780) на сюжет из VI песни «Илиады» Гомера, где рассказывается о прощании *Гектора*, сына троянского царя *Приама*, с женой *Андромахой* и сыном Астианаксом, перед тем как отправиться на поединок с Ахиллом, в котором Гектору предстоит погибнуть. Написано до отъезда Тютчева за границу в июне 1822 г. *Пелид* – Ахилл, сын Пелея. *Пергам* – Троя. *Стикс, Лета* – реки в царстве мертвых.

«НА КАМЕНЬ ЖИЗНИ РОКОВОЙ...» 1822 или 1827–1828? Впервые – *Атеней, журнал наук, искусств и изящной словесности, издаваемый М. Павловым. 1829. Январь. Ч. 1. С. 61–62* (под заглавием «К N.N.»). Шуточное обозрение литературной деятельности С. Е. Раича. Возможно, написано в связи с защитой им магистерской диссертации в Московском университете 29 апреля 1822 г., упомянутой в последних строках стихотворения («спорил... на Диспуте магистра»). На этом основании обычно датируется 1822 г. (см.: *Летопись. Кн. 1. С. 56*). Другая дата – 1827–1828 гг. – впервые была предложена Н.В. Королевой, обратившей внимание, что стихотворение написано размером раичевского перевода поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (вышел отдельным изданием в конце 1827 г., на титуле – 1828 г.) (см.: *Тютчев Ф.И. Стихотворения / Вступ. ст. и подг. текста Н.Я. Берковского; примеч. Н.В. Королевой. М.; Л., 1962. С. 383* (Б-ка поэта, бс). «Балладная» метрика в переводе большой поэмы вызвала оживленную полемику современников, так что использование ее здесь Тютчевым не случайно. *Предстал во храм Свободы, но мрачных жертв не приносил, служба ее кумиру...* – намек на эпизодическое членство Раича в декабристском «Союзе благоденствия» в 1818–1819 гг., которое сам Николай I в 1826 г. повелел следственной комиссии «оставить без внимания». *Повесть начертал Орфеевой супруги...* – рассказ об Орфее и Эвридике входит в IV книгу переведенных Раичем «Георгик» Вергилия.

ПОСЛАНИЕ К А.В. ШЕРЕМЕТЕВУ. Январь 1823-го. Впервые – *Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1961. С. 247–248*. Есть предположение, что стихотворение написано позднее – «не ранее января 1828 г., не позднее января 1830 г.» (см.: *ПССуП. Т. 1. С. 297–298*). Алексей Васильевич *Шереметев* (1800–1857) – двоюродный брат Тютчева, служивший в лейб-гвардии конной артиллерии, а в 1822 г. назначенный адъютантом к графу Петру Александровичу Толстому (1761–1844), командующему расквартированным в Москве пехотным полком. *В кругу своих...* – В Москве жили мать и сестры Шереметева. *Героя-агронома... плуг Толстого...* – П.А. Толстой был одним из главных деятелей Московского общества сельского хозяйства.

ПЕСНЬ РАДОСТИ (Из Шиллера). Февраль 1823-го. Впервые – *Северная лира. 1827. С. 30–36*. Вольный перевод гимна Ф. Шиллера «К радости» («An die Freude», 1785). В переводе взамен условного политеизма подлинника строго выдержан монотеистический принцип («Бог» вместо «боги») и нет многократных воззваний Шиллера к «миллионам» («Миллионы, обнимитесь!» и др.).

ДРУЗЬЯМ ПРИ ПОСЫЛКЕ «ПЕСНИ РАДОСТИ» – ИЗ ШИЛЛЕРА. 1823 или 1824-й. Впервые – *Галатей. 1829. Ч. 6. № 29. С. 153–154*. Возможно, адресовано членам кружка С.Е. Раича, составившим под его председательством вскоре после отъезда Тютчева за границу общество «любителей словесности» – так называемое «Общество друзей» (1822–1825).

СЛЕЗЫ («Люблю, друзья, ласкать очами...»). 21 июля 1823-го. Впервые – *Северная лира. 1827. С. 182–183*. Эпиграф – из латинского стихотворения английского поэта Томаса Грея (1716–1771) «Фрагмент из Алкея» («Alcaic fragment»), которое в качестве эпиграфа уже использовал Дж. Г. Байрон в стихотворении «Слеза» («The Tear», 1806). *Пафосская царица* – Афродита (греч. миф), появившаяся из морской пены возле города Пафоса на Кипре, где находился ее храм.

К Н. («Твой милый взор, невинной страсти полный...»). 23 ноября 1824. Впервые – *Северная лира. 1827. С. 87–88*.

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ (Из Гейне). 1823 или 1824-й. Впервые (первая редакция) – *Северная лира. 1827. С. 338*; вторая редакция – *Современник. 1854. Т. 45. С. 7*. Перевод стихотворения Генриха Гейне (1797–1856) «Ein Fichtenbaum steht einsam...» из сборника «Лирическое интермеццо» («Lyrisches Intermezzo», 1823). Считается первым русским

переводом из Гейне. Ель в переводе заменена кедром, чтобы сохранить обыгрываемые в подлиннике мужской и женский род слов «der Fichtenbaum» и «die Palme» (иначе поступил М.Ю. Лермонтов в своем переложении того же стихотворения – «На севере диком стоит одиноко...», 1841). В первой публикации по-другому читались третий стих («Кедр одинокий, подымаясь, белеет...») и второе четверостишие:

Про юную пальму все снится ему,
 Что в краю отдаленном Востока,
 Под мирной лазурью, на светлом холму
 Стоит и растет одинока.

«ДРУГ, ОТКРОЙСЯ ПРЕДО МНОЮ...» (Из Гейне). 1823 или 1824-й. Впервые – *Галатhea*. 1830. Ч. 18. № 41. С. 196. Перевод стихотворения Г. Гейне «Liebste, sollst mir heute sagen...» из сборника «Лирическое интермеццо» (1823).

К НИСЕ. <1825>. Впервые – *Уrania*. 1826. С. 47–48. Возможно, написано в 1823–1824 гг., что относится также к двум переводным стихотворениям – «Песнь скандинавских воинов» и «Саконтала» (см.: *Летопись*. Кн. 1. С. 61, 280–281). *Ниса* – условное поэтическое имя.

ПЕСНЬ СКАНДИНАВСКИХ ВОИНОВ <Из Гердера>. <1825>. Впервые – *Уrania*. 1826. С. 70–72. (См. прим. к стих. «К Нисе»). Вольное переложение стихотворения Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803) «Утренняя песнь на войне» («Morgengesang im Kriege»). Вторая и третья строфы, а также концовка перевода не находят соответствия в оригинале.

ПРОБЛЕСК. <1825>. Впервые – *Уrania*. 1826. С. 147–148. Предположительно связывается с именем С.Е. Раича, в доме которого имелась *воздушная арфа*, т.е. так наз. Эолова арфа – ящик со струнами, звучащими от движения воздуха. Раич упоминал о ней в «Рассуждении о дидактической поэзии»: «Так, ветер, касаясь Эоловой арфы <...> вливает в нее душу и по временам извлекает из струн ее красноречивую мелодию, потрясающую весь состав нашего сердца» (Вестник Европы. 1822. № 7. С. 205). Об Эоловой арфе, возможно, идет речь также в стихотворении «Cache-cache» (1828).

САКОНТАЛА (Из Гёте). <1826>. Впервые – *Северная лира*. 1827. С. 430. (См. прим. к стих. «К Нисе»). Вольное переложение четверостишия И.В. Гёте «Sakuntala» (1792), посвященного драме «Шакунтала» индийского поэта Калидасы (IV – V вв.). В 1789 г. вышел ее перевод на английский, а вскоре на немецкий и другие европейские языки (первые фрагменты на русском языке – в переводе Н.М. Карамзина в 1791 г.).

ВЕЧЕР («Как тихо веет над долиной...»). Около 1826, <1829>. Впервые – *Галатhea*. 1830. Ч. 15. № 22. С. 41; здесь третий и четвертый стихи даны в иной редакции: «Как шум от стаи журавлиной, / – И в звучных листьях замер он», при этом слова «шум от стаи журавлиной» – реминисценция из баллады В.А. Жуковского «Ивиковы журавли» (1813).

14-ое ДЕКАБРЯ 1825. Вторая половина 1826-го. Впервые – *Русский архив*. 1881. Вып. 1. С. 340. Отклик на обнаружение приговора декабристам в июле 1826 г. И.С. Аксаков, впервые ознакомившись со стихотворением по автографу, полученному от И.С. Гагарина, в письме к нему от 24 нояб./6 дек. 1874 г. отметил, что «оно сурово в своем приговоре»: «Ни Пушкин, никто в то время, из страха прослыть нелиберальным, не решился бы высказать такое самостоятельное мнение – и совершенно искреннее, чуждое всяких расчетов, потому что, кроме вас, до сих пор в течение почти 50 лет оно никому не сообщалось» (Литературное наследство. Т. 97. Ф.И. Тютчев. Кн. 2. М., 1989. С. 56). *Самовластье... Закон...* – в либеральной поэзии иносказания враждебных друг другу тиранического произвола и общественного договора; у Тютчева же они действуют заодно и вместе с «народом» осуждают за «вероломство» заговорщиков, которые сами объявляются носителями духа «самовластья».

В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ (Из Байрона) . <1826>. Впервые – *Северная лира*. 1827. С. 441 . Перевод стихотворения Дж. Г. Байрона «Строки, написанные в альбом на Мальте» («Lines written in an album at Malta», 1809) (в оригинале обращено к женщине). Возможно, Тютчев перевел его, получив известие о смерти Байрона, т.е. после апреля 1824 г. (см.: *Летопись. Кн. 1. С. 279–280*).

«КАК ПОРОЮ СВЕТЛЫЙ МЕСЯЦ...» Между 1827 и 1829-м. Впервые – *Галатея*. 1830. Ч. 12. № 8. С. 76–77 . Перевод стихотворения Г. Гейне «Wie der Mond sich leuchtend drängt...» (1824), вошедшего в первую часть его «Путевых картин» (1826) и – в составе цикла «Опять на родине» («Die Heimkehr») – в сборник «Книга песен» (1827). Считается, что перевод выполнен по одному из двух этих изданий.

САСНЕ-САСНЕ . <1828>. Впервые – *Галатея*. 1829. Ч. 4. № 17. С. 50–51 . Вариация на тему стихотворения немецкого поэта Людвиг Уланда (1787–1862) «Близость» («Nähe», 1809). *Cache-cache* (фр.) – игра в прятки. *Сильфида* – легкое существо, олицетворение воздушной стихии. См. также прим. к стих. «Проблеск» (1825).

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА . <1828>, <1854>. Впервые (первая редакция) – *Галатея*. 1829. Ч. 1. № 3. С. 151 ; окончательный текст – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 24 . В первой публикации не было второй строфы, а первая и третья читались иначе:

Люблю грозу в начале мая:
Как весело весенний гром
Из края до другого края
Грохочет в небе голубом!

С горы бежит ручей проворный,
В лесу не молкнет птичий гам;
И говор птиц и ключ нагорный,
Все вторит радостно громам!

Геба (греч. миф.) – богиня юности, дочь *Зевса* , служившая виночерпием на пирах богов.

К N.N. («Ты любишь, ты притворствовать умеешь...»). <1829>. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 137 .

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР. <1829>. Впервые – *Галатея*. 1829. Ч. 5. № 24. С. 150.

«ЕЩЕ ШУМЕЛ ВЕСЕЛЫЙ ДЕНЬ...» <1829>, 1851. Впервые – *Москвитянин*. 1851. Кн. 1. № 11. С. 237 . Две ранние редакции, датируемые концом 1820-х гг., имеют самостоятельное значение. Приводим одну из них:

Пробуждение

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

Весенней негой утомлен,
Вдался я в сладкое забвенье:
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье.

Безмолвно в сумраке ночном

Ходило лунное сиянье,
И ночи зыбкое молчанье
Едва струилось ветерком.

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И между тем, какой-то Гений
Из области цветущей Дня
Стезю тайной Сновидений
В страну Теней увел меня.

УТРО В ГОРАХ. <1829>. Впервые – *Галатея*. 1830. Ч. 13. № 13. С. 90 ; здесь слитно со следующим стихотворением «Снежные горы» под общим заглавием «В горах» и с пометой «Сальцбург». Возможно, оба они были написаны в июне 1825 г. по дороге из Мюнхена в Вену, которая пролегла через Зальцбург (см.: *Летопись*. Кн. 1. С. 282). Окончательный текст обоих стихотворений – *Современник*. 1836. Т. 3. С. 5 .

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ. <1829>. См. прим. к стих. «Утро в горах». В первой публикации между первой и второй строфами имелась еще одна:

Едва в трепещущих тенях
Перебирается прохлада –
Звонок пастушеского стада
Почти замолк на высотах.

ПОЛДЕНЬ. <1829>. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 3. С. 10 (с разночтением в третьем стихе: «В лазури пламенной и чистой»). *Великий Пан* (греч. миф.) – козлоногий бог плодородия,покровитель пастухов, отдыхавший в священный для греков полдневный час.

МОГИЛА НАПОЛЕОНА. <1829>, <1854>. Впервые – *Галатея*. 1829. Ч. 2. № 8. С. 86 ; девятый и десятый стихи здесь в иной редакции: «Еще гремит твоих побед / Отзывный гул в колеблющемся мире...»; в последней строфе – обращение к Наполеону во втором лице: «И ум людей твоею тенью полн, / А тень твоя, скитаясь в крае диком...». Окончательный текст – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 6 . Могила Наполеона первоначально находилась на острове Святой Елены, откуда в 1840 г. его прах был перенесен в Париж. Стихотворение перекликается с заключительным фрагментом книги Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта», вышедшей на англ. и фр. яз. в 1827 г., и может быть датировано 1827–1828 гг. (см.: *Летопись*. Кн. 1. С. 282–283).

«ВЫСОКОГО ПРЕДЧУВСТВИЯ...» <Из Мандзони> . <1829>. Впервые – *Русский архив*. 1885. Вып. 6. С. 320 (с пропуском пятой и шестой строф). Перевод отрывка из оды итальянского поэта Алессандро Мандзони (1785–1873) «Пятое июля» («Il cinque maggio», 1821), написанного на смерть Наполеона (умер 5 мая 1821 г.). Из 19 строф оригинала Тютчев перевел строфы 7–16.

ВИДЕНИЕ. <1829>. Впервые – *Галатея*. 1829. Ч. 7. № 34. С. 144. В первой публикации напечатано слитно со следующим стихотворением «Олегов щит», оказавшимся как бы его продолжением, под общим заглавием «Видение» и с разбивкой всего текста на три части под римскими цифрами (последняя часть – заключительное четверостишие «Олегова щита»). *Атлас* , или Атлант (греч. миф.) – титан, поддерживающий небо; здесь, скорее всего, имеются в виду горы Атлас (на северо-западе Африки).

ОЛЕГОВ ЩИТ. 1828?, <1829>. Впервые – *Галатей. 1829. Ч. 7. № 34. С. 144*. (См. прим. к стих. «Видение»). В *Стих. 1868* и *Соч. 1900* первые две строфы озаглавлены «Молитва мусульман» и «Молитва славян». Отклик на русско-турецкую войну 1828–1829 гг. Возможно, написано при получении Тютчевым известия о ее начале – в середине мая 1828 г. (см.: *Летопись. Кн. 1. С. 283–284*). *Гяуры* – так мусульмане называли иноверцев. *Олегов щит* – согласно летописному сказанию, князь Олег в знак своей победы над греками прибил щит на воротах Константинополя в 907 г.

ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I <С немецкого>. <Октябрь 1829>. Впервые – *Литературное наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 180–181* (в статье К.В. Пигарева «Ф.И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России»). Автограф – в депеше русского посланника в Мюнхене от 12 октября 1829 г. Перевод стихотворения короля Баварии Людвига I (1786–1868) «Nicolaus, das ist der Volsbesieger», являющегося откликом на победу России в войне с Турцией и подписание 2 (14) сентября 1829 г. Адрианопольского мирного договора. *Народов победитель* – так переводится с греческого имя Николай. *Луна покрылась тьмою* – на турецком гербе изображен полумесяц. *Османовы врата* – Османская империя, которую европейцы называли также Портой (от фр. «porte» – дверь, ворота). *Стамбул исходит* – *Константинополь воскресает вновь* – т.е. заканчивается власть мусульман турок над греками и близится возрождение христианской Византии.

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ. <1829>. Впервые – *Денница, альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем. М., 1831. С. 89*.

БЕССОННИЦА («Часов однообразный бой...»). <1829>. Впервые – *Галатей. 1830. Ч. 11. № 1. С. 47–48*. Первый стих совпадает со строкой из стихотворения А.А. Дельвига «К Е<вгению>» (1821), где идет речь о друзьях, которые «...поют, бокалы осушают / И громким смехом заглушают / *Часов однообразный бой*».

БАЙРОН (Отрывок). <Из Цедлица>. <1829>. Впервые – *Русский современник. 1924. № 1. С. 162–168*. Перевод отрывка из поэмы австрийского поэта Йозефа Кристиана Цедлица (1790–1862) «Венки мертвым» («Totenkdnze», 1828), в котором обозревается жизнь Джорджа Гордона Байрона (1798–1824). В первых шести строфах дан общий обзор, а далее говорится о его скитаниях: в 7-й строфе – о путешествии в Португалию и Испанию, в 8-й – о посещении им поля битвы при Ватерлоо, в 9-й – о Швейцарии, где он жил некоторое время, в 10-й – об Италии, куда он переселился в 1816 г., а в строфах 11–13 – о намерении поэта принять участие в войне греков за независимость и его поездке в Грецию, где он и скончался. *Пуста сия обитель...* – Ньюстэдское аббатство, родовое поместье Байрона.

ВОПРОСЫ (Из Гейне). Между 1827 и 1830-м. Впервые – *Галатей. 1830. Ч. 18. № 40. С. 133–134*. Перевод стихотворения Г. Гейне «Fragen» из первого цикла «Северное море» («Nordsee»), опубликованного в 1827 г. во второй части «Путевых картин» и в «Книге песен».

«ЗА НАШИМ ВЕКОМ МЫ ИДЕМ...». Между 1827 и 1830-м. Впервые – *Галатей. 1830. Ч. 18. № 40. С. 134*; здесь, вероятно по ошибке, помещено как заключительные строки перевода из Г. Гейне «Вопросы» (см. выше). *Креуза за Энеем* – герои поэмы Вергилия «Энеида»; Креуза не поспевала за своим мужем Энеем, покидающим гибнущую Троию, и была взята к себе богами, поскольку ей не суждено было следовать за ним дальше.

ПРИВЕТСТВИЕ ДУХА (Из Гёте). Между 1827 и 1829-м. Впервые – *Галатей. 1830. Ч. 18. № 38. С. 39*. Перевод стихотворения И.В. Гёте «Geistesgruß» (1774).

«ЗАПАД, НОРД И ЮГ В КРУШЕНЬЕ ...» <Из Гётева «Западно-Восточного дивана»>. Между 1827 и 1830-м. Впервые – *Соч. 1886. С. 397*. Перевод стихотворения И.В. Гёте «Хиджра» («Negire»), которым открывается его сборник «Западно-Восточный диван»

(«West-Ostlicher Divan», 1819). Хиджра (араб.) – переселение, в узком смысле – бегство пророка Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г., с которого ведется мусульманское летосчисление. *Песни Гафица* – имеется в виду знаменитый персидский лирик Хафиз (ок. 1325–1390).

Из WILHELM MEISTER (Гёте) . <I «Кто с хлебом слез своих не ел...» II. «Кто хочет миру чуждым быть...»>. Между 1827 и 1830-м. Впервые – *Сиротка, литературный альманах на 1831 год, изданный в пользу заведений призрения бедных сирот. М., 1831. С. 198–199* . Перевод двух песен арфиста из XIII главы романа И.В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» («Wilhelm Meisters Lehrjahre», 1795–1796).

ПЕВЕЦ (Из Гёте). <1830>. Впервые – *Галатей. 1830. Ч. 19. № 42. С. 226–228*. Перевод баллады И.В. Гёте «Der Sdnger» (1781).

«ЗАКРАЛАСЬ В СЕРДЦЕ ГРУСТЬ, – И СМУТНО...» (Из Гейне). Между 1826 и 1830-м. Впервые – *Искусство. 1923. № 1. С. 356* (в статье Г.И. Чулкова «Тютчев и Гейне»). Перевод стихотворения Г. Гейне «Das Herz ist mir bedrückt, und sehnlich...», впервые опубликованного в первой части «Путевых картин» (1826) и вошедшего в цикл «Опять на родине» в «Книге песен» (1827).

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ (Из Гейне). Между 1827 и 1830-м. Впервые – *Соч. 1886. С. 407–409*. Перевод стихотворения Г. Гейне «Потерпевший кораблекрушение» («Der Schiffbruchiger») из второго цикла «Северное море», опубликованного в 1827 г. во второй части «Путевых картин» и в «Книге песен».

«"ПРЕКРАСНЫЙ БУДЕТ ДЕНЬ", – СКАЗАЛ ТОВАРИЩ...» <Из «Путевых картин» Гейне>. Конец 1829 или 1830-го. Впервые – *Новые стихотворения. 1926. С. 90* . Стихотворное переложение написанной прозой 31-й главы третьей части «Путевых картин» Г. Гейне, вышедшей в 1829 г. Тютчев поменял местами абзацы немецкого текста, которому в точности соответствовал бы такой порядок стихов: «Так думал я и вышел из повозки <...> И легким паром с неба улетит» (ст. 31–50), «"Прекрасный будет день", – сказал товарищ <...> Мы скроемся пред ним, как бледный месяц» (ст. 1–30), «Не знаю я и не ищу предвидеть <...> Всю жизнь мою в ее священной брани!» (ст. 51–60). *Ларвы* (лат.) – привидения, злые духи. *Ерев* , или Эреб (греч.) – вечный мрак.

«ЕДВА МЫ ВЫШЛИ ИЗ ТРЕЗЕНСКИХ ВРАТ...» <Из «Федры» Расина>. Конец 1820-х. Впервые – *Соч. 1900. С. 379* . Перевод монолога Терамена из шестого явления V действия трагедии Жана Расина (1639–1699) на сюжет из греческой мифологии «Федра» («Phédre», 1677), речь в нем идет о гибели *Ипполита* , сына Тезея, от морского чудовища, посланного к нему Нептуном из-за несправедливого отцовского проклятия. *Ариция* – возлюбленная Ипполита.

ЗАВЕТНЫЙ КУБОК (Из Гёте). <1830>. Впервые – *Соч. 1886. С. 392* . Перевод баллады И.В. Гёте «Der Kцnig in Thule» (1774), вошедшей в первую часть «Фауста» как песня Маргариты (сцена «Вечер»).

НОЧНЫЕ МЫСЛИ (Из Гёте). Конец 1820-х, <1832>. Впервые – *Телескоп. 1832. Ч. 9. № 10. С. 154* . Перевод стихотворения И.В. Гёте «Nachtgedanken» (1781). *Оры* , или Горы (греч. миф.) – богини времен года.

<ИЗ «ФАУСТА» ГЁТЕ> (I. «Звучит, как древле, пред тобою...» II. «Кто звал меня?...» III. «Чего вы от меня хотите...» IV. «Зачем губить в унынии пустом...» V. «Державный Дух! Ты дал мне, дал мне все...»). <1829–1830>. Впервые – отрывок IV – *Галатей. 1830. Ч. 11. № 5. С. 283–284* ; отрывок II – *Соч. 1900. С. 412–413* ; отрывки I, III, V – *Искусство. 1927. Кн. 2–3. С. 167–169* (в статье Г.И. Чулкова «Переводы Тютчева из «Фауста» Гете»). Перевод следующих фрагментов из первой части «Фауста» И.В. Гёте: отрывок I – песнопение трех

архангелов (Рафаила, Гавриила и Михаила) в начале «Пролога на небе»; отрывок II – разговор Фауста с Духом Земли из сцены «Ночь»; отрывок III – монолог Фауста при пасхальном звоне колоколов из той же сцены; отрывок IV – монолог Фауста, обращенный к ученому педанту Вагнеру, из сцены «У ворот»; отрывок V – монолог Фауста, мысленно обращенный к Духу Земли, из сцены «Лесная пещера».

(ИЗ ШЕКСПИРА) <I. «Любовники, безумцы и поэты...» II. Песня («Заревел голодный лев...»)>. Конец 1820-х, <1832>. Впервые – *Молва. 1833. № 8, 19 января. С. 29–30*. Перевод отрывков из пятого действия комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь» («A Midsummer Night's Dream», 1590–1596): отрывок I – из монолога Тезея в начале первой сцены (со слов «The lunatic, the lover and the poet...»); отрывок II – из песни Пэка (Puck) в начале второй сцены («Now the hungry lion roars ...»).

«ТЫ ЗРЕЛ ЕГО В КРУГУ БОЛЬШОГО СВЕТА...» <1830>. Впервые – *Гражданин. 1875. № 2. С. 38*. Вместе со следующим стихотворением («В толпе людей, в нескромном шуме дня...»), по весьма убедительному предположению, составляет двухчастный цикл: первое стихотворение обращено к другу, второе – к возлюбленной (см.: *ПСС. 1987. С. 383–383*). В ряде изданий они печатаются одно за другим под номерами <1> и <2> и без разбивки на строфы (впервые в таком виде в изд.: *Тютчев Ф.И. Соч.: в 2 т. / Общ. ред. К.В. Пигарева; сост. и подг. текста А.А. Николаева. М., 1980. Т. 1. С. 73–74*).

«В ТОЛПЕ ЛЮДЕЙ, В НЕСКРОМНОМ ШУМЕ ДНЯ...» <1830>. Впервые – *Русский архив. 1879. Вып. 5. С. 128*. См. прим. к стих. «Ты зрел его в кругу большого света...».

ЛЕБЕДЬ. Конец 1820-х или 1838? Впервые – *Современник. 1839. Т. 15. С. 139*. Вторая дата – 1838 г. – вытекает из предположения, что это стихотворение – отклик на одноименное («Der Schwan») стихотворение Апполония Петровича Мальтица (1795–1870), первого секретаря российской миссии в Мюнхене в 1837–1841 гг., выпустившего сборник своих немецких стихов в начале 1838 г. (см.: *ПСС. 1987. С. 388*; *Летопись. Кн. 1. С. 288–290*). Лебедь может здесь символизировать поэта, поскольку, по представлениям древних, поэты после смерти превращаются в лебедей (см., напр., стихотворение Г.Р. Державина «Лебедь» (1804), являющееся вольным переложением оды Горация).

«КАК ОКЕАН ОБЪЕМЛЕТ ШАР ЗЕМНОЙ...» <1830>. Впервые – *Галатей. 1830. Ч. 16. № 27. С. 57* (под заглавием «Сны»).

КОНЬ МОРСКОЙ. Июль – август 1829?, <1830>. Впервые – *Русский архив. 1879. Вып. 5. С. 136–137*. Возможно, написано во время поездки Тютчева в Италию летом 1829 г., на острове Иския, где он между 12 июля и 12 августа (н. ст.) мог навестить своих хороших знакомых З.Н. Волконскую и С.П. Шевырева. То же предположение делается насчет стихотворений «Душа хотела б быть звездой...» и «Сон на море» (см.: *Летопись. Кн. 1. С. 284–286*).

«ВЕЛИКИЙ КАРЛ, ПРОСТИ! – ВЕЛИКИЙ, НЕЗАБВЕННЫЙ...» <Из «Эрнани» В. Гюго>. 1830. Перевод монолога дон Карлоса из второго явления V действия исторической драмы Виктора Гюго (1802–1885) «Эрнани» («Hernani»), опубликованной в 1830 г. В нем будущий Карл V (1500–1558) в ночь избрания его императором Священной Римской империи в 1520 г., стоя перед гробницей Карла Великого, просит научить его, как справиться с бременем власти. *Доги* – дожи.

«ДУША ХОТЕЛА Б БЫТЬ ЗВЕЗДОЙ...» Июль – август 1829?, <1836>. Впервые – *Современник. 1836. Т. 3. С. 14* (под заглавием «Желание»). См. прим. к стих. «Конь морской».

ДВУМ СЕСТРАМ. <1830>. Впервые – *Современник. 1836. Т. 4. С. 40*. Написано, скорее всего, во время приезда Тютчева в Петербург в июне-сентябре 1830 г. По одной версии, он

имеет в виду своих троюродных сестер по матери Елизавету и Екатерину, урожд. Ивашовых, сестер декабриста В.П. Ивашова (см.: *Чагин Г.В.* Родовое гнездо Тютчевых в русской культуре и литературе XIX века. М., 1998. С. 121–125). По другой версии, стихотворение написано не позднее 1829 г. и речь в нем идет о первой жене Тютчева Элеоноре (урожд. Ботмер, 1799–1838) и ее сестре Клотильде (1809–1882).

«КАК НАД ГОРЯЧЕЮ ЗОЛОЙ...» <1830>. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 3. С. 15 .

СТРАННИК. <1830>. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 127 . В одном из автографов открывает цикл «дорожных» стихотворений: 1. «Странник». 2. «Здесь, где так вяло свод небесный...» 3. «Безумие» (в другом автографе к ним добавлено также «Успокоение»). Возможно, написано под впечатлением от неоднократно полагавшегося на музыку стихотворения немецкого поэта Йозефа фон Эйхендорфа (1788–1857) «Веселый путешественник» («Der frohe Wandersmann», 1826), с первой строфой которого близко перекликается.

«ЗДЕСЬ, ГДЕ ТАК ВЯЛО СВОД НЕБЕСНЫЙ...» <1830>. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 127 . Написано либо в мае 1830 г., по дороге из Мюнхена в Россию, либо, что более вероятно по запечатленному пейзажу, в начале октября того же года, когда он выезжал из Петербурга, возвращаясь в Мюнхен (см.: *Летопись*. Кн. 1. С. 287).

БЕЗУМИЕ («Там, где с землею обгорелой...»). <1830>. Впервые – *Денница, альманах на 1834 год, изданный М. Максимовичем*. М., 1834 . С. 185. Перекликается со вторым стихотворением из послания «А.А. Фету» («Иным достался от природы...», 1862). В обоих возникает образ водоискателей, умевших находить подземные источники в безводных местах.

УСПОКОЕНИЕ («Гроза прошла – еще, курясь, лежал...»). <1830>. Впервые – *Денница, альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем*. М., 1831 . С. 51 .

ЦИЦЕРОН. Июль 1829?, <1830>. Впервые – *Денница, альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем*. М., 1831. С. 40 (с разночтением в девятом стихе: «Блажен, кто посетил сей мир»). Написано, скорее всего, во время пребывания Тютчева в Риме в начале июля 1829 г. (см.: *Летопись*. Кн. 1. С. 286). Марк Туллий Цицерон (106–43 до н.э.) – римский оратор и политик, защищавший республиканский строй в период его смены единоличным правлением. Тютчев использует его высказывание из трактата «Брут, или Диалог о знаменитых ораторах»: «Что же касается меня, то мне горько, что на дорогу жизни вышел я слишком поздно и что ночь республики наступила прежде, чем успел я завершить свой путь» (*Цицерон* . Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1972. С. 327; перевод И.П. Стрельниковой).

SILENTIUM! <1830>. Впервые – *Молва*. 1833. № 32, 16 марта. С. 125 . Возможна более ранняя датировка – не позднее 1829 г. В первой публикации несколько стихов читались иначе: «И мысли и мечты свои!» (ст. 2), «Встают и кроются оне / Как звезды ясные в ночи» (ст. 4–5), «Лишь жить в самом себе умей» (ст. 13), «Их оглушит житейский шум, / Разгонят дневные лучи» (ст. 16–17). *Мысль изреченная есть ложь* – этот тютчевский афоризм внешне близок к выражению из библейской Псалтири «Всяк человек есть ложь» (Псалом 115, 2), которое Г.Р. Державин использовал в оде «Фелица» (1782): «Кто сколько мудростью ни знатен, / Но всякий человек есть ложь».

«ЧЕРЕЗ ЛИВОНСКИЕ Я ПРОЕЗЖАЛ ПОЛЯ...» Начало октября 1830-го. Впервые – *Современник*. 1837. Т. 6. С. 395–396 . В одном из автографов открывает новый цикл «дорожных» стихотворений, пронумерованных Тютчевым следующим образом: 1. «Через ливонские я проезжал поля...» 2. «Песок сыпучий по колени...» 3. «Есть в светлости осенних вечеров...» 4. «Листья». 5. «Альпы». 6. «Mal'aria». 7. «Сей день, я помню, для меня...»

Написано по дороге из Петербурга в Мюнхен. *Ливония* – территория современной Латвии и Эстонии, завоеванная немецкими рыцарями в XIII в. *Пустынная река* – Западная Двина. *Но твоя, природа, мир о днях былых молчит...* – в одном из автографов этот стих читается иначе: «Но о былом создание молчит». *Так, отрок, чар ночных свидетель быв...* и т.д. – возможно, имеется в виду библейский отрок Самуил, который боялся объявить свое ночное видение первосвященнику Илию, поскольку оно предвещало последнему страшное наказание (см.: Первая книга Царств, гл. 3).

«ПЕСОК СЫПУЧИЙ ПО КОЛЕНИ...» Начало октября 1830. Впервые – *Современник*. 1837. Т. 6. С. 397. (См. прим. к стихотворению «Через ливонские я проезжал поля...») *Ночь хмурая, как зверь стоокий, глядит из каждого куста* – реминисценция из стихотворения И.В. Гёте «Свидание и разлука» («Willkommen und Abschied», 1771).

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР («Есть в светлости осенних вечеров...»). <Октябрь 1830>. Впервые – *Современник*. 1840. Т. 19. С. 187. В автографе есть разночтения в пятом и шестом стихах: «И, как предвестье близящихся бурь, / Порывистый и ясный ветр порою».

ЛИСТЬЯ. <Октябрь 1830>. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 129.

АЛЬПЫ. 1830. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 130–131. Стихотворение имеет иносказательный смысл, и речь в нем идет о настоящем и будущем славянства: Альпы здесь изображают семью славянских народов, а «большой брат» среди них – Россия.

MAL'ARIA. 1830. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 131. Навеяно описанием окрестностей Рима в конце пятой книги романа Жермены де Сталь (1766–1816) «Коринна, или Италия» («Corinne, ou L'Italie», 1807): «Нездоровый воздух – бич обитателей Рима... <...> Коварное действие вредоносного воздуха не дает знать себя никакими внешними признаками: когда его вдыхаешь, он кажется чистым и очень приятным, земля щедра и обильна плодами <...> но во всем этом таится смерть! – Меня влечет к себе <...> эта таинственная невидимая опасность, прячущаяся под сладостной личиной. Если смерть – в чем я уверен – призывает нас к более счастливому существованию, то почему бы аромату цветов, тени прекрасных деревьев, свежему дыханию вечера не быть ее вестниками? <...> ...у природы есть свои тайны, постичь которые можно лишь с помощью воображения...» (Сталь де Ж. Коринна, или Италия. М., 1969. С. 87; перевод М.Н. Черневич).

«СЕЙ ДЕНЬ, Я ПОМНЮ, ДЛЯ МЕНЯ...» 1830. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 131.

«ПОТОК СГУСТИЛСЯ И ТУСКНЕЕТ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 3. С. 19.

«О ЧЕМ ТЫ ВОЕШЬ, ВЕТР НОЧНОЙ?...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 3. С. 18.

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ. <1830>. Впервые – *Телескоп*. 1832. Ч. 10. № 13. С. 22–23. Весьма вероятно более ранняя дата – не позднее 1829 г. В первой публикации два стиха даны в иной редакции: «А воды с гор уже шумят» (ст. 2), «Весна пришла, весна идет» (ст. 6); кроме того, здесь иначе расставлены кавычки: открываясь в шестой строке, они закрываются в конце стихотворения, так что третья строфа оказывается продолжением речи «гонцов», а не словами от автора. Такая расстановка кавычек, отличающаяся от принятой во всех последующих изданиях, меняет смысл стихотворения, однако некоторыми исследователями она признается правильной (впервые повторена в *ПСС*. 1987. С. 105).

«В ДУШНОМ ВОЗДУХЕ МОЛЧАНЬЕ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 4. С. 32.

«ЧТО ТЫ КЛОНИШЬ НАД ВОДАМИ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 4. С. 34.

«ВЕЧЕР МГЛИСТЫЙ И НЕНАСТНЫЙ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 4. С. 35.

«И ГРОБ ОПУЩЕН УЖ В МОГИЛУ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 4. С. 36.

«ВОСТОК БЕЛЕЛ. ЛАДЬЯ КАТИЛАСЬ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 4. С. 37. *Ветрило* – парус.

«КАК ПТИЧКА, РАННЕЮ ЗАРЕЙ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 4. С. 38–39. *Пеней* – упреков.

«ДУША МОЯ, ЭЛИЗИУМ ТЕНЕЙ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 4. С. 41 (здесь в третьем стихе вместо «помыслам» читается «замыслам»). *Элизиум*, или Элизий (греч. миф.) – обитель блаженных в загробном мире.

«НАД ВИНОГРАДНЫМИ ХОЛМАМИ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Современник*. 1837. Т. 6. С. 398. *Круглообразный, светлый Храм* – православный храм на вершине горы Ротенберг близ Штутгарта, воздвигнутый в 1822 г. В нем была похоронена российская великая княгиня и королева вюртембергская Екатерина Павловна (1788–1819).

«НЕТ, МОЕГО К ТЕБЕ ПРИСТРАСТЬЯ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 135. *Синель* (диал.) – сирень, от «синий».

«КАК ДОЧЬ РОДНУЮ НА ЗАКЛАНЬЕ...» 1831. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 3. С. 385–386 (под заглавием «На взятие Варшавы»). Отклик на подавление Польского восстания 1830–1831 гг. и взятие Варшавы русскими войсками 26 августа 1831 г. В стихотворении обыгрывается греческий миф о микенском царе *Агамемноне*, предводителе разноплеменных греческих войск, объединившихся для похода на Трою. Чтобы боги дали попутный ветер судам, он вынужден был принести в жертву свою дочь Ифигению (которая, впрочем, была чудесным образом спасена). Тютчев уподобляет славянские народы стремящемуся к своей цели греческому воинству, а Россию и Польшу – Агамемнону и Ифигении. *Орел одноплеменный* – имеется в виду герб Польши. *Феникс* – мифическая птица, которая, почувствовав старость, всходила на костер, чтобы возродиться из пепла молодой.

«ВСЕ БЕШЕНЕЙ БУРЯ, ВСЕ ЗЛЕЕ И ЗЛЕЙ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Новые стихотворения*. 1926. С. 45. Возможно, стихотворение переводное, но источник его не установлен.

ВЕСЕННЕЕ УСПОКОЕНИЕ (Из Уланда). <1832>. Впервые – *Телескоп*. 1832. Ч. 10. № 15. С. 297–298. Возможно уточнение датировки – не позднее 1829 г. (см.: *Летопись*. Кн. 1. С. 94). Перевод стихотворения немецкого поэта Людвиг Уланда (1787–1862) «Весенний покой» («Frühlingsruhe», 1812).

«НА ДРЕВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВЫСОКОМ...» 1832. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 133. Отклик на смерть И.В. Гёте, умершего 22 марта 1832 г.

PROBLÉME. 15 января 1833, 2 апреля 1857-го. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 134. В ранней редакции другой вариант четвертой строки: «Или низринут *мыслящей* рукой». В стихотворении речь идет о философской проблеме свободы воли. Возможно, Тютчев имеет в виду высказывание отрицавшего ее голландского философа Бенедикта Спинозы

(1632–1677), что если бы камень обладал сознанием, он вообразил бы, что летит по собственному желанию.

СОН НА МОРЕ. Июль – август 1829?, <1835>. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 3. С. 20. (См. прим. к стих. «Конь морской»). Перекликается со стихотворением Ф.Н. Глинки «Сон» («Я кем-то был взнесен на острый верх скалы...», 1820), послужившим Тютчеву чем-то вроде литературного источника. *Кимвалы* – в древности ударные музыкальные инструменты наподобие современных тарелок. *Огневица* (диал.) – лихорадка, жар. *Сады-лабиринфы* – сады с запутанными дорожками.

«ПРИШЛОСЯ КОНЧИТЬ ЖИЗНЬ В ОВРАГЕ...» <Из Беранже>. Между 1833 и 1836-м. Перевод песни французского поэта Пьера Жана Беранже (1780–1857) «Старый бродяга» («Le vieux vagabond», 1833). *Ир убогий* – нищий бродяга в «Одиссее» Гомера.

«В КОТОРУЮ ИЗ ДВУХ ВЛЮБИТЬСЯ...» (Из Гейне). Между 1834 и 1836-м. Перевод стихотворения Г. Гейне «In welche soll'ich mich verliebden...» из цикла «Иоланта и Мария» (1834) (позднее вошел в раздел «Разные» в сборнике «Новые стихотворения», 1844). *Буриданов друг* – осел, не сумевший выбрать между двумя охапками сена и умерший с голода; притча о нем приписывается французскому философу Жану Буридану (1300–1358).

АРФА СКАЛЬДА. 21 апреля 1834. Впервые – *Современник*. 1838. Т. 12. С. 91. Написано в Мюнхене, дату Тютчев здесь поставил по григорианскому календарю (по старому стилю это 11 апреля). Скальдами назывались древнескандинавские певцы.

<В>«Я ЛЮТЕРАН ЛЮБЛЮ БОГОСЛУЖЕНЬЕ...» 16 сентября 1834. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 135. В автографе есть помета: «Тегернзе. 16/28 сентября 1834» (Тегернзее – город в 50 км от Мюнхена). В стихотворении говорится об оскудении христианской веры в Европе, с внешней наглядностью выражающемся в скупости убранства лютеранских храмов и упрощенности богослужения. Тютчев видел в протестантизме следующую после отпавшего от вселенского православия католицизма ступень деградации западного христианства. Ср. в написанной им по-французски статье «Римский вопрос» (1850): «Протестантизм с его многочисленными разветвлениями едва протянул три века и умирает от немощи во всех странах, где он господствовал до сих пор...» (*ПССЦП*. Т. 3. С. 159).

«ИЗ КРАЯ В КРАЙ, ИЗ ГРАДА В ГРАД...» Между 1834 и 1836-м. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 135–136. Вариация на тему стихотворения Г. Гейне «Es treibt dich fort von Ort zu Ort...» из цикла «На чужбине» (1834) (позднее вошел в раздел «Разные» в сборнике «Новые стихотворения», 1844). См. также прим. к стих. «Еще земли печален вид...».

«КАК СЛАДКО ДРЕМЛЕТ САД ТЕМНО-ЗЕЛЕНый...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 134. В одном из автографов – под заглавием «Ночные голоса».

«ТЕНИ СИЗЫЕ СМЕСИЛИСЬ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 125 (под заглавием «Сумерки»). В автографе есть исправленный первоначальный вариант пятого и шестого стихов: «Лишь мотыль снует незримый / Слепо в воздухе ночном». Образ мотылька у Тютчева восходит к стихотворению И.В. Гёте «Блаженное томление» («Selige Sehnsucht») из «Книги певца» в составе «Западно-Восточного дивана» (1813–1814).

«КАКОЕ ДИКОЕ УЩЕЛЬЕ!...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 125 (здесь напечатано слитно, как одно произведение, со следующим стихотворением «С поляны коршун поднялся...»).

«С ПОЛЯНЫ КОРШУН ПОДНЯЛСЯ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 125 (см. выше прим. к стих. «Какое дикое ущелье...»). Перекликается со стихотворением А.Д. Илличевского «Орел и человек» (1827); возможно, имеет с ним общий источник.

«Я ПОМНЮ ВРЕМЯ ЗОЛОТОЕ...» Между 1834 и 1836-м. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 3. С. 11–12. Обращено к Амалии Максимилиановне Крюденер (1808–1888), внебрачной дочери баварского дипломата Максимилиана Лерхенфельда (носила фамилию Штернфельд до 1824 г., когда получила право на фамилию отца). Тютчев пережил легкое увлечение ею в 1822 г. в Мюнхене. В 1825 г. она вышла замуж за его сослуживца по русской дипломатической миссии барона А.С. Крюденера. К ней же обращено позднейшее стихотворение «К.Б.» («Я встретил вас – и все былое...», 1870).

«ТАМ, ГДЕ ГОРЫ, УБЕГАЯ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Современник*. 1837. Т. 6. С. 393–394.

«СИЖУ ЗАДУМЧИВ И ОДИН...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 132.

«ЗИМА НЕДАРОМ ЗЛИТСЯ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 125; тогда же – *Новонайденные стихотворения*. 1879. С. 14 (здесь – под заглавием «Весна»).

ФОНТАН («Смотри, как облаком живым...»). Первая половина 1830-х. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 3. С. 9.

«ЯРКИЙ СВЕТ СИАЛ В ДОЛИНЕ...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 3. С. 17.

«НЕ ТО, ЧТО МНИТЕ ВЫ, ПРИРОДА...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Современник*. 1836. Т. 3. С. 21–22. Точками по настоянию Пушкина в первой публикации были заменены строфы, запрещенные цензурой. Впоследствии Тютчев не смог их вспомнить, так что они считаются утраченными. Вероятно, направлено против рационального и механистического понимания природы в философских системах Б. Спинозы и Р. Декарта и их последователей. Перекликается с мыслями об одухотворенности природы Фридриха Шеллинга (1775–1854), с которым Тютчев общался в Мюнхене, и, предположительно, написано в 1833–1834 гг., когда имела место полемика на эту тему между Шеллингом и последователями Гегеля (см.: ПСС. 1987. С. 385–386).

«ЕЩЕ ЗЕМЛИ ПЕЧАЛЕН ВИД...» Первая половина 1830-х. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 126. Возможно, связано с началом увлечения Тютчева Эрнестиной Дёрнберг (урожд. Пфёфель, 1810–1894), в будущем его второй женой, и написано в марте 1834 г. С первым периодом их отношений связывают также стихотворения «И чувства нет в твоих очах...», «Из края в край, из града в град...», «Люблю глаза твои, мой друг...» и «С какой негой, с какой тоскою страстной...» и датируют их соответственно апрелем 1834 г., маем 1834 г., июнем 1835-го – апрелем 1836 г. и весной – летом 1836 г. (см.: *Летопись*. Кн. 1. С. 291–295).

«И ЧУВСТВА НЕТ В ТВОИХ ОЧАХ...» <1836>. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 126. (См. прим. к стих. «Еще земли печален вид...»). Стихотворение контрастно по смыслу с нижеследующим – «Люблю глаза твои, мой друг...».

«ЛЮБЛЮ ГЛАЗА ТВОИ, МОЙ ДРУГ...» <1836>. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 126. См. прим. к стих. «Еще земли печален вид...».

«ВЧЕРА, В МЕЧТАХ ОБВОРОЖЕННЫХ...» 1836. Впервые – *Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 133–134. Перекликается со стихотворением В.Г. Бенедиктова «Три вида» (с его третьей частью – «Прекрасна дева молодая, / Когда покоится она...»), опубликованным в сборнике его стихотворений 1835 г., который Тютчев читал в начале 1836 г.

29-ое ЯНВАРЯ 1837. Июнь 1837-го. Впервые – *Гражданин*. 1875. № 2. С. 38 (под заглавием «На смерть Пушкина»). Написано во время пребывания Тютчева в Петербурге (с июня до начала августа 1837 г.) под впечатлением от услышанных в свете различных мнений об обстоятельствах гибели Пушкина.

1-ое ДЕКАБРЯ 1837. Конец 1837-го. Впервые – *Современник*. 1838. Т. 9. С. 138. В заглавии – дата по григорианскому календарю, т.е. по старому стилю стихотворение написано 19 ноября 1837 г. под впечатлением от свидания в Генуе с Эрнестиной Дёрнберг, которое, как полагал тогда поэт, было последним.

«С КАКОЮ НЕГОЮ, С КАКОЙ ТОСКОЙ ВЛЮБЛЕННОЙ...» 1836 или конец 1837? Впервые – *Современник*. 1840. Т. 20. С. 299. Возможно, обращено к Эрнестине Дёрнберг после их новой встречи в Генуе в конце 1837 г. По другой версии, обращено к ней же, но написано раньше (см. прим. к стих. «Еще земли печален вид...»).

«ДАВНО ЛЬ, ДАВНО ЛЬ, О ЮГ БЛАЖЕННЫЙ...» Декабрь 1837 или январь 1838? Впервые – *Современник*. 1838. Т. 9. С. 131–132. Написано либо по дороге из Генуи в Турин одновременно со стихотворением «Итальянская villa» (см.: *Лирика*. 1965. Т. 1. С. 374), либо уже по приезде в Мюнхен в январе 1838 г. (см.: *Летопись*. Кн. 1. С. 288). *Киприда* – Афродита, богиня любви (греч. миф.).

ИТАЛЬЯНСКАЯ VILLA. Декабрь 1837-го. Впервые – *Современник*. 1838. Т. 10. С. 184–185.

«СМОТРИ, КАК ЗАПАД РАЗГОРЕЛСЯ...» Первая половина 1838-го. Впервые – *Современник*. 1838. Т. 11. С. 181. В стихотворении усматривается аллегория исторического противостояния Запада и Востока, имеющая политический подтекст.

ВЕСНА («Как ни гнетет рука судьбины...»). 1838. Впервые – *Современник*. 1839. Т. 13. С. 169–170.

ДЕНЬ И НОЧЬ. <1839>. Впервые – *Современник*. 1839. Т. 14. С. 145.

«НЕ ВЕРЬ, НЕ ВЕРЬ ПОЭТУ, ДЕВА...» <1839>. Впервые – *Современник*. 1839. Т. 14. С. 154–155.

«ЖИВЫМ СОЧУВСТВИЕМ ПРИВЕТА...» Октябрь (?)1840-го. Впервые – *Русская беседа*. 1858. Ч. 2. Кн. 10. С. 5–6. Обращено к великой княгине Марии Николаевне (1819–1876), дочери императора Николая I, с которой Тютчев встречался осенью 1840 г. в городке Тегернзее близ Мюнхена. *Пускай любить он не умеет...* – в первой публикации – «Пускай служить он не умеет», что можно расценить как намек на временно рухнувшую дипломатическую карьеру поэта (с осени 1839 г. он находился в отставке).

К ГАНКЕ («Вековать ли нам в разлуке...»). 26 августа 1841, май 1867-го. Впервые – *Русская беседа*. *Собрание произведений русских литераторов*. СПб., 1841. Т. 2. С. 4–5 (вошло только в отдельные экземпляры сборника); вторично – *Русская беседа*. 1858. Ч. 4. Кн. 12. С. 1–2; вместе с «Припиской» впервые – *Стих*. 1868. С. 87–88. В автографе 1867 г. – под заглавием «Славянам (В альбом В.В. Ганке, 1841)». Написано по время поездки Тютчева в Прагу в августе 1841 г., где он познакомился с ученым и писателем Вацлавом Ганкой (1791–1861) –

выдающимся деятелем чешского национального возрождения и сторонником идеи всеславянского единства под державой русского царя и с русским языком в качестве языка межнационального общения. Вписано в его альбом перед отъездом Тютчева из Праги. «Преписка» сделана в мае 1867 г. во время Всероссийской этнографической выставки, в составе которой был славянский отдел. Это событие получило название «Первого Славянского съезда», поскольку для участия в нем прибыли представители разных славянских народов Европы общим числом 81 человек.

ЗНАМЯ И СЛОВО. 25 июня 1842. Впервые – *Zeitschrift fur Slavische Philologie*. 1929. *Vd.5. S.408* ; впервые в России – *Лирика*. 1965. *Т. 1. С. 358* . Обращено к переводчику русской литературы на немецкий язык Карлу-Августу Варнгагену фон Энзе (1785–1858), который в молодости служил в русской армии и участвовал в войнах с Наполеоном.

ОТ РУССКОГО ПО ПРОЧТЕНИИ ОТРЫВКОВ ИЗ ЛЕКЦИЙ г-на МИЦКЕВИЧА. 16 сентября 1842. Впервые – *Revue des Etudes Slaves*. Paris, 1979. *Vol. 52/53. P. 319–322* (публ. К. Костенич); впервые в России – *Тютчев Ф.И. Стихотворения / Сост., вступ. ст. и прим. В.В. Кожина. М., 1986. С. 112* ; *ПСС. 1987. С. 149*. Стихотворение было отправлено по почте польскому поэту Адаму Мицкевичу (1798–1855), который с 1840 по 1842 год в Париже в Коллеж де Франс читал лекции о славянских литературах. Известный своими антирусскими настроениями, в этих лекциях Мицкевич довольно терпимо и даже сочувственно высказывался о русской истории и литературе, вызвав недовольство польской эмиграции и симпатию русских слушателей. Сквозной в лекциях была тема славянского единства, правда, освещаемая с позиций польского мессианизма. А.И. Тургенев, который передал Тютчеву литографированные списки лекций, писал в это время, что «Мицкевич переродился или возродился: беспристрастие к Польше и к России неимоверное» (цит. по: *Литературное наследство. Т. 97. Ф.И. Тютчев. Кн. 1. М., 1988. С. 173* ; здесь же см. итоговую публикацию стихотворения с комментариями). Тютчев приветствует это «перерождение» Мицкевича.

«ГЛЯДЕЛ Я, СТОЯ НАД НЕВОЙ...» 21 ноября 1844. Впервые – *Современник*. 1854. *Т. 44. С. 26–27*. Написано вскоре после возвращения Тютчева в конце октября 1844 г. из-за границы в Петербург «на окончательное водворение» (по выражению И.С. Аксакова).

КОЛУМБ. 1844. Впервые – *Современник*. 1854. *Т. 44. С. 39* (с разночтением в четвертом стихе: «Судеб неконченное дело»). Вариация на тему состоящего из двух четверостиший стихотворения Ф. Шиллера («Columbus», 1796), см. особенно заключительные строки: «В тесном союзе и были и будут природа и гений: / Что обещает нам он – верно исполнит она!» (перевод М.Л. Михайлова).

МОРЕ И УТЕС. 1848. Впервые – *Москвитянин*. 1851. *№ 11. Кн. 1. С. 238–239* (без последней строфы). Отклик на волну революций, прокатившуюся по Европе в 1848 г. Идеино и образно близко к чуть раньше появившемуся стихотворению В.А. Жуковского «Русскому великану» (1848), в котором море и утес являются аллегориями революционной Европы и самодержавной России. Перекликается также со стихотворением В.Г. Бенедиктова «Утес» (1835). В апреле 1848 г. Тютчев написал статью «Россия и Революция» («La Russie et la Révolution»; опубликована во французском журнале в 1849 г.). Конфликт между ними здесь объяснялся тем, что «прежде всего Россия – христианская держава», «Революция же прежде всего – враг христианства». Статья завершалась такими словами: «И когда над столь громадным крушением мы видим еще более громадную Империю, всплывающую подобно Святому ковчегу, кто дерзнет сомневаться в ее призвании, и нам ли, ее детям, проявлять неверие и малодушие?» (*ПССиП. Т. 3. С. 144, 157*).

«НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ЛЕСТНЕЙ ДЛЯ МУДРОСТИ ЛЮДСКОЙ...» 1848. Впервые – *Былое*. 1922. *№ 19. С. 75* (в статье Г.И. Чулкова «Тютчев и его эпиграммы»).

РУССКАЯ ГЕОГРАФИЯ. 1848 или 1849. Впервые – *Соч. 1886. С. 141 . Град Петров* – здесь: Рим, престол апостола Петра. *Как то провидел Дух и Даниил предрек* – имеется в виду библейское пророчество, что, после того как сменят друг друга четыре царства, Бог воздвигнет пятое, «которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» (Книга пророка Даниила, гл.2, ст.44). Тютчев отождествлял пятое царство с христианской империей Константина, т.е. с Восточной Римской империей, Византией, продолжением которой считал православную монархическую Россию (см. в конспекте трактата «Россия и Запад» – *ПССУП. Т. 3. С. 194–196, 198–199*).

«ЕЩЕ ТОМЛЮСЬ ТОСКОЙ ЖЕЛАНИЙ...» 1848. Впервые – *Москвитянин. 1850. № 8. Кн. 2. С. 288* . Посвящено памяти Элеоноры Тютчевой (урожд. Ботмер, в первом браке Петерсон; 1800–1838), первой жены поэта (с 1829 г.), написано в десятую годовщину ее кончины. Ей же, возможно, посвящено стихотворение «В часы, когда бывает...» (1858).

«НЕОХОТНО И НЕСМЕЛО...» 6 июня 1849. Впервые – *Киевлянин. 1850. Кн. 3. С. 192* (под заглавием «Гроза», в других прижизненных публикациях – «Гроза дорогой»). Написано по дороге из Москвы в Овстуг.

«ИТАК, ОПЯТЬ УВИДЕЛСЯ Я С ВАМИ...» 13 июня 1849. Впервые – *Москвитянин. 1850. № 8. Кн. 2. С. 288* . Написано в Овстуге, родовом имении Тютчева, куда он приезжал с семьей в июне 1849 г. *Как брат меньшей, умерший в пеленах...* – имеется в виду младший брат поэта Сергей, умерший в годовалом возрасте в 1806 г. *Ах, и не в эту землю я сложил...* – возможно, воспоминание о первой жене – Элеоноре Тютчевой, умершей и похороненной в Турине в 1838 г. (см. прим. к стих. «Еще томлюсь тоской желаний...»).

«ТИХОЙ НОЧЬЮ, ПОЗДНИМ ЛЕТОМ...» 23 июля 1849. Впервые – *Москвитянин. 1850. № 8. Кн. 2. С. 290* . Написано в Овстуге.

«КОГДА В КРУГУ УБИЙСТВЕННЫХ ЗАБОТ...» 23 октября 1849. Впервые – *Москвитянин. 1850. № 8. Кн. 2. С. 289*.

«ПО РАВНИНЕ ВОД ЛАЗУРНОЙ...» 29 ноября 1849. Впервые – *Москвитянин. 1850. № 7. Кн. 1. С. 164* (под заглавием «Плавание»).

«ВНОВЬ ТВОИ Я ВИЖУ ОЧИ...» 1849. Впервые – *Москвитянин. 1850. № 8. Кн. 2. С. 289* . В одном из автографов – под заглавием «Воспоминание». *Киммерийской грустной ночи* – здесь в расширительном смысле – северной. Киммерия – северное Причерноморье, крайний север известного древним грекам обитаемого мира; царящая там «ночь безотрадная» упоминается в «Одиссее» Гомера (песнь XI, 14–19). *Край иной* – Италия.

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ. 1848 или 1849. Впервые – *Киевлянин. 1850. Кн. 3. С. 191* (под заглавием «Моей землячке»).

«КАК ДЫМНЫЙ СТОЛП СВЕТЛЕЕТ В ВЫШИНЕ!...» 1848 или 1849. Впервые – *Москвитянин. 1850. № 8. Кн. 2. С. 290*.

«СЛЕЗЫ ЛЮДСКИЕ, О СЛЕЗЫ ЛЮДСКИЕ...» Осень 1849-го. Впервые – *Москвитянин. 1850. № 8. Кн. 2. С. 290*.

«КАК ОН ЛЮБИЛ РОДНЫЕ ЕЛИ...» 1849. Впервые – *Соч. 1886. С. 149* (под заглавием «О Ламартине»). Посвящено Альфонсу де Ламартину (1790–1869), поэту, публицисту и государственному деятелю, занимавшему в революционные дни 1848 г. пост министра иностранных дел Франции и выступившему с предложениями, которые не могли не

импонировать Тютчеву (в частности, предлагал отдать России Константинополь). В 1849-м, проиграв выборы президента республики, вернулся к частной жизни. В стихотворении обыгрывается фрагмент из его вышедшей в 1849 г. книги «Признания» («Les confidences»): «Ветер так же мелодически шумит в ветвях трех елей, посаженных моей матерью... когда мне случается забыть там на минуту, меня пробуждают только шаги старого виноградаря, который служил у нас прежде садовником и который приходит иногда навестить свои растения, как я мои воспоминания и мечты». К 1849 г. относится и написанное по-французски четверостишие Тютчева «Lamartine». См. также прим. к стих. «Одиночество (Из Ламартина)» (1820–1821).

«СВЯТАЯ НОЧЬ НА НЕБОСКЛОН ВЗОШЛА...» Между 1848 и мартом 1850-го. Впервые – *Москвитянин*. 1850. № 8. Кн. 2. С. 290. В одном из автографов – под заглавием «Самосознание».

РАССВЕТ («Не в первый раз кричит петух...»). Ноябрь 1849. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 57–58. В одном из автографов помета: «Посвящено Фуад-Эфенди», т.е. турецкому государственному деятелю и публицисту Мехмеду Фуад-паше (1814–1869), убежденному врагу России. Ироническое посвящение вызвано, вероятно, каким-то его выступлением насчет притязаний России на Константинополь.

НАПОЛЕОН (I. «Сын Революции, ты с матерью ужасной...» II. «Два демона ему служили...» III. «И ты стоял – перед тобой Россия!...»). <1850>. Впервые – *Москвитянин*. 1850. № 7. Кн. 1. С. 162–164. Второе стихотворение цикла написано в 1832 г. (в 1836 г. Пушкин хотел напечатать его в «Современнике», чему воспрепятствовала цензура), третье – в 1840 г. (как считал И.С. Аксаков) или, во всяком случае, не позднее 1849 г. (включено в конспект трактата «Россия и Запад», где есть глава «Россия и Наполеон»), первое – не позднее 1850 г. *Сын Революции* <...> ты всю ее носил в самом себе. – Деятельность Наполеона Тютчев считал внутренне противоречивой: «Это кентавр – наполовину Революция, наполовину... Но своим нутром он тяготел к Революции. <...> ...именно Россия была его истинным противником – борьба между ними была борьбой между законной Империей и коронованной Революцией. <...> Наполеон ознаменовал последнюю безнадежную попытку Запада создать себе местную Власть, она закономерно потерпела неудачу. Ибо невозможно было бы извлечь Власть из Революционного Принципа» (*ПССуП*. Т. 3. С. 197, 199). В его главе – орлы парили, в его груди – змии вились... – реминисценция из публицистического очерка Г. Гейне, вошедшего в его книгу «Французские дела» («Französische Zustände», 1832). По слова Гейне, Наполеон был гением, «в голове которого гнездились орлы вдохновения, между тем как в сердце вились змеи расчета». *Да сбудутся ее судьбы!* – слова Наполеона из приказа по армии при переходе через Неман 22 июня 1812 г.: «Россия увлекаема Роком: да свершатся ее судьбы». *Но новую загадку в изгнание ты возразил...* – имеются в виду слова, сказанные Наполеоном на острове Святой Елены: «Через пятьдесят лет Европа будет либо под властью революции, либо под властью казаков». *На родину вернувшийся мертвец...* – прах Наполеона был перенесен в Париж с острова Святой Елены в 1840 г.

ПОЭЗИЯ. <1850>. Впервые – *Москвитянин*. 1850. № 7. Кн. 1. С. 163. Написано, скорее всего, в конце 1840-х гг., когда Европа была охвачена войнами и мятежами.

«КОНЧЕН ПИР, УМОЛКЛИ ХОРЫ...» <1850>. Впервые – *Москвитянин*. 1850. № 13. Кн. 1. С. 2 (с двумя важными разночтениями: в 15-м стихе – «И безумными толпами»; в 17-м – «В черном выпренном пределе»).

РИМ НОЧЬЮ. <1850>. Впервые – *Москвитянин*. 1850. № 13. Кн. 1. С. 3.

ВЕНЕЦИЯ. <1850>. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 30. Описанный в стихотворении обычай существовал в Венеции до полной утраты ею независимости в 1797 г.,

когда был упразднен и институт дождей. *Века три или четыре разрасталась... тень от Львиного Крыла* – расцвет Венецианской республики пришелся на XII – XV вв. На гербе Венеции изображен крылатый лев, символизирующий покровителя города – св. апостола Марка.

БЛИЗНЕЦЫ. <1850>. Впервые – *Соч. 1886. С. 145–146* (с датой – 1849 г.). В позднейшем автографе (1857) большие разночтения, наиболее интересные – во второй строфе:

Есть два другие близнеца –
 Две тоже демонские власти –
 И нет неодолимей страсти,
 Им покоряющей сердца...

ПРОРОЧЕСТВО. 1 марта 1850. Впервые – *Современник. 1854. Т. 44. С. 57* (без заглавия). Написано в связи с близившимся в 1853 г. 400-летием падения Византии (1453 г.), возрождения которой чаял Тютчев.

«УЖ ТРЕТИЙ ГОД БЕСНУЮТСЯ ЯЗЫКИ...» 1850. Впервые – *Северная пчела. 1850. № 52, раздел «Пчелка»*. Обращено к императору Николаю I, выпустившему 14 марта 1848 г. манифест «О событиях в западной Европе», в котором говорилось: «...дерзость угрожает, в безумии своем, и Нашей, Богом нам вверенной, России. – Но да не будет так!»; завершался он словами православного песнопения «С нами Бог». *Вспять отхлынула волна* – революционные потрясения в Европе действительно тогда не затронули России; см. также стих. «Море и утес» (1848).

«НЕТ, КАРЛИК МОЙ! ТРУС БЕСПРИМЕРНЫЙ!...» 1850. Впервые – *Стих. 1868. С. 128*. Обращено к графу Карлу Васильевичу Нессельроде (1780–1862), российскому министру иностранных дел в 1822–1856 гг., который не разделял оптимизма сторонников приближающейся войны с Турцией. *То, что орел Екатерины уж прикрывал своим крылом* – Константинополь; имеется в виду так наз. «греческий проект» Г.А. Потемкина и Екатерины II о воссоздании Византийской империи.

«ТОГДА ЛИШЬ В ПОЛНОМ ТОРЖЕСТВЕ...» Первая половина 1850-го. Впервые – *Соч. 1886. С. 154. Не в Петербурге, не в Москве, а в Киеве и Цареграде...* – т.е. условием примирения будет возвращение Польши в лоно Православия.

«НЕ РУССУЖДАЙ, НЕ ХЛОПОЧИ!...» Начало июля 1850. Впервые – *Москвитянин. 1851. № 22. Кн. 2. С. 220* (под заглавием «Совет»).

«ПОШЛИ, ГОСПОДЬ, СВОЮ ОТРАДУ...» Июль 1850. Впервые – *Современник. 1854. Т. 44. С. 333–334* (с двумя разночтениями: «Бредет по жаркой мостовой» – ст. 4; «Главы его не освежит...» – ст. 16).

НА НЕВЕ. Июль 1850. Впервые – *Современник. 1854. Т. 44. С. 13* (с двумя разночтениями: «И опять звезда ныряет» – ст. 1; «Пышноструйная волна» – ст. 14).

«КАК НИ ДЫШИТ ПОЛДЕНЬ ЗНОЙНЫЙ...» Июль 1850. Впервые – *Современник. 1854. Т. 44. С. 34*. Считается первым стихотворением так называемого денисьевского цикла любовной лирики Тютчева, поскольку в нем упомянута «тайная страсть». К середине июля 1850 г. относится сближение поэта с Еленой Александровной Денисьевой (1826–1864), любовная связь с которой, продолжавшаяся до ее смерти, стала самой драматичной в жизни поэта. См. об этом: *Чулков Г.И. Последняя любовь Тютчева. М., 1928* (и мн. др.).

«ПОД ДЫХАНЬЕМ НЕПОГОДЫ...» 12 августа 1850. Впервые – *Современник. 1854. Т. 44. С. 31*.

«ОБВЕЯН ВЕЩЕЮ ДРЕМОТОЙ...» 15 сентября 1850. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 40 (под заглавием «15 сентября 1850»).

ДВА ГОЛОСА. 1850. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 55–56. В образном строе перекликается с масонским гимном И.В. Гёте «Символ» («Symbolum», 1816) и стихотворением Ф. Гёльдерлина «Песнь судьбы» («Schicksalslied»), вошедшим в его роман «Гиперион» (1822), но принципиально расходится с ними в идейном пафосе. В стихотворении Тютчева нравственное превосходство остается за человеческим духом, возвышающимся над «богами» природы – ее законами и необходимостью. Считается этапным в творчестве Тютчева стихотворением, после которого у него практически исчезают пантеистические мотивы (их роль, правда, часто преувеличивалась), а преобладание получают ортодоксально христианские.

ГРАФИНЕ Е.П. РОСТОПЧИНОЙ (в ответ на ее письмо). 1850. Впервые – *Раут*. 1852. С. 203–204. Обращено к поэтессе графине Евдокии Петровне Ростопчиной (урожд. Сушкова; 1811–1858). *И в замке феи-Нелюдимки* – имеется в виду драма Ростопчиной «Нелюдимка» (1850). В автографе в конце стихотворения добавлена еще одна строфа:

И страстно песнь ее звучала,
Пленяя души и сердца,
Она Бетховена играла,
И... доиграла до конца.

ПОМИНКИ (Из Шиллера). 1850. Впервые – *Раут*. М., 1851. С. 75–80. Перевод стихотворения Ф. Шиллера «Праздник победы» («Das Siegefest», 1803), составленного из речей вернувшихся из похода под Троею греческих героев. В свое время большой известностью пользовалась являющаяся его переложением баллада В.А. Жуковского «Торжество победителей» (1828). *Приамов град* – Троя (или *Илион*). *Ахеяне* – греки. *Пэан* – хоровая песнь, гимн. *Калхас* – главный жрец-прорицатель в греческом стане. *Эгидоносный* – носящий щит (один из постоянных атрибутов Зевса). *Агамемнон, царь царей* – предводитель греков под Троею. *Керы* – кровожадные демоны, олицетворение судьбы. *Тот лишь дом и тверд и прочен...* и сл. – имеется в виду дождавшаяся Одиссея верная Пенелопа, которую он напрасно подозревал. *Супругой возвращенной снова счастливый Атрид* – Менелай, сын Атрея, брат Агамемнона, вернувший себе Елену, из-за похищения которой разгорелась Троянская война. *Кронид* – Зевс, сын Крона. *Вероломцу страшно мстит – и семье его и дому* – имеется в виду гибель Агамемнона по возвращении домой от руки жены Клитемнестры, в свою очередь убитой потом их сыном Орестом. *Аякса брат меньшей* – Аякс Малый, вернувшийся на родину, в отличие от своего тезки Аякса Большого, который сошел с ума и покончил с собой, после того как боги присудили оружие Ахилла не ему, а Одиссею («но не сильный, а лукавый мзду великую стяжал»). *Патрокл* – друг Ахилла, павший на поединке с Гектором. *Тирсит* – самый трусливый из греческих воинов. *Пелид* – Ахилл, сын Пелея. *Сын Тидеев* – Диомед, славившийся великодушием, прославляет врага – доблестно павшего вождя троянцев Гектора. *Нестор* – старейший из греческих царей, бывших под Троею. *Гекуба* – жена царя Трои Приама, потерявшая всех своих сыновей. *Ниоба* – олицетворение материнского горя; боги наказали ее за похвальбу многодетностью, убив всех ее детей, а потом из жалости превратили в камень. *Провозвестница-жена* – троянская пророчица Кассандра, дочь Приама.

«СМОТРИ, КАК НА РЕЧНОМ ПРОСТОРЕ...» <1851>. Впервые – *Москвитянин*. 1851. Ч. 3. № 11. С. 238. Г.И. Чулков датировал стихотворение 1848 г.

«О, КАК УБИЙСТВЕННО МЫ ЛЮБИМ...» Начало 1851. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 37–38. Относится к так называемому денисьевскому циклу. *Год не прошел* – близость поэта с Е.А. Денисьевой началась в июле 1850 г. (см. прим. к стих. «Как ни дышит полдень знойный...»).

«НЕ ЗНАЮ Я, КОСНЕТСЯ ЛЬ БЛАГОДАТЬ...» Апрель 1851. Впервые – *Русский архив*. 1892. Вып. 4. С. 536. Обращено к жене Эрн. Ф. Тютчевой, найдено ею в своем альбоме-гербарии, куда листок со стихотворением был вложен поэтом, уже после его смерти. См. также прим. к стих. «Еще земли печален вид...».

ПЕРВЫЙ ЛИСТ. Май 1850. Впервые – *Раут*. 1852. С. 202.

«НЕ РАЗ ТЫ СЛЫШАЛА ПРИЗНАНЬЕ...» 1851. Впервые – *Звенья*. 1932. Т. 1. С. 86. Обращено к Е.А. Денисьевой вскоре после рождения от Тютчева первой дочери Елены (1851–1865) и, вероятно, еще до того, как ребенок был крещен, поскольку назван здесь «безымянным херувимом».

НАШ ВЕК. 10 июня 1851. Впервые – *Москвитянин*. 1851. № 16. Кн. 2. С. 379. «Я верю, Боже мой! Приди на помощь моему неверью!..» – обращенные к Христу слова отца бесноватого отрока (Марк, гл. 9, 24).

ВОЛНА И ДУМА («Дума за думой, волна за волной...»). 14 июля 1851. Впервые – *Раут*. М., 1852. С. 202. Есть версия, что заглавие принадлежит не Тютчеву, а издателю «Раута» Н.В. Сушкову (см.: *ПСС*. 1987. С. 387).

«О, НЕ ТРЕВОЖЬ МЕНЯ УКОРОЙ СПРАВЕДЛИВОЙ...» Между июлем 1850-го и серединой 1851-го. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 36. Относится к «денисьевскому» циклу.

«НЕ ОСТЫВШАЯ ОТ ЗНОЮ...». 14 июля 1851-го. Впервые – *Раут*. 1852. С. 201 (под заглавием «Ночь в дороге» и с разночтением в ст. 6: «Неба сонные ресницы»). Написано по дороге из Москвы в Петербург.

«В РАЗЛУКЕ ЕСТЬ ВЫСОКОЕ ЗНАЧЕНЬЕ...» 6 августа 1851. Впервые – *Соч*. 1900. С. 190.

«ТЫ ЗНАЕШЬ КРАЙ, ГДЕ МИРТ И ЛАВР РАСТЕТ...» (Из Гёте). <Октябрь 1851>. Впервые – *Раут*. 1852. С. 201–202. Перевод песни Миньона из романа И.В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» («Wilhelm Meisters Lehrjahre», 1795–1796).

«ДЕНЬ ВЕЧЕРЕЕТ, НОЧЬ БЛИЗКА...» 1851. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 13.

«КАК ВЕСЕЛ ГРОХОТ ЛЕТНИХ БУРЬ...» 1851. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 32.

«НЕДАРОМ МИЛОСЕРДЫМ БОГОМ...» 1851. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 55. Обращено к одной из дочерей Тютчева, нечаянно раздавившей канарейку.

«С ОЗЕРА ВЕЕТ ПРОХЛАДА И НЕГА...» (Из Шиллера). 1851. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 13. Перевод песни мальчика-рыбака, с которой начинается драма Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» (1804) – «Eslächelt der See, er ladet zum Bade...».

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ. Начало 1850-х. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 40. Считается ключевым стихотворением «денисьевского» цикла.

«Я ОЧИ ЗНАЛ, – О, ЭТИ ОЧИ!...» <1852>. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 35. Иногда относится к «денисьевскому» циклу, чему, однако, противоречит употребленное в

стихотворении прошедшее время.

«НЕ ГОВОРИ: МЕНЯ ОН, КАК И ПРЕЖДЕ, ЛЮБИТ...» 1852. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 35. Относится к «денисьевскому» циклу.

«ЧЕМУ МОЛИЛАСЬ ТЫ С ЛЮБОВЬЮ...» 1852. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 37–38. Относится к «денисьевскому» циклу.

«ТЫ, ВОЛНА МОЯ МОРСКАЯ...» Апрель 1852. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 47–48.

ПАМЯТИ В.А. ЖУКОВСКОГО. Конец июня 1852. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 46 (под заглавием «На смерть Жуковского»). Посвящено Василию Андреевичу Жуковскому (1783–1852), личность и жизнь которого были для Тютчева и многих его современников высоким примером. Написано по дороге из Орла в Москву. 29 июля 1852 г. Тютчев был на похоронах Жуковского, тело которого было перевезено из Баден-Бадена, где он скончался, в Петербург и погребено в Александро-Невской лавре. Жуковскому посвящено также четверостишие «Прекрасный день его на Западе исчез...» (1857) и одно из предсмертных стихотворений Тютчева – «17-ое апреля 1818» (1873). *Он были мне Омировы читал...* – Жуковскому принадлежит перевод «Одиссеи» Гомера, опубликованный в 1849 г. Тютчев в письме к жене Эрн. Ф. Тютчевой от 17/27 августа 1847 г. сообщал о шести днях, которые он провел с Жуковским, «занимаясь чтением его «Одиссеи» (см.: *ПССиП*. Т. 4. С. 432). *Как голубь... он духом был, хоть мудрости змеиной не презирал...* – имеются в виду слова, обращенные к апостолам: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Матфей, гл. 10, 16). *«Лишь сердцем чистые – те узрят Бога!»* – видоизмененная заповедь блаженства из Нагорной проповеди (Матфей, гл. 5, 8).

«СИЯЕТ СОЛНЦЕ, ВОДЫ БЛЕЩУТ...» 28 июля 1852. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 48. В последней строфе – обращение к Е.А. Денисьевой.

«ЧАРОДЕЙКОЮ ЗИМОЮ ОКОЛДОВАН, ЛЕС СТОИТ...» 31 декабря 1852. Впервые – *Соч.* 1886. С. 196. Написано в Овстуге.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ. Между второй половиной 1852 и началом 1854. Впервые – *Современник*. 1854. Т. 44. С. 38. Относится к «денисьевскому» циклу.

НЕМАН. 5–7 сентября 1853. Впервые – *Раут*. 1854. С. 163–164 (под заглавием «Проезд через Ковно»). Написано в Ковно (Каунас, Литва), где поэт останавливался, возвращаясь из-за границы в Петербург. Посылая это стихотворение жене Эрн. Ф. Тютчевой, он писал: «Эти стихи, о которых я тебе говорил, навеянные Неманом. Чтобы их уразуметь, следовало бы перечитать страницу из истории 1812 г. Сегюра, где идет речь о переходе через эту реку армии Наполеона, или по крайней мере вспомнить картинки, так часто попадающиеся на постоянных дворах и изображающие это событие» (цит. по: *ПСС*. 1987. С. 398). См. также прим. к стих. «Наполеон» (1850). *Южный демон* – Наполеон был уроженцем Корсики.

СПИРИТИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ. Между ноябрем 1853-го и апрелем 1854-го. Впервые – *Звенья*. М., 1922. Кн. 1. С. 187. Написано в связи с началом Крымской войны. Пытаясь угадать ее исход, Тютчев в это время действительно увлекся «столеверчением», т.е. спиритизмом, бывшим тогда модной светской новинкой. Об этом есть записи в дневнике дочери поэта А.Ф. Тютчевой, вот одна из них – от 6/18 апреля 1854 г.: «Мой отец находится в состоянии крайнего возбуждения, он весь погружен в предсказания своего стола, который по поводу восточного вопроса и возникающей войны делает множество откровений, как две капли воды похожих на собственные мысли моего отца» (*Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник: В 2 ч. М., 1928. С. 135–136).

ЛЕТО 1854. Август 1854. Впервые – *Стих. 1868. С. 163* (без заглавия).

«УВЫ, ЧТО НАШЕГО НЕЗНАНЬЯ...» 11 сентября 1854-го. Впервые – *Стих. 1868. С. 171*.

«ТЕПЕРЬ ТЕБЕ НЕ ДО СТИХОВ...» 24 октября 1854-го. Впервые – *Стих. 1868. С. 164*. Отклик на высадку англо-французских войск в Крыму и начало осады Севастополя. 13 октября 1854 г. состоялось сражение под Балаклавой, сорвавшее их планы взять город с ходу.

НА НОВЫЙ 1855 ГОД. Конец 1854-го или начало 1855-го. Впервые – *Русский архив. 1867. № 12. Стлб. 1638*. Согласно имеющимся спискам, написано 31 декабря 1854 или 1 января 1855. В автографе, вписанном в альбом Г.П. Данилевского в конце 1855 г., – под заглавием «1856», что означало актуальность предсказания и для следующего года. Отклик на катастрофически ухудшившееся в конце 1854 г. положение русских войск в Севастополе. См. также прим. к стих. «Спиритистическое предсказание». *Одна ли выя, народ ли целый обречен?..* – имеется в виду Николай I, скончавшийся вскоре после написания стихотворения в феврале 1855 г. Севастополь был сдан в сентябре того же года.

ПО СЛУЧАЮ ПРИЕЗДА АВСТРИЙСКОГО ЭРЦГЕРЦОГА НА ПОХОРОНЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ. 1 марта 1855-го. Впервые – *Стих. 1868. С. 169*. Австрийский эрцгерцог Франц Карл Вильгельм прибыл в Петербург 27 февраля 1855 г. для участия в похоронах Николая I, состоявшихся 1 марта. Фактическим адресатом стихотворения является не эрцгерцог, а его двоюродный брат – австрийский император (с 1848 г.) Франц Иосиф I (1830–1916), многим обязанный России и лично Николаю I. Во время Крымской войны он, заявляя о своем нейтралитете, фактически поддерживал ее врагов.

«ПЛАМЯ РДЕЕТ, ПЛАМЯ ПЫШЕТ...» 10 июля 1855-го. Впервые – *Русская старина. Т. 45, февраль. С. 433*. Предположительно, относится к «денисьевскому» циклу.

«ТАК, В ЖИЗНИ ЕСТЬ МГНОВЕНИЯ...» Июль 1855? Впервые – *Русская старина. Т. 45, февраль. С. 433*. Ритмически созвучно стихотворению М.Ю. Лермонтова «Молитва» («В минуту жизни трудную...», 1839).

«ЭТИ БЕДНЫЕ СЕЛЕНЬЯ...» 13 августа 1855-го. Впервые – *Русская беседа. Ч. 2. Кн. 6. С. 143*.

«ВОТ ОТ МОРЯ И ДО МОРЯ...» 13 августа 1855-го. Впервые – *Русская беседа. Ч. 2. Кн. 6. С. 143–144*. *Нить железная* – телеграф. *Кровь севастопольских вестей* – в июле и начале августа 1855 г. проходили жесткие бомбардировки Севастополя.

«НЕ БОГУ ТЫ СЛУЖИЛ И НЕ РОССИИ...» 1855. Впервые – *Былое. 1922. № 19. С. 76*. Написано после падения Севастополя в сентябре 1855 г., чем и вызвано выразившееся в этой эпиграмме-эпитафии раздражение поэта на покойного Николая I (умер 18 февраля 1855 г.), которого он считал виновником поражения России.

ГР. РОСТОПЧИНОЙ («О, в эти дни – дни роковые...»). 16 октября 1855-го. Впервые – *Стих. 1868. С. 173*. Написано по случаю возвращения Е.П. Ростопчиной в Петербург, который она вынуждена была покинуть из-за недовольства Николая I, вызванного публикацией в 1846 г. баллады «Неравный брак» об отношениях Польши и России. См. также стих. «Графине Е.П. Ростопчиной (в ответ на ее письмо)» (1850).

«О ВЕЩАЯ ДУША МОЯ!...» 1855. Впервые – *Русская беседа. 1857. Ч. 2. Кн. 6. С. 144*. В последней строфе имеется в виду евангельская Мария, сестра умершего и воскрешенного Иисусом Лазаря, и два главных эпизода с ее участием (см.: Иоанн, гл. 11, 32; Лука, гл. 10,

39–41).

<ИЗ МИКЕЛАНДЖЕЛО> («Молчи, прошу, не смей меня будить...»). 1855. Впервые – *Стих. 1868. С. 171*. Перевод четверостишия Микеланджело (1475–1564) «Grato m'è 'l sonno, e più l'esser di sasso...» (1545), написанного от имени изваяния Ночи на саркофаге Джулиано Медичи во Флоренции в ответ на стихи Джованни Строщи, в которых говорилось, что эта скульптура полна жизни и, стоит ее разбудить, как она заговорит. Стихотворение Микеланджело Тютчев сначала перевел на французский язык: «Oui, le sommeil m'est doux plus doux – de n'être pas...»

«ТОМУ, КТО С ВЕРОЙ И ЛЮБОВЬЮ...» 4 января 1856. Впервые – *Русский архив. 1907. Вып. 2. С. 276*. Адресовано Абраму Сергеевичу Норову (1795–1869), писателю, участнику Отечественной войны 1812 г. и министру просвещения в 1854–1859 гг.

«ВСЕ, ЧТО СБЕРЕЧЬ МНЕ УДАЛОСЬ...» 8 апреля 1856. Впервые – *Соч. 1900. С. 7*. Обращено к жене Эрн. Ф. Тютчевой в день ее рождения.

Н.Ф. ЩЕРБИНЕ («Вполне понятно мне значенье...»). 4 февраля 1857. Впервые – *Русский вестник. 1857. Т. 7. Кн. 2. Февраль. С. 837*. Адресовано поэту Николаю Федоровичу Щербине (1821–1869), отличавшемуся преобладанием в его творчестве античных тем и мотивов.

«С ВРЕМЕННОМ ФОРТУНА В СПОРЕ...» (Из Шиллера). < 2 апреля 1857 >. Впервые – *Собрание сочинений Шиллера в переводах русских писателей / Ред. Н.П. Гербель. СПб., 1857. Т. 2. С. 247* (под заглавием «Фортуна и Мудрость»). Перевод стихотворения Ф. Шиллера «Счастье и мудрость» («Das Glück und die Weisheit», 1781). *София* – мудрость.

«ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ ЕГО НА ЗАПАДЕ ИСЧЕЗ...» 11 апреля 1857-го. Впервые – *Временник Пушкинского дома. Пг., 1914. С. 40*. Надпись на томе посмертно изданных сочинений В.А. Жуковского, подаренного поэтом одной из дочерей – Дарье Федоровне Тютчевой (1834–1903). Жуковский скончался в Баден-Бадене, немецком курортном городе.

«НАД ЭТОЙ ТЕМНОЮ ТОЛПОЙ...» 15 августа 1857-го. Впервые – *Русская беседа. 1858. Т. 2. Кн. 10. С. 3*. (под заглавием «Народный праздник»). Написано в Овстуге 15 августа 1857 г. в день местного престольного праздника – Успения Пресвятой Богородицы. Вызвано размышлениями о начавшихся в обществе разговорах об освобождении крестьян.

«ЕСТЬ В ОСЕНИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ...» 22 августа 1857-го. Впервые – *Русская беседа. 1858. Ч. 2. Кн. 10. С. 3*.

«СМОТРИ, КАК РОЩА ЗЕЛЕНЕЕТ...» Конец августа 1857-го. Впервые – *Русская беседа. 1858. Ч. 2. Кн. 10. С. 5*.

«КОГДА [ОСЬМНАДЦАТЬ] ЛЕТ ТВОИ...» 23 февраля 1858-го. Впервые – *Новые стихотворения. 1926. С. 50*. Написано ко дню рождения дочери поэта Марии Федоровны Тютчевой, в замужестве Бирилевой (1840–1872).

«В ЧАСЫ, КОГДА БЫВАЕТ...» <Апрель 1858>. Впервые – *Русская беседа. 1858. Кн. 10. С. 4*. Возможно, посвящено памяти первой жены поэта Элеоноре Федоровне и написано в 20-ю годовщину ее кончины. См. прим. к стих. «Еще томлюсь тоской желаний...».

«ОНА СИДЕЛА НА ПОЛУ...» <Апрель 1858>. Впервые – *Русская беседа. 1858. Кн. 10. С. 2*. Посвящено Эрн. Ф. Тютчевой, которая сожгла часть своей переписки, в т.ч. свои письма к Тютчеву.

УСПОКОЕНИЕ («Когда, что звали мы своим...»). 15 августа 1858. Впервые – *Русский вестник*. 1858. Т. 16, август. Кн. 2. С. 719–720. Вольный перевод стихотворения австрийского поэта Николауса Ленау (1802–1850) «Взгляд в поток» («Blick in den Strom»).

«ОСЕННЕЙ ПОЗДНЕЮ ПОРОЮ...» 22 октября 1858. Впервые – *Русская беседа*. 1859. Кн. 13. С. 2–3. Написано в Царском Селе. *Белокрылые виденья* – царскосельские лебеди.

НА ВОЗВРАТНОМ ПУТИ (I. «Грустный вид и грустный час...» II. «Родной ландшафт... Под дымчатым навесом...»). Конец октября 1859. Впервые – *Наше время*. 1860. 17 января. С. 12 (в обратной последовательности стихотворений). Написано по дороге из Кёнигсберга в Петербург. *Леман* – Женевское озеро.

«ЕСТЬ МНОГО МЕЛКИХ, БЕЗЫМЯННЫХ...» 20 декабря 1859. Впервые – *Соч.* 1886. С. 235. Написано в результате забавного недоразумения Тютчева с великим князем Константином Николаевичем (1827–1892), который прислал поэту очки для костюмированного бала – так же как и всем другим его участникам, поскольку сам был близорук и не желал быть узнаваемым по очкам. Тютчев же принял это за намек, что он за пару дней до этого не поклонился великому князю, не заметив его.

ДЕКАБРЬСКОЕ УТРО. Декабрь 1859. Впервые – *Гражданин*. 1872. № 1, 3 января. С. 9.

Е.Н. АННЕНКОВОЙ («И в нашей жизни повседневной...»). 1859. Впервые – *Соч.* 1886. С. 232–233. Посвящено Елизавете Николаевне Анненковой, в замужестве княгине Голицыной (1840–1886), дочери члена Государственного совета и поэта-любителя Н.Н. Анненкова, которая восхищалась стихами Тютчева. Ей же посвящено одно его французское стихотворение – «Е.Н. Анненковой» («D'une fille du Nord, chétive et languissante...»), 1859).

«КУДА СОМНИТЕЛЕН МНЕ ТВОЙ...» 1850-е годы. Впервые – *Былое*. 1922. № 19. С. 72 (в статье Г.И. Чулкова «Ф.И. Тютчев и его эпиграммы»).

МЕМЕНТО (Vevey 1859 – Gynive 1860). Конец октября 1860-го. Впервые – *Стих.* 1868. С. 187. Написано на смерть императрицы Александры Федоровны (1798–1860), вдовы Николая I, скончавшейся 19 октября. Тютчев вспоминает о своих встречах с нею в Веве (Швейцария) за год до этого – в сентябре 1859 г.

«ХОТЬ Я И СВИЛ ГНЕЗДО В ДОЛИНЕ...» Октябрь 1860-го. Впервые – *День*. 1861, 16 декабря. С. 3.

НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ВЯЗЕМСКОГО. Около 25 февраля 1861-го. Впервые – *Наше время*. 1861. № 8, 6 марта. С. 141–142 (в заметке «Юбилей князя П.А. Вяземского»). Написано к состоявшемуся 2 марта 1861 г. банкету в честь 50-летия литературной деятельности князя Петра Андреевича Вяземского (1792–1878), с которым Тютчева связывали многолетние приятельские отношения и сходство политических взглядов. Как поэт Вяземский также был одним из самых близких Тютчеву. К нему же обращены стихотворения «Князю П.А. Вяземскому» («Теперь не то, что за полгода...», 1861) и «Князю Вяземскому» («Есть телеграф за неимением ног!..», 1865). Описание банкета см. в Кн. : *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 18. СПб., 1904. С. 292–327.

АЛЕКСАНДРУ ВТОРОМУ. 25 марта 1861. Впервые – *Стих.* 1868. С. 189. Отклик на Манифест об освобождении крестьян 19 февраля 1861 г.

«Я ЗНАЛ ЕЕ ЕЩЕ ТОГДА...» 27 марта 1861. Впервые – *Стих.* 1868. С. 193. По

предположению Г.И. Чулкова, в стихотворении речь идет о покойной императрице Александре Федоровне (см.: *ПСС. 1933–1934. Т. 2. С. 376*). См. прим. к стих. «Memento» (1860).

«НЕДАРОМ РУССКИЕ ТЫ С ДЕТСТВА ПОМНИЛ ЗВУКИ...» Март 1861. Впервые – *Тютчевiana. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф.И. Тютчева. М., 1922. С. 17*. Обращено к Вильгельму Вольфсону (1820–1865), уроженцу Одессы, немецкому писателю и журналисту, переводчику и популяризатору русской литературы в Германии. По приглашению Академии наук он приезжал в Петербург на празднование юбилея П.А. Вяземского 2 марта 1861 г.

КНЯЗЮ П.А. ВЯЗЕМСКОМУ («Теперь не то, что за полгода...»). 12 июля 1861. Впервые – *День. 1861, 21 октября. С. 2*. Написано к отмечавшемуся в Петергофе 12 июля 1861 г. дню рождения П.А. Вяземского, через полгода после празднования 50-летнего юбилея его литературной деятельности (см. прим. к стих. «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского»).

«ИГРАЙ, ПОКУДА НАД ТОБОЮ...» 25 июля 1861. Впервые – *Русский архив. 1874. Вып. 7. С. 221–223*.

ПРИ ПОСЫЛКЕ НОВОГО ЗАВЕТА. 1861. Впервые – *День. 1861, 28 октября. С. 3*. Обращено к старшей дочери поэта Анне Федоровне Тютчевой (1829–1889), фрейлине императрицы Марии Александровны и воспитательнице ее дочери Марии. В 1866 г. она вышла замуж за И.С. Аксакова. Под «*нелегким жреб* ием» имеется в виду прежде всего то, что в 1838 г., в девятилетнем возрасте, она лишилась матери.

«ОН ПРЕЖДЕ МИРНЫЙ БЫЛ КАЗАК...» 1861. Впервые – *Каторга и ссылка. 1931. № 11–12. С. 210*. Эпиграмма на Григория Ивановича Филипсона (1809–1883), попечителя Петербургского учебного округа, усмирявшего студенческие волнения в 1861 г. Поэт по созвучию иронически уподобляет его Александру Македонскому, сыну царя Филиппа.

А.А. ФЕТУ (<1>. «Тебе сердечный мой поклон...» <2>. «Иным достался от природы...»). 14 апреля 1862. Впервые – *Стих. 1868. С. 196*. Обращено к Афанасию Афанасьевичу Фету (1820–1892) в ответ на его стихотворное послание «Мой обожаемый поэт...», содержащее просьбу к Тютчеву прислать ему свой портрет. В первой строфе второго стихотворения повторяются образы стихотворения «Безумие» (1830). *Великая Мать* – здесь: природа.

«ЗАТЕЮ ЭТОГО РАССКАЗА...» Февраль 1863-го. Впервые – *Тютчевiana. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф.И. Тютчева. М., 1922. С. 15*. Эпиграмма на повесть Л.Н. Толстого «Казачья», вышедшую из печати в начале 1863 г.

«УЖАСНЫЙ СОН ОТЯГОТЕЛ НАД НАМИ...» Начало августа 1863-го. Впервые – *День. 1863, 10 августа. С. 3–4*. Отклик на Польское восстание 1863–1864 гг. и антирусскую кампанию в европейской печати, которые как бы повторяли события тридцатилетней давности (см. прим. к стих. «Как дочь родную на заклянье...», 1831). *Осьмой уж месяц...* – Польское восстание началось в январе 1863 г.

ЕГО СВЕЛОСТИ КНЯЗЮ А.А. СУВОРОВУ. 12 ноября 1863-го. Впервые – *Колокол. 1864, 1 января. Л. 176. С. 1452*. Написано по случаю отказа князя Александра Аркадьевича Суворова (1804–1882), петербургского генерал-губернатора, подписать приветственный адрес усмирителю Польского восстания виленскому губернатору графу Михаилу Николаевичу Муравьеву (1796–1866), которого обвиняли в чрезмерной жестокости. Суворов, придерживавшийся неопределенно-либеральных взглядов, заявил, что он «не может сделать этой чести такому людоеду». См. также стих. «Князю Суворову» (1866). *Ваш дед великий его скрепил бы подписью своей* – имеется в виду Александр Васильевич Суворов (1730–1800),

который подавил польский мятеж и взял штурмом Прагу, предместье Варшавы, в 1794 г.

«КАК ЛЕТНЕЙ ИНОГДА ПОРОЮ...» 1863. Впервые – *Стих. 1868. С. 202–204* (здесь разбито на два самостоятельных стихотворения: «N.N.-ой» – строфы 1–5; «И самый дом наш будто ожил...» – строфы 6–9). Речь идет о Надежде Сергеевне Акинфиевой, урожденной Анненковой (1839–1891), внучатой племяннице канцлера А.М. Горчакова, некоторое время гостившей в доме Тютчевых. Ей же посвящены стихотворения «Велели вы – хоть, может быть, и в шутку...» и «Как ни бесилося злоречье...» (оба 1865).

Н.И. КРОЛЮ. 1863? Впервые – *Стих. 1868. С. 205*. Посвящено поэту и драматургу Николаю Ивановичу Кролю (1823–1871).

19-ое ФЕВРАЛЯ 1864 («И тихими последними шагами...»). 19 февраля 1864. Впервые – *Русский инвалид. 1864. 22 февраля. № 43*. Написано на смерть Дмитрия Николаевича Блудова (1785–1864), президента Академии наук (с 1855 г.) и председателя Государственного совета и Комитета министров (с 1861 г.). В юности он занимался литературой, был близок с Н.М. Карамзиным, В.А. Жуковским, П.А. Вяземским и А.С. Пушкиным. С Тютчевым он находился в дружеских отношениях. Блудов скончался 19 февраля 1864 г. – в третью годовщину выхода Манифеста об освобождении крестьян, в подготовке которого он участвовал.

«НЕ ВСЕ ДУШЕ БОЛЕЗНЕННОЕ СНИТСЯ...» 12 апреля 1864-го. Впервые – *Одnodневная газета Комитета академических театров помощи голодающим. 1922 г., 28–29 мая*. Отправленное по телеграфу поздравление с днем рождения дочери – Дарье Федоровне Тютчевой (1834–1903).

«УТИХЛА БИЗА... ЛЕГЧЕ ДЫШИТ...» 11 октября 1864. Впервые – *Русский вестник . 1865. Т. 55. № 2. С. 686*. Написано в Женеве, в заграничном путешествии, в которое Тютчев отправился после смерти Е.А. Денисьевой (4 августа 1864 г.), похороненной на Волковом кладбище в Петербурге (о ее могиле идет речь в последней строфе). *Биза* – название северного ветра, дующего над Женевским озером. *Белая гора* – Монблан.

«ВСЬ ДЕНЬ ОНА ЛЕЖАЛА В ЗАБЫТЬИ...» Между октябрём и декабрём 1864-м. Впервые – *Русский вестник. 1865. Т. 55. № 2. С. 685*. Написано в Ницце, воспоминание о последнем дне жизни Е.А. Денисьевой – 4 августа 1864 г.

<ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ> (<1>. «Кто б ни был ты, но, встретясь с ней...» <2>. «Как неразгаданная тайна...»). Ноябрь 1864. Первое стихотворение впервые – *Русь. 1880, 22 ноября. № 2. С. 4*; второе – *Стих. 1868. С. 209* (без заглавия); оба стихотворения в составе цикла – *Соч. 1886. С. 266* (под заглавием «Е.И.В. Государыне Императрице Марии Александровне» и в обратной последовательности стихотворений). Посвящено жене Александра II императрице Марии Александровне (1824–1880), с которой Тютчев встречался в Ницце осенью 1864 г. Ей же адресовано одно его французское стихотворение – «Pour Sa M^ajesté l'Impératrice» (конец 1850-х).

«О, ЭТОТ ЮГ, О, ЭТА НИЦЦА...» 21 ноября 1864-го. Впервые – *Русский вестник . 1865. № 2, февраль. С. 685*.

ENCYCLICA. 21 декабря 1864-го. Впервые – *День. 1865, 8 января. С. 32*. Отклик на энциклику папы римского Пия IX «Quanta cura» от 26 ноября 1864 г. (н. ст.) с приложением «Силлабуса» – перечня «главнейших заблуждений века», к которым была отнесена и свобода совести. В первой строфе стихотворения говорится о разрушении Иерусалимского храма римлянами в 70 г.

КНЯЗЮ ГОРЧАКОВУ («Вам выпало призванье роковое...»). 1864. Впервые – *Стих.*

1868. С. 206 . Обращено к князю Александру Михайловичу Горчакову (1798–1883), российскому министру иностранных дел с 1856 г., который «спас честь» России в дипломатической войне с западными державами, сопровождавшей Польское восстание. См. также стих. «К портрету государственного канцлера, князя А.М. Горчакова» (1867). *Отстойте мысль ее, спасите дух...* – И.С. Аксаков предполагал, что это относится к «грозившим русской печати новым стеснениям».

«КОГДА НА ТО НЕТ БОЖЬЕГО СОГЛАСЬЯ...» 11 января 1865-го. Впервые – *Стих. 1868. С. 215* . Обращено к дочери поэта Дарье Федоровне Тютчевой (1834–1903).

«КАК ХОРОШО ТЫ, О МОРЕ НОЧНОЕ...» Январь 1865. Впервые – *День. 1865, 23 января. С. 76* (в ранней короткой редакции, без ведома Тютчева); полностью – *Русский вестник. 1865. Т. 55. № 2. С. 687* .

ОТВЕТ НА АДРЕС. Вторая половина января 1865. Впервые – *Русский архив* . 1885. Вып. 10. С. 298 (под заглавием «Москвичам»). Отклик на поданный Александру II 11 января 1865 г. адрес московского дворянства с просьбой созвать «общее собрание выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству». Адрес был напечатан в газете В.Д. Скарятин «Весть» (1865, 14 января). См. прим. к стих. «Вы не родились поляком» (1869).

«ЕСТЬ И В МОЕМ СТРАДАЛЬЧЕСКОМ ЗАСТОЕ...» Конец марта 1865-го. Впервые – *Русский архив* . 1874. № 10. С. 377 (в биографическом очерке И.С. Аксакова, с купюрами); полностью – *Исторический вестник. 1903. № 7. С. 203* . Посвящено памяти Е.А. Денисьевой.

«ОН, УМИРАЯ, СОМНЕВАЛСЯ...» Начало апреля 1865. Впервые – *Иппокрена. 1917, октябрь. С. 5* . Написано к 100-летней годовщине со дня кончины М.В. Ломоносова 4 апреля 1865 г., широко отмечавшейся русской общественностью. Было прочитано Я.П. Полонским в зале Дворянского собрания на вечере памяти Ломоносова 7 апреля. *Зловещей думою томим...* – имеются в виду слова, сказанные им во время предсмертной болезни академику Я.Я. Штелину, впоследствии автору первой его биографии: «Друг, я вижу, что я должен умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть. Жалею токмо о том, что не мог я свершить всего того, что предпринял я для пользы отечества, для приращения наук и для славы Академии и теперь при конце жизни моей должен видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мной...» *Завоевал нам Просвещение, не нас поработил ему...* – Эту мысль в сходных выражениях раньше высказывал К.С. Аксаков, один из основоположников славянофильства: «Ломоносов во все время своей деятельности, и за границей и в России, ревностно принимая плоды просвещения от Запада, оставался и душою и характером и всем – русским вполне. <...> Ломоносов соединял любовь к просвещению с любовью к России и с резкою бранью нападал на немцев в России, противников своих, ведя за Россию и за ее просвещение неутомимую, ожесточенную борьбу» (Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 1846. С. 425–426). *Как тот борец ветхозаветный...* – имеется в виду патриарх Иаков, с которым «боролся Некто... до появления зари», после чего благословил его (см.: Книга Бытия, гл. 32, 24–32). В одном из автографов эта последняя строфа читается иначе:

Он – как борец ветхозаветный,
За нас боровшийся всю ночь –
И до Звезды Передрассветной
Себя не давший превозмочь.

«СЫН ЦАРСКИЙ УМИРАЕТ В НИЦЕ...» 8–11 апреля 1865. Впервые – *Былое. 1922. № 19. С. 68* (в статье Г.И. Чулкова «Ф.И. Тютчев и его эпиграммы»). Отклик на толки в обществе о предсмертной болезни старшего сына Александра II, наследника престола великого князя Николая Александровича (1843–1865), скончавшегося 12 апреля 1865 г. в Ницце.

12-ое АПРЕЛЯ 1865. 12 апреля 1865. Впервые – *Русский инвалид* . 1865. 14 апреля. № 79. С. 4. Написано на смерть наследника престола великого князя Николая Александровича (см. выше). *Претерпевший до конца* – аллюзия на евангельские слова: «И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же конца спасется» (Матфей, гл. 10, 22). *Он молится о ней...* – имеется в виду мать покойного императрица Мария Александровна.

«ПЕВУЧЕСТЬ ЕСТЬ В МОРСКИХ ВОЛНАХ...» 11 мая 1865. Впервые – *Русский вестник* . 1865. Т. 58. Август. С. 432 . *Эпиграф* – 13-й стих из послания позднеримского поэта Авсония (Децим Магн Авсоний, ок. 310 – ок. 394) «К Понтию Паулину. Письмо последнее», ср.: «В береговых камышах пробегает мусический трепет, / И с верховым ветерком сосновая шепчется хвоя» (*Авсоний* . Стихотворения. М., 1993. С. 191; перевод М.Л. Гаспарова). *Музыкальный* – музыкальный. *Мыслящий тростник* – образ, заимствованный из «Мыслей» («Les Pensees») французского философа Блеза Паскаля (1623–1662): «Человек не более, как самая слабая тростинка в природе, но это – тростинка мыслящая». В автографе в конце стихотворения добавлена еще одна строфа:

И от земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне
Души отчаянной протест.

Глас вопиющего в пустыне – выражение из библейской Книги пророка Исаии (гл. 40, 3), процитированное во всех четырех Евангелиях.

ДРУГУ МОЕМУ Я.П. ПОЛОНСКОМУ. 30 мая 1865. Впервые – *Полонский Я.П. Сочинения. СПб., 1869. Т. 1. С. 2* (в примечании). Ответ на послание Якова Петровича Полонского (1819–1898) «Ф.И. Тютчеву» («Ночной костер зимой у перелеска...», 1865).

«ВЕЛЕЛИ ВЫ – ХОТЬ, МОЖЕТ БЫТЬ, И В ШУТКУ...» 5 июня 1865. Впервые – *ПСС. 1933–1934. Т. 2. С. 159* . Адресовано Н.С. Акинфиевой в ответ на просьбу написать стихи в ее альбом. См. прим. к стих. «Как летней иногда порою...» (1863). *Дядя достославный...* – князь А.М. Горчаков (см. прим. к стих. «Князю Горчакову», 1864).

КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ («Есть телеграф за наименьшем ног...»). 28 июня 1865. Впервые – *Тютчевiana. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф.И. Тютчева. М., 1922. С. 15* . Первый вариант поздравительной телеграммы к именинам князя П.А. Вяземского, приходившимся на день 29 июня. См. также следующее стихотворение и прим. к стих. «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского» (1861).

«БЕДНЫЙ ЛАЗАРЬ, ИР УБОГОЙ...» 29 июня 1865. Впервые – *Стих. 1868. С. 217* (под заглавием «Телеграмма в Петергоф князю П.А. Вяземскому»). Поздравительная телеграмма к именинам князя П.А. Вяземского (см. выше). *Лазарь* – нищий из евангельской притчи (Лука, гл. 16, 19–31). *Ир* – нищий бродяга в «Одиссее» Гомера.

15 ИЮЛЯ 1865 («Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...»). 15 июля 1865. Впервые – *Исторический вестник. Т. 93. 1903. № 7. С. 202* (в статье сына поэта Ф.Ф. Тютчева, «Федор Иванович Тютчев. Материалы к его биографии»). Воспоминание о начале любовной связи с Е.А. Денисьевой (см. прим. к стих. «Как ни дышит полдень знойный...», 1850).

«МОЛЧИТ СОМНИТЕЛЬНО ВОСТОК...» 29 июля 1865. Впервые – *Русский вестник. 1865. Т. 58, июль. С. 111* (под заглавием «Восход солнца»). Здесь в аллегорической форме выражена надежда на возрождение восточных славянских народов, находящихся под властью Австро-Венгрии. Ср. также стихотворения «Рассвет» (1849) и «День православного Востока...» (1872).

НАКАНУНЕ ГОДОВЩИНЫ 4 АВГУСТА 1864 г. 3 августа 1865. Впервые – *Исторический вестник*. Т. 93. 1903. № 7. С. 201–202. Написано в канун первой годовщины смерти Е.А. Денисьевой.

«КАК НЕОЖИДААННО И ЯРКО...» 5 августа 1865. Впервые – *День*. 1865, 25 сентября. С. 780. Написано в городе Рославле (ныне в Смоленской обл.).

«НОЧНОЕ НЕБО ТАК УГРЮМО...» 18 августа 1865. Впервые – *День*. 1865, 25 сентября. С. 781. Написано по дороге из Овстуга в близлежащее село Дядьково или на обратном пути.

23 НОЯБРЯ 1865 («Нет дня, чтобы душа не ныла...»). 23 ноября 1865. Впервые – *Исторический вестник*. Т. 93. 1903. № 7. С. 202. Написано поэтом в день своего рождения и посвящено памяти Е.А. Денисьевой.

«КАК НИ БЕСИЛОСЯ ЗЛОРЕЧЬЕ...» 21 декабря 1865. Впервые – *Русский архив*. 1874. Кн. 11. Столб. 1124. Посвящено Н.С. Акинфиевой в связи со сплетнями, возникшими после ее развода с мужем, о ее отношениях с дядей А.М. Горчаковым. См. прим. к стих. «Как летней иногда порою...» (1863).

ГРАФИНЕ А.Д. БЛУДОВОЙ. 1 марта 1866. Впервые – *Стих*. 1868. С. 223. Посвящено Антонине Дмитриевне Блудовой (1813–1891), дочери Д.Н. Блудова. См. прим. к стих. «19-ое февраля» (1864).

«ТАК! ОН СПАСЕН – ИНАЧЕ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ!...» 4 апреля 1866. Впервые – *Соч*. 1900. С. 287. Отклик на первое из покушений на жизнь императора Александра II 4 апреля 1866 г. В него стрелял студент Д.В. Каракозов.

«КОГДА СОЧУВСТВЕННО НА НАШЕ СЛОВО...» 12 апреля 1866. Впервые – *ПСС*. 1933–1934. Т. 2. С. 172. По предположению Е.П. Казанович и Г.И. Чулкова, это результат какого-то сочувственного отклика на предыдущее стихотворение – «Так! Он спасен – иначе быть не может!...» (см.: *ПСС*. 1933–1934. Т. 2. С. 413–414).

КНЯЗЮ СУВОРОВУ. Апрель 1866. Впервые – *Соч*. 1900. С. 288 (под заглавием «К портрету»). Обращено к петербургскому генерал-губернатору А.А. Суворову, должность которого вскоре после выстрела Каракозова была упразднена. См. прим. к стих. «Его светлости князю А.А. Суворову» (1863).

«И В БОЖЬЕМ МИРЕ ТО Ж БЫВАЕТ...» 11 мая 1866. Впервые – *Стих*. 1868. С. 224. Отклик на распоряжение Министерства внутренних дел о приостановке на три месяца газеты «Московские ведомости». С ее главным редактором и издателем журнала «Русский вестник» Михаилом Никифоровичем Катковым (1818–1887) Тютчев во многом в своих политических взглядах был солидарен, а с его ближайшим сотрудником Александром Ивановичем Георгиевским (1829 или 1830–1911) находился в дружеских отношениях.

«КОГДА РАССТРОЕННЫЙ КРЕДИТ...» 3 июня 1866. Впервые – *Былое*. 1922. № 19. С. 72 (в статье Георгия Чулкова «Ф.И. Тютчев и его эпиграммы»). Эпиграмма на назначение товарищем министра финансов бывшего конногвардейского офицера Самуила Алексеевича Грейга (1827–1887).

«ТИХО В ОЗЕРЕ СТРУИТСЯ...» Июль 1866. Впервые – *Стих*. 1868. С. 220. Написано в Царском Селе.

«НА ГРОБОВОЙ ЕГО ПОКРОВ...» 2 сентября 1866. Впервые – *Русский инвалид*. 1866. № 229, 7 сентября. С. 4 (под заглавием «Памяти графа Муравьева»). Эпитафия на смерть графа Михаила Николаевича Муравьева (1796–1866), усмирителя Польского восстания 1853–1864 гг. и председателя Верховной комиссии по делу о покушении Д.В. Каракозова, скончавшегося 31 августа 1866. См. также стих. «Его светлости князю А.А. Суворову» (1863).

«КОГДА ДРЯХЛЕЮЩИЕ СИЛЫ...» 1–3 сентября 1866. Впервые – *Соч. 1900*. С. 294 (под заглавием «Князю П.А. Вяземскому»). Вызвано появлением сатирических стихов П.А. Вяземского «Воспоминания из Буало» и «Хлестаков», направленных против М.Н. Каткова (см. прим. к стих. «И в Божьем мире то ж бывает...»). Вяземский ощущал себя хранителем традиций дворянской культуры времен Н.М. Карамзина и пушкинской поры, и раздражительность по отношению ко всем новым явлениям в литературной и общественной жизни действительно была ему свойственна.

«НЕБО БЛЕДНО-ГОЛУБОЕ...» 17 сентября 1866. Впервые – *Литературная библиотека*. 1866. Октябрь. Кн. 1. С. 1–2. Написано по случаю торжественного въезда в Петербург 17 сентября 1866 г. датской принцессы Дагмары, невесты наследника престола великого князя Александра Александровича, будущей императрицы Марии Федоровны (1847–1928).

«УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ...» 28 ноября 1866. Впервые – *Стих. 1868*. С. 230. В стихотворении усматривается уподобление России Ноеву ковчегу, однажды уже сделанное Тютчевым (см. прим. к стих. «Море и утес», 1848).

НА ЮБИЛЕЙ Н. М. КАРАМЗИНА («Великий день Карамзина...») 30 ноября – 1 декабря 1866. Впервые – *Вестник Европы*. Т. 4. 1866, декабрь. С. 57 (без четвертой и пятой строф). Написано к 100-летней годовщине со дня рождения Николая Михайловича Карамзина (1766–1826). Было прочитано на вечере его памяти М.М. Стасюлевичем в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым 3 декабря 1866 г. Перекликается со стихотворением «Памяти В.А. Жуковского» (1852), поскольку для Тютчева Карамзин и Жуковский были люди «одного духа». См. также в стихотворении «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского» (1861).

«ТЫ ДОЛГО ЛЬ БУДЕШЬ ЗА ТУМАНОМ...» 20 декабря 1866. Впервые – *Стих. 1868*. С. 234. Написано по поводу восстания христианского населения острова Крит (кандиотов) против турецкого владычества в 1866 г., за которым последовали волнения на Балканах.

«ХОТЯ Б ОНА СОШЛА С ЛИЦА ЗЕМНОГО...» 31 декабря 1866. Впервые – *Стих. 1868*. С. 235–236. Написано по тому же поводу, что и предыдущее стихотворение, но уже после выхода обращения России к европейским державам с призывом защитить кандиотов. Среди приписываемых Тютчеву и, скорее всего, действительно принадлежащих стихов есть посвященное тем же событиям стихотворение «Не в первый раз волнуется Восток...» (см.: *Литературное наследство*. Т. 97. Ф.И. Тютчев. Кн. 1. М., 1988. С. 179–180).

В РИМЕ («Средь Рима древнего сооружалось зданье...»). Декабрь 1866. Впервые – *Стих. 1868*. С. 233 (под заглавием «В альбом княгини Т. (перевод с французского)»). Княгиня Т. – это княгиня Елизавета Эсперовна Трубецкая, урожденная княжна Белосельская-Белозерская (нач. 1830-х – 1907). Французский источник не установлен. *Нерон* (37–68) – римский император с 54 г.

«НАД РОССИЕЙ РАСПРОСТЕРТОЙ...» 1866 или 1867. Впервые – *Былое*. 1922. № 19. С. 72 (в статье Г.И. Чулкова «Ф.И. Тютчев и его эпиграммы»). Эпиграмма на графа Петра Андреевича Шувалова (1827–1889), назначенного в 1866 г. шефом жандармов и

начальником III Отделения Е.И.В.

«КАК ЭТОГО ПОСМЕРТНОГО АЛЬБОМА...» 1 марта 1867. Впервые – *Стих. 1868. С. 237* (под заглавием «Графине А.Д. Блудовой при получении от нее книги с заметками гр. Д.Н.Б.»). См. прим. к стих. «19-ое февраля 1864» (1864) и «Графине А.Д. Блудовой» (1866).

ДЫМ. 25 апреля 1867. Впервые – *Отечественные записки. 1867. Т. 172. Кн. 1, май. С. 181–182* (вслед за статьей Н.Н. Страхова «Новая повесть Тургенева»). Написано по прочтении романа И.С. Тургенева «Дым», вышедшего из печати в марте 1867 г. Среди приписываемых Тютчеву стихотворений есть также злая эпиграмма на него «И дым отчества нам сладок и приятен...».

СЛАВЯНАМ («Привет вам задушевный, братья...»). Начало мая 1867. Впервые – *Московские ведомости. 1867, 14 мая*; чуть позже – *Галичанин. 1867, 20 мая*. Вошло также в сборник «Братьям-славянам» (М., 1867. С. 45–48). Написано в связи с открытием Всероссийской этнографической выставки (см. прим. к стих. «К Ганке», 1841, 1867). Прочитано Б.М. Маркевичем на банкете в петербургском Дворянском собрании 11 мая 1867 г. в качестве приветствия прибывшим из Европы представителям разных славянских народов. *Коссово поле* – место битвы 15 июня 1389 г., в которой турки нанесли поражение сербам. *Белая Гора* – возвышенность близ Праги, на которой 8 ноября 1620 г. войска германского императора Фердинанда II разбили чехов и пресекли их попытки обрести политическую самостоятельность. *Они лишь нашего Иуду чествят лобзанием своим* – имеется в виду Польша, связавшая свою судьбу с католицизмом и папским престолом.

СЛАВЯНАМ («Они кричат, они грозятся...»). 11–16 мая 1867. Впервые – *Московские ведомости. 1867, 24 мая*; вошло также в сборник «Братьям-славянам» (М., 1867. С. 60–62) (под заглавием «Австрийским славянам»). Написано по тому же случаю, что предыдущее стихотворение. Прочитано С. М. Сухотиным на банкете в московском Дворянском собрании в качестве приветствия тем же гостям. *Эпиграф* – слова австрийского министра иностранных дел графа Фридриха Фердинанда фон-Бейста (1809–1886). Далее под «стеной» подразумевается Россия.

«НАПРАСНЫЙ ТРУД – НЕТ, ИХ НЕ ВРАЗУМИШЬ...» Май 1867. Впервые – *Стих. 1868. С. 238*.

К ПОРТРЕТУ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАНЦЛЕРА, КНЯЗЯ А.М. ГОРЧАКОВА. 13 июня 1867. Впервые – «Юбилей государственного канцлера князя А.М. Горчакова 1867 года» (литографированное издание, ГАРФ); затем – *Стих. 1868. С. 247* (под заглавием «На юбилей князя А.М. Горчакова»). Написано к 50-летию государственной деятельности князя Александра Михайловича Горчакова (1798–1883), который в связи с юбилеем 13 июня 1867 г. был назначен государственным канцлером. См. также прим. к стих. «Князю Горчакову». *В те дни кроваво-роковые...* – министром иностранных дел Горчаков был назначен в апреле 1856 г. после завершившейся поражением России Крымской войны. *Им, впервые, Русский Дух союзной силой признан...* – имеется в виду подозрительное отношение к славянофилам в царствование Николая I и, в частности, деятельность предшественника Горчакова на посту министра иностранных дел К.В. Нессельроде, которую Тютчев считал чуждой русским национальным интересам.

«КАК НИ ТЯЖЕЛ ПОСЛЕДНИЙ ЧАС...» 14 октября 1867. Впервые – *Сочинения графа П.И. Капниста: в 2 т. М., 1901. Т. 1. С. СXXXIII*. Напечатано при следующем воспоминании о графе Павле Ивановиче Капнисте (1830–1898), главном редакторе «Правительственного вестника»: «14 октября 1867 года произошло заседание совета Главного управления по делам печати, на котором присутствовал и поэт Ф.И. Тютчев, бывший тогда одним из членов совета. От внимания Капниста не ушло, что Тютчев, во время заседания, был весьма рассеян и что-то рисовал или писал карандашом на листе бумаги, лежавшем перед ним».

на столе. После заседания он ушел в раздумии, оставив бумагу. Капнист бросил на нее взгляд и заметил, что вместо канцелярских дел там написано несколько стихов. Он, конечно, взял и сохранил, на память о любимом им поэте, следующие строки». Далее следует текст стихотворения.

«СВЕРШАЕТСЯ ЗАСЛУЖЕННАЯ КАРА...» 27 октября 1867. Впервые – *Москва* . 1867. № 166, 29 октября. С. 4 . Отклик на вторжение в Папскую область итальянских повстанцев под предводительством Джузеппе Гарибальди (1807–1882), которое Тютчев рассматривает как Божью кару папскому престолу. В ноябре 1867 г. это нападение было отражено с помощью французских войск, посланных Наполеоном III, на которого Тютчев намекал в словах «чью помощь ни зови». В последней строфе – обращение к Пию IX (1792–1878), взошедшему на папский престол в 1846 г.

ПО ПРОЧТЕНИИ ДЕПЕШ ИМПЕРАТОРСКОГО КАБИНЕТА, НАПЕЧАТАННЫХ В «JOURNAL DE ST.-PÉTERSBOURG». 5 декабря 1867. Впервые – *Русский* . 1868. № 1, 1 января С. 10 . Отклик на опубликование 3 декабря 1867 г. дипломатической переписки русского правительства по восточному вопросу и, в том числе, официальной декларации, в которой Россия отказывалась в дальнейшем гарантировать целостность Османской империи. Тютчев надеялся, что это вызовет восстание находящихся под турецким игом славян.

«ПЕЧАТИ РУССКОЙ ДОБРОХОТЫ...» Середина апреля 1868. Впервые – *Былое*. 1922. № 19. С. 71 (в статье Г.И. Чулкова «Ф.И. Тютчев и его эпиграммы»). Эпиграмма вызвана цензурными преследованиями, которым подвергалась славянофильская газета «Москва» со стороны прозападнически настроенных чиновников Министерства внутренних дел.

ИЮНЬ 1868 г. («Опять стою я над Невой...»). Июнь 1868. Впервые – *Исторический вестник*. 1903. Т. 93. № 7. С. 201 . Считается, что в последней строфе – воспоминание о Е.А. Денисьевой.

ПОЖАРЫ. 16 июля 1868. Впервые – *Русский* . 1868. № 16, 19 июля. С. 1 . Написано по пути из Петербурга в Москву под впечатлением от зрелища лесных пожаров, которые Тютчев наблюдал из окна железнодорожного вагона.

«В НЕБЕ ТАЮТ ОБЛАКА...» 2 августа 1868. Впервые – *Соч.* 1886. С. 314 . Написано на принадлежавшем Тютчевым хуторе Гостиловка неподалеку от Овстуга.

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ. Конец августа 1868. Впервые – *Русский* . 1869. № 37, 31 января. С. 4 . Дарственная надпись на экземпляре сборника стихотворений Тютчева 1867 г., адресованная хорошо ему знакомому со студенческих лет М.П. Погодину (1800–1875) – историку, журналисту, издателю, академику и профессору Московского университета.

ПАМЯТИ Е.П. КОВАЛЕВСКОГО. 21 сентября 1868. Впервые – *Москва* . 1868. № 139, 25 сентября. С. 2 . Отклик на смерть писателя и путешественника Егора Петровича Ковалевского (1811–1868), являвшегося с 1856 г. управляющего Азиатским департаментом Министерства иностранных дел. Он скончался 20 сентября 1868 г.

МОТИВ ГЕЙНЕ. 1868 – начало 1869. Впервые – *Заря*. 1869. № 2. С. 118 . Вольный перевод стихотворения Г. Гейне «Der Tod, das ist die kühle Nacht...» из цикла «Опять на родине», вошедшего в его «Книгу песен» (1827).

«ВЫ НЕ РОДИЛИСЬ ПОЛЯКОМ...». Середина января 1869. Впервые – *Русский архив*. 1884. Вып. 1. С. 243 . Направлено против редактора-издателя газеты «Весть» Владимира Дмитриевича Скарятин (1825–1900), который в передовой статье в начале января 1867 г.

обвинил славянофильство в том, что оно с самого начала несло в себе «враждебные охранительным началам элементы». Его газета выражала интересы наиболее состоятельной верхушки дворянства, а сам он имел репутацию «борзописца олигархов» (по выражению П.В. Долгорукого). См. также прим. к стих. «Ответ на адрес» (1865).

«**НЕТ, НЕ МОГУ Я ВИДЕТЬ ВАС...**...». 5 февраля 1869. Впервые – *ПСС. 1933–1934. Т. 2. С. 264*. Обращено к князю А.М. Горчакову.

14-ое ФЕВРАЛЯ 1869 («Великий день Кирилловой кончины...»). 13 февраля 1869. Впервые – *Празднование тысячелетней памяти первосвятителя славян св. Кирилла 14 февраля 1869 г. в С.-Петербурге и Москве. Прага. 1869. С. 44*. Написано к тысячелетию со дня преставления святого равноапостольного Кирилла (827–869), одного из двух создателей славянской азбуки и учителей славянских. 14 февраля Православная Церковь особо празднует его память (11 мая – совместно с Мефодием). *Он нехотя свой прах тебе оставил, Рим...* – Кирилл и Мефодий были вызваны для разбирательства на папский суд в Рим, где Кирилл заболел и умер. Его мощи покоятся в соборе Св. Климента.

«**НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ...**» 27 февраля 1869. Впервые – *Северные цветы. М., 1903. С. 182*.

«**ДВЕ СИЛЫ ЕСТЬ – ДВЕ РОКОВЫЕ СИЛЫ...**» Март 1869. Впервые – *Соч. 1886. С. 321–322*.

11-ое МАЯ 1869 («Нас всех, собравшихся на общий праздник снова...»). 11 мая 1869. Впервые – *Соч. 1886. С. 318*. Написано к празднованию памяти святых равноапостольных учителей словенских Кирилла и Мефодия 11 мая 1869 г. в Славянском благотворительном обществе. В первой строфе – цитата из евангельского чтения на день Кирилла и Мефодия: «Вы – свет миру. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Матфей, гл.5, 14–16).

«**КАК НАСАЖДЕНИЯ ПЕТРОВА...**» Май 1869. Впервые – *Эстляндские губернские ведомости*. 1869. № 51, 25 июня. С. 425. В первых строках говорится о саде, разбитом по приказанию Петра I близ Ревеля (Таллина) вокруг построенного им Екатерининтальского дворца (ныне Кадрiorг). *Екатерининская долина* – перевод с нем. слова Екатерининталь.

<**О. И. ОРЛОВОЙ-ДАВЫДОВОЙ**> («Здесь, где дары судьбы освящены судьбой...»). 11 июля 1869. Впервые – *Московские ведомости*. 1882. № 132, 14 мая (в анонимной заметке «Из Серпуховского уезда»); см. также: *Литературное наследство. Т. 97. Ф.И. Тютчев. Кн. 1. М., 1988. С. 181* (публикация И.А. Королевой). Написано во время визита в Отраду – подмосковное имение графа В.П. Орлова-Давыдова, обращено к его супруге Ольге Ивановне Орловой-Давыдовой, урожденной княжне Барятинской (1814–1876), в день ее именин 11 июля.

АНДРЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ МУРАВЬЕВУ («Там, где на высоте обрыва...»). Август 1869. Впервые – *Заря*. 1869. № 9. Сентябрь. С. 1. Написано по случаю встречи поэта в Киеве в августе 1869 г. с другом юности А.Н. Муравьевым, ставшим крупным церковным деятелем и всероссийски известным духовным писателем. См. прим. к стих. «А.Н. М.» («Нет веры к вымыслам чудесным...», 1820). *Воздушно-светозарный храм* – Андреевский собор в Киеве.

В ДЕРЕВНЕ. 16 августа 1869. Впервые – *Соч. 1886. С. 328* (под заглавием «В деревне» и с подзаголовком «Нападение собаки – друга дома, на стаю гусей»). В одном из списков стихотворения имеется примечание: «Стихотворение это написано Ф.И. Тютчевым в одно из последних пребываний его в принадлежащем ему имении с. Овстуг и вызвано видом

собаки, гнавшейся за стадом гусей и уток».

ЧЕХАМ ОТ МОСКОВСКИХ СЛАВЯН. Около 24 августа 1869. Впервые – *Православное обозрение*. 1869. № 9. Сентябрь. С. 341–342 (в заметке «Пятисотлетний юбилей Иоанна Гуса»). Прочитано в Москве 24 августа на заседании Славянского комитета, посвященном 500-летию со дня рождения чешского религиозного реформатора Яна Гуса (1369–1415). Стихи были присоединены к золотой чаше, посланной в Прагу. Чаша является главным символом гуситского вероисповедания.

«ПРИРОДА – СФИНКС. И ТЕМ ОНА ВЕРНЕЙ...» Август 1869. Впервые – *Соч.* 1886. С. 340.

«КАК НАС НИ УГНЕТАЙ РАЗЛУКА...» 14 октября 1969. Впервые – *Красная нива*. 1926. № 6. С. 9.

СОВРЕМЕННОЕ. Первая половина октября 1869. Впервые – *Голос*. 1869. № 285, 15 октября. С. 2. Сатирический отклик на торжества в Турции по случаю завершения строительства Суэцкого канала в октябре 1869 г., на которые прибыли представители всех ведущих западных держав и лично французский император Наполеон III и его жена императрица Евгения, названная в стихотворении «Рима дочерью» и «коронованной феей».

А.Ф. ГИЛЬФЕРДИНГУ. 17 декабря 1869. Впервые – *Голос*. 1869. № 357, 28 декабря. С. 2. Адресовано слависту и этнографу, собирателю онежских былин Александру Федоровичу Гильфердингу (1831–1871), который, будучи избранным в адъюнкты Академии наук Отделением русской литературы и языка, был забаллотирован на общем собрании. По мнению Тютчева, виной тому было враждебное отношение к славянскому делу немцев, которые составляли значительную часть членов Академии наук.

Ю.Ф. АБАЗЕ. 22 декабря 1869-го. Впервые – *Соч.* 1886. С. 319–320. Обращено к певице Юлии Федоровне Абазе, урожденной Штуббе (1830–1915), жене председателя Департамента государственной экономии А.А. Абазы, принимавшей активное участие в основании Русского музыкального общества.

«ТАК ПРОВИДЕНИЕ СУДИЛО...». 1860-е годы. Впервые – *Новые стихотворения*. 1926. С. 6. Предмет эпиграммы и повод для ее написания не установлены.

«РАДОСТЬ И ГОРЕ В ЖИВОМ УПОЕНЬЕ...» (Из Гёте). Февраль 1870. Впервые – *Соч.* 1886. С. 391. Перевод песни Клары из второй сцены III действия трагедии И.В. Гёте «Эгмонт».

ГУС НА КОСТРЕ. 15–17 марта 1870. Впервые – *Заря*. 1870. № 5. Май. С. 3–4. Написано для прочтения на вечере с «живыми «картинами», устроенном 1 апреля 1870 г. в пользу Славянского благотворительного комитета. В стихотворении речь идет о казни Яна Гуса, сожженного 6 июля 1415 г. в Констанце вместе со своими трудами. *Вероломный кесарь* – германский император Сигизмунд, который при вызове Гуса на Собор в Констанце дал ему охранную грамоту, но затем признал ее недействительной как выданную еретику. *Старица простая...* – старая женщина, принесшая вязанку дров к костру, на котором должны были сжечь Гуса, и полагавшая, что поступает благочестиво. Увидев это, он, по преданию, воскликнул: «O sancta simplicitas!» («О, святая простота!»).

«НАД РУССКОЙ ВИЛЬНОЙ СТАРОДАВНОЙ...» Начало июля 1870-го. Впервые – *Соч.* 1886. С. 341. Написано проездом через Вильну (сейчас Вильнюс, Литва) за границу. В стихотворении идет речь о возрождении православия в древнем русском городе, долгое время находившемся под властью католической Польши. *Первоначальных лучших дней...* – вариация

заключительной строки стихотворения А.С. Пушкина «Возрождение» («Художник-варвар кистью сонной...», 1819). По наблюдению Д.П. Ивинского, эти стихи Пушкина являются подтекстом стихотворения Ф.И. Тютчева, проясняющим его смысл.

К.Б. («Я встретил вас – и все былое...»). 26 июля 1870-го. Впервые – *Заря . 1870. № 12. Декабрь. С. 26* . Написано в Карсбаде, посвящено баронессе А.М. Криденер (в заглавии переставлены начальные буквы слов «Баронессе Криденер»). См. прим. к стих. «Я помню время золотое...» (1834 или 1836).

ДВА ЕДИНСТВА. Конец сентября 1870. Впервые – *Заря . 1870. № 10. Октябрь. С. 3* . Стихотворение было прочитано на празднестве 11 октября 1870 г., устроенном Славянским благотворительным комитетом в честь перехода в православие 13 чехов. *Кровь льется через край* – имеется в виду начавшаяся в июле 1870 г. франко-прусская война. *Оракул наших дней* – Отто фон Бисмарк (1815–1898), министр-председатель правительства Пруссии с 1862 г. и первый канцлер Германской империи (Второго рейха) с 1871 г.

«ВЕЛЕНЬЮ ВЫСШЕМУ ПОКОРНЫ...» 27 октября 1870-го. Впервые – *Русь. 1880, 22 ноября. С. 17* (под заглавием «В альбом П.А. Вакара»). Вписано в альбом Платона Александровича Вакара (1820–1899), члена Совета главного управления по делам печати, сослуживца Тютчева, который долгое время занимал пост председателя Комитета иностранной цензуры.

«ЧЕМУ БЫ ЖИЗНЬ НАС НИ УЧИЛА...» Начало ноября 1870. Впервые – *Русский вестник . 1871. Январь. Т. 91. С. 118* . Посвящено Александре Васильевне Плетневой, урожденной княжне Щетининой (1826–1901), жене поэта и критика П.А. Плетнева, с которой Тютчева в последние годы жизни связывали теплые дружеские отношения. *Кто душу положил за други и до конца все претерпел...* – евангельские цитаты: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн, гл. 15, 13); «Претерпевший же до конца спасется» (Матфей, гл. 10, 22). В одном из автографов есть дополнительная вторая строфа:

Нет – то не призрачные тени,
 Не мир, лишь видимый во сне,
 Оне – превыше всех сомнений –
 Уж потому, что то – оне...

«ДА, ВЫ СДЕРЖАЛИ ВАШЕ СЛОВО...» Ноябрь 1870. Впервые – *Поздравления князю А.М. Горчакову по поводу циркуляра 19 октября 1870 г.* (литографированное издание, ГАРФ); затем – *Русский архив. 1874. № 10. С. 322–323* . Написано по случаю обнародования декларации канцлера князя А.М. Горчакова о расторжении Россией 14-й статьи Парижского мирного договора 1856 г., ограничивавшей ее права на Черном море. См. также прим. к стих. «Князю Горчакову» (1864).

«БРАТ, СТОЛЬКО ЛЕТ СОПУТСТВОВАВШИЙ МНЕ...» 11 декабря 1870. Впервые – *Русский архив. 1874. Вып. 10. Столб. 380–381* . Написано на смерть старшего брата Николая Ивановича Тютчева (9 июня 1801–8 декабря 1870) по дороге из Москвы в Петербург, куда поэт возвращался после его похорон.

«ВПРОСОНКАХ СЛЫШУ Я – И НЕ МОГУ...» Конец января – начало февраля 1871. Впервые – *Мурановский сборник. Вып. 1. М., 1928. С. 43* .

ЧЕРНОЕ МОРЕ. Начало марта 1871. Впервые – *Стихотворения к живым картинам, данным в пользу Славянского Благотворительного комитета 29 марта 1871 года. СПб., 1871. С. 43* . Написано в связи с расторжением Россией 14-й статьи Парижского мирного договора 1856 г., ограничивавшей ее права на Черном море (см. выше прим. к стих. «Да, вы сдержали

ваше слово...»). В четвертой строфе – цитаты из стихотворения А.С. Пушкина «К морю» (1824). *Петропавловского свода... гробовая сень* – имеется в виду могила Николая I в Петропавловском соборе.

ВАТИКАНСКАЯ ГОДОВЩИНА. 6 июля 1871. Впервые – *Гражданин. 1872. № 3, 17 января. С. 79*. Написано на первую годовщину принятия I Ватиканским собором догмата о непогрешимости папы римского (18 июля 1870).

«ОТ ЖИЗНИ ТОЙ, ЧТО БУШЕВАЛА ЗДЕСЬ...» 17 августа 1871. Впервые – *Соч. 1886. С. 352–353* (под заглавием «По дороге во Вщиж»). Написано во время поездки в село Вщиж Брянского уезда, которое некогда было столицей удельного княжества, о чем во времена Тютчева напоминали уже только древние курганы. Приводим сохранившийся в автографе первый незаконченный вариант стихотворения:

От жизни той, во дни былые
 Пробушевавшей над землей,
 Когда здесь силы роковые
 Боролись слепо меж собой,
 И столько бед здесь совершалось,
 И столько крови здесь лилось,
 Что уцелело и осталось?
 Затихло все и улеглось.
 Лишь кое-где, как из тумана
 Давно забытой старины,
 Два-три выходит здесь кургана.

«ВРАГ ОТРИЦАТЕЛЬНОСТИ УЗКОЙ...» 29 декабря 1871. Впервые – *Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М.П. Погодина. М., 1872. С. 88*. Написано к юбилею М.П. Погодина. См. прим. к стих. «Михаилу Петровичу Погодину» (1868).

ПАМЯТИ М.К. ПОЛИТКОВСКОЙ. Начало марта 1872. Впервые – *Гражданин. 1872. № 10, 6 марта. С. 338*. Посвящено знакомой поэта М.К. Политковской, скончавшейся в начале 1872 г.

«ДЕНЬ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСТОКА...» 16 апреля 1872. Впервые – *Московские ведомости. 1883. № 107, 19 апреля* (под заглавием «Светлое Христово Воскресение»). Написано в день Пасхи и послано поэтом дочери Марии Федоровне Тютчевой, в замужестве Бирилевой (1840–1872), умиравшей в это время от чахотки в Рейхенгалле (Бавария). Ср. также стих. «Рассвет» (1849) и «Молчит сомнительно Восток...» (1865).

«КАК БЕСТОЛКОВЫ ЧИСЛА ЭТИ...» 23 ноября 1872. Впервые – *Тютчевiana. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф.И. Тютчева. М., 1922. С. 17*. Вписано в альбом Марии Карловны Петерсон, в замужестве графиня Монжела (род. 1856), внучки первой жены поэта.

«МИР И СОГЛАСЬЕ МЕЖДУ НАС...» 21 апреля 1872. Впервые – *Одnodневная газета Комитета академических театров помощи голодающим. 1922, 28–29 мая 1922*. Поздравительная телеграмма старшей дочери А.Ф. Тютчевой (Аксаковой) ко дню ее рождения. См. прим. к стих. «При посылке Нового Завета» (1861).

«ТУТ ЦЕЛЫЙ МИР, ЖИВОЙ, РАЗНООБРАЗНЫЙ...» 1869–1870? Впервые – *Ф.И. Тютчев в своих письмах к Е.К. Богдановой и С.П. Фролову. Л., 1926. С. 12*. Написано в тетради стихов баронессы Екатерины Кирилловны Остен-Сакен, урожденной Зыбиной (1845–1923).

НАПОЛЕОН III. 30 декабря 1872. Впервые – *Гражданин. 1873 № 2, 8 января. С. 37*.

Написано на смерть Наполеона III (1808–9 января 1873 н. ст.), французского императора с 1852 г., личность и деятельность которого Тютчев оценивал крайне негативно, тем более что когда-то он был одним из инициаторов войны с Россией. *Иль бодрствует у изголовья одра, где царский сын лежал* – речь идет о великом князе Николае Александровиче, сыне Александра II, скончавшемся в 1865 г. См. стих. «Сын царский умирает в Ницце...» и «12-ое апреля 1865».

«ВСЕ ОТНЯЛ У МЕНЯ КАЗНЯЩИЙ БОГ...» Февраль 1873. Впервые – *Соч. 1900. С. 8*. Обращено к жене Эрн. Ф. Тютчевой.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВЕСНА. Февраль 1873. Впервые – *Новые стихотворения. 1926. С. 119*.

БЕССОННИЦА (Ночной момент). Апрель 1873. Впервые – *Соч. 1900. С. 369*.

«БЫВАЮТ РОКОВЫЕ ДНИ...» 1873. Впервые – *Русская старина. 1873. Т. 8. Август. С. 4*. Напечатано в конце некролога «Ф.И. Тютчев», написанного Александром Васильевичем Никитенко (1804–1877), вместе со следующим комментарием: «Несколько месяцев Тютчев страдал жестоким недугом. Его духовному существу в это тяжкое время принадлежала только часть его тела, другая – была отнята у него параличом. Но и среди, можно сказать, развалин его физического состава его не покидали ни светлая мысль, ни теплое чувство ко всему прекрасному, ни участие в судьбах дорогой ему отчизны и всех близких ему существ. Только недели за две до своей кончины он начал терять сознание, и здесь происходила уже настоящая борьба со смертью, которой упорно сопротивлялась еще его крепкая, хотя и потрясенная натура. В дни, предшествовавшие этому, мы слышали еще из уст его приветливые и трогательные слова и вместе с тем он передавал нам свою заботу о каком-то бедном сироте, о котором он просил одно высшее начальственное лицо. Вот, можно сказать, предсмертное излияние его чувствований в строках, присланных им нам и начертанных дрожащею рукою, которые мы с трудом могли разобрать». Далее следовал текст стихотворения Тютчева.

В. Коровин